

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

В Ы П У С К
14 (77)

Р. Г. РЫЛОВА

ГРАММАТИКА
СИРИЙСКОГО ЯЗЫКА
ИЛЬИ ТИРХАНСКОГО
XI В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1 9 6 5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
14 (77)

Р. Г. РЫЛОВА

ГРАММАТИКА
СИРИЙСКОГО ЯЗЫКА
ИЛИ ТИРХАНСКОГО
XIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 5

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение и развитие грамматических учений на Востоке мало разработано и изучено. Ни в одном общем труде по истории языкознания¹ нет раздела, посвященного грамматическим исследованиям языков народов Востока. В настоящее время имеются лишь работы по истории грамматических исследований отдельных языков.²

История развития грамматики у сирийцев изучена также еще недостаточно. Единственная монография, посвященная этому вопросу, — работа Меркса,³ — вышла еще в конце прошлого века. Из-за неравномерного освещения материала, т. е. наиболее полного раскрытия значения работ самых видных грамматиков и кратких сведений о грамматиках, не имевших, по его мнению, большого значения, или вообще отсутствия сведений о многих из них, труд Меркса оставляет большой простор для дальнейших исследований.

Глубокое и всестороннее знание сирийских грамматических учений на всех этапах развития, пути развития сирийской грамматики, влияние грамматик других языков представляет несомненно большой интерес и для современной науки о языке.

Сирийский язык входит в восточную группу арамейской ветви семитского языкового ствола и является литературным языком христиан северной Сирии и Месопотамии.⁴

¹ В. Томсен. История языкознания до конца XIX в. (с приложением: В. О. Шор. Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в.). М., 1938; С. Д. Кацнельсон. Краткий очерк языкознания. Л., 1941.

² Например: G. Flügel. Die grammatischen Schulen der Araber. Leipzig, 1862; В. Гиргас. Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873 (в дальнейшем: Гиргас. Очерк); M. Merx. L'Origine de la grammaire arabe, communication faite à l'institut Égyptien dans la séance du 9 janvier 1891. Le Caire, 1891; В. А. Звегинцев. История арабского языкознания. Краткий очерк. М., 1958; W. Bacher. 1) Die hebräische Sprachwissenschaft vom 10. bis zum 16. Jahrhundert. Trier, 1892; 2) Die Anfänge der hebräischen Grammatik. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG). Bd. 49, 1895; H. Hirschfeld. Literary history of Hebrew grammarians. London, 1926; и т. д.

³ A. Merx. Historia artis grammaticae apud Syros. Leipzig, 1889 (в дальнейшем: Merx. Historia).

⁴ С. Brockelmann. 1) Syrische Grammatik mit Paradigmen, Literatur, Chrestomathie und Glossar. Leipzig, 1955 (в дальнейшем: Brockelmann. Syrische Grammatik); 2) Das Aramäische, einschliesslich des Syrischen. Handbuch der Orientalistik, Bd. III, 2/3. Leiden, 1954, pp. 135—162; Д. Диригер. Алфавит. Пер. с англ. М., 1963.

Он был распространен в собственно Сирии, а также в Междуречье у границ Ирана — на север до областей Закавказья. Эти области были арамеизованы в VIII—VII вв. до н. э. Впоследствии из местного диалекта арамейского языка выработался литературный язык, получивший название сирийского. Классической ступени своего развития этот язык достиг в Эдессе. Древнейшие надписи Эдессы относятся к I—II вв. н. э., документ из Эдессы 243 г. н. э., датированный по селевкидской эре, написан скорописью, которая имеет все отличительные черты сирийского письма.⁵ Сирийский язык — язык гибкий, способный передавать глубокие и отвлеченные понятия, философские представления.

Многие ученые прошлого столетия, в том числе Ренан, Дюваль, Райт, Риссель,⁶ считали, что сирийская литература создается только в эпоху проникновения христианства в связи с оживленным религиозным движением и первым ее памятником является перевод Библии, — так называемая Пешитта.

Литературный сирийский язык существовал еще до распространения и принятия христианства, и в это время уже имелась богатая литература. Древняя традиция передает нам сведения о поэтических произведениях сирийцев, существовавших еще в языческий период.⁷

Расцвет сирийской литературы относится к периоду от IV до X в. н. э., когда сирийский язык стал вытесняться арабским. Но и в дальнейшем он остается литературным языком сирийцев, а его сокровищница пополняется новыми произведениями вплоть до XVII в.

Сирийский язык был литературным языком ассирийцев, носителей живых восточноарамейских диалектов, „... расселенных по всему Ближнему Востоку — от Антиливанских гор (Сирия) до северных берегов оз. Резаи (Урмия) (Иранский Азербайджан)“.⁸

Историю возникновения и развития сирийской грамматической мысли следует рассматривать в некоторой связи с греческим влиянием. В западной Сирии благодаря эллинизации Ближнего Востока был широко распространен греческий язык. Как грамматические учения сирийцев испытали на себе влияние „греческого образца в элементах и основах своей системы“, — пишет Ярослав Ткач, — так и сирийский язык имеет элементы греческого языка, а именно заимствованные слова,

---

⁵ Ch. C. Torrey. A syriac Parchment from Edessa of the Year 243 A. D. *Zeitschrift für Semitistik*, Bd. X, Leipzig, 1935, pp. 33—45; Ed. Sachau. *Edessenische Inschriften*. ZDMG, Bd. 36.

⁶ E. Renan. *Histoire général et système compare des langues sémitiques*. Paris, 1878; R. Duval. *La littérature syriaque*. Paris, 1907 (в дальнейшем: Duval. *La littérature syriaque*); В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. Пер. с англ. К. А. Тураевой, под ред. и с доп. П. К. Коковцова. СПб., 1902 (в дальнейшем: Райт. Краткий очерк); V. Rysse. *Über den textkritischen Wert der Syrischen Übersetzungen griechischer Klassiker*. Leipzig, I, 1880.

⁷ D. J. Tkatch. *Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles und die Grundlage der Kritik des griechischen Textes*, Bd. I. Wien und Leipzig, 1928, pp. 41a, 42a (в дальнейшем: Tkatch. *Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles*).

⁸ К. Г. Церетели. *Современный ассирийский язык*. М., 1964, стр. 7.

среди которых много технических выражений, заглавные греческие гласные для обозначения сирийских гласных, „проникновение аппелятивных и глагольных обозначений для выражения общих мировых понятий и обычных потребностей языка, даже наречий и частиц для выражения логических категорий“.⁹ Ряд греческих слов, философские и научные термины вошли в сирийский язык и были им освоены. Связь сирийского языка с греческим была настолько тесной, что некоторые сирийские памятники включают большое число греческих выражений.¹⁰

Благодаря глубокому знакомству сирийцев с произведениями греческой литературы и многочисленным переводам в словообразовании и синтаксисе сирийского языка также сказалось греческое влияние. „К сирийским словам часто присоединялись даже греческие окончания слов (как суффиксы множественного числа $\alpha\iota$, $\omicron\iota$, α , $\alpha\varsigma$, $\epsilon\iota\varsigma$), часто в неверной связи“.¹¹ Однако влияние греческого языка на сирийский не является столь значительным, чтобы можно было говорить об изменении грамматического строя и словарного состава сирийского языка под влиянием греческого. Слова, вошедшие в состав сирийского языка из греческого, способствовали обогащению словарного фонда. В остальном влияние греческого языка мало затрагивало грамматический строй и не препятствовало самостоятельному развитию сирийского языка и его грамматики. Первые упоминания о греческом языке и литературе у сирийцев относятся к III в. н. э. Мара бар Серапион (Серапион Самосатский), сириец-философ, который жил не позднее III в. н. э., в письме к сыну пишет о том, чтобы он изучал греческий язык и литературу.¹²

Центром их изучения была Сирийская академия, так называемая „школа персов“ в Эдессе. Древнейшие, известные нам переводы с греческого относятся к V в., — это рукопись Британского музея (Add. 12150), датированная 411 г.,¹³ и рукопись Публичной библиотеки в Ленинграде, которая содержит церковную историю Евсевия Кесарийского, написанную в 462 г.¹⁴

Первым известным переводчиком Аристотеля считается несторианский писатель V в. Хиба (Ива Эдесский).¹⁵ Имя Аристотеля и его труды по логике стали широко популярны среди сирийцев и переводились и использовались в произведениях как философских, богословских, так и грамматических.

⁹ Tkatsch. Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles, p. 49.

¹⁰ Там же, стр. 43а, 50.

¹¹ Там же, стр. 50а.

¹² Райт. Краткий очерк, стр. 22; Kh. Georr. Les Catégories d'Aristote dans leur versions Syro — Arabes. Beyrouth, 1948, p. 3.

¹³ W. Wright. Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum. Parts I—III. Oxford, 1870—1872 (в дальнейшем: Wright. Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum).

¹⁴ Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. Палестинский сборник, вып. 6 (69), М.—Л., 1960 (XXIV).

¹⁵ Райт. Краткий очерк, стр. 35—36; Tkatsch. Die Arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles, p. 57, Nota 1; J. V. Fischer. The origin of tripartite

Рассуждения на грамматические темы содержатся у Аристотеля главным образом в Поэтике,¹⁶ передачу сиро-арабского текста которой традиция возводит к V в. „В сиро-арабской передаче «Поэтика» часто представляла не как отдельный самостоятельный трактат, а как часть «Органона» и присоединялась к «Категориям», поэтому помещалась вместе с «Риторикой», среди логических работ Аристотеля“.¹⁷ Вследствие этого сирийские грамматики обычно ссылались на изучение „Органона“ Аристотеля, а не специально „Поэтики“.

Греческое влияние отразилось в сирийской грамматике и в методе, и в теории. Если поэтика описывала философскую структуру языка, то грамматика Дионисия Фракийского, со своими детализованными формулировками и правилами, служила сирийским грамматикам теоретической основой построения их грамматик.¹⁸

Об исходных положениях первых сирийских грамматиков, содержания и форме их работ известно немного.

Одним из первых сирийских грамматиков, о котором сохранились сведения, был автор VI в. Иосиф Хузайа (ум. до 580 г.), родом из Ахваза или Хузистана.¹⁹ О его деятельности сообщает Бар Эбрей, писатель XIII в., в своей церковной хронике и грамматике сирийского языка. По свидетельству Бар Эбрея, он „...переменил эдесский (или западный) способ чтения на восточный, который употребляют несториане, в течение же всего времени при Нарсае они обыкновенно читали так же, как и мы, западные сирийцы.“²⁰ Некоторые исследователи сирийского языка считают его основателем системы пунктуации у восточных сирийцев.²¹ Бар Эбрей отмечает еще, что Иосиф Хузайа написал трактат „о словах, которые читаются одинаково, но имеют различные значения“, и ссылается на него в своей грамматике: „Знай, что многие слова в сирийском языке как западными, так и восточными [сирийцами] произносятся одинаково, как [сказали] Хунайн бар Исхак, врач, Иешу бар Нун и Иосиф Хузайа“.²² Многие ученые²³ называют Иосифа

division of speech in semitic grammar. The Jewish Quarterly Review, vol. LIII, July, № 1, 1962; vol. LIV, № 2, 1963, pp. 6—7 (в дальнейшем: Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar).

¹⁶ Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, p. 132 sq.

¹⁷ Там же, стр. 2, 4.

¹⁸ Там же, стр. 4—5; Merx. Historia.

¹⁹ См. о нем: Merx. Historia, pp. 9—28, 68, 99—102; Райт. Краткий очерк, стр. 80; A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 116 (в дальнейшем: Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur); B. Chabot. Littérature syriaque. Paris, 1935, p. 55 (в дальнейшем: Chabot. Littérature syriaque).

²⁰ G. Barhebraeus. Chronicon ecclesiasticum. Ed. J. B. Abbeloos et Th. Lamy. Lovanii, II, 1872—1874, p. 78; Ср. Райт. Краткий очерк, стр. 80.

²¹ Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, p. 116; Chabot. Littérature syriaque, p. 55.

²² Oeuvres grammaticales D'Aboul Faradj dit bar Hebreus, t. II. Ed. par M. L'Abbé Martin, Paris, 1872, p. 77; ср. Райт. Краткий очерк, стр. 80.

²³ Chabot. Littérature syriaque, p. 55; Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, p. 8.

Хузайю автором первой сирийской грамматики. Имеется в виду сирийский перевод греческой грамматики Дионисия Фракийского. В рукописи, в заглавии и подписи, она приписывается Иосифу Хузайе, который, по-видимому, перевел ее с греческого на сирийский.²⁴

Характерно, что первый, известный нам, сирийский грамматик является автором перевода греческой грамматики.

Сирийский текст грамматики Дионисия Фракийского, сохранившийся неполностью, издан Мерксом²⁵ по трем рукописям: *A*—Cod. Mus. Brit. Add. 14620 Fol. 23^a (легшей в основу издания); *B*—Cod. Mus. Brit. Add. 14658 Fol. 92^b; *C*—Cod. Biblioth. Reg. Berolinensis Sachau 226.

По мнению Райта,²⁶ в рукописях Add. 14620 и Add. 14658 грамматика Дионисия Фракийского представлена в переводе выдающегося ученого VI в. Сергия Решайнского (ум. в 536 г.). Это утверждение опровергается Мерксом.²⁷ Современный исследователь Фишер высказывает мысль, что Сергей Решайнский написал трактат о частях речи, который сохранился в рукописи Add. 14658, а также изложил фрагмент грамматики Дионисия Фракийского, дошедший до нас в рукописи Add. 14620.²⁸ Основными предметами занятий Сергия Решайнского были философия и медицина, но вполне возможно, что он занимался также и грамматикой.

Известно имя еще одного грамматика VI в.—Рамишо. Ишояб бар Малкон и Иоанн бар Зоби, грамматики конца XII—начала XIII в. называют его автором трактата о пунктуации.²⁹ Из рукописи Британского музея Add. 12138 явствует, что он был также автором одного слоя несторианской масоры.³⁰

Выдающимся грамматиком VII в. является Иаков Эдесский (640—708).³¹ Его грамматика, за исключением очень небольших частей, не дошла до нас.³² Большие выдержки из нее сохранил в своей грамматике „Книга лучей“ Бар Эблей.

---

²⁴ E. Sachau. Verzeichniss der syrischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin, Bd. 23, erste-zweite Abteilung. Berlin, 1899, p. 336 (в дальнейшем: Sachau. Verzeichniss der syrischen Handschriften).

²⁵ Merx. Historia, pp. — (Textus syriaci).

²⁶ Райт. Краткий очерк, стр. 64.

²⁷ Merx. Historia, p. 7 sq.

²⁸ Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, pp. 7—8.

²⁹ Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, p. 246.

³⁰ Wright. Catalogue of the syriac manuscripts in the British Museum, p. 105, IV, fol. 309b.

³¹ Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, pp. 248—256; Райт. Краткий очерк, стр. 97—107; Merx. Historia, pp. 34—48.

³² Merx. Historia, pp. 74—84 (syr.); Fragments of the *Siach* or Syriac grammar of Jacob of Edessa. Ed. by W. Wright, London, 1871 (в дальнейшем: Fragments of the syriac grammar of Jakob of Edessa).

Ко времени Иакова Эдесского вместо несторианской системы вокализации (точками) западными сирийцами были широко введены греческие гласные, которые писались над и под строкой. Многие считают, что эта система вокализации была введена Иаковом Эдесским и его школой. В своей грамматике Иаков Эдесский "... планировал, — пишет Райт, — дальнейшее преобразование, именно введение серии знаков гласных, которые писались бы, подобно гласным греков, на одном уровне и между согласными, и частично с целью рекомендации этой системы своему соотечественнику он составил эту *ܟܝܘܢܐ ܟܠܠܘܢܐ ܟܝܘܢܐ* [грамматику]³³. Эти знаки гласных не имели успеха. Кроме грамматики, нам известен трактат Иакова Эдесского в 5 главах³⁴ об употреблении простых диакритических точек, в котором он указывает на большое значение точного соблюдения правил при расстановке диакритических точек и знаков препинания.

Иаков Эдесский является крупнейшим грамматиком древнего периода развития сирийской грамматической мысли.

Граматики IX в. Ишо бар Нун (ум. в 828 г.)³⁵ и Хонейн ибн Исхак (809—873 гг.)³⁶ известны нам трактатами по пунктуации. Трактат Ишо бар Нуна имеется в рукописях,³⁷ а в сочинении Хонейна ибн Исхака, которое называется „книга о (диакритических) точках“, сообщает Бар Эбрей и приводит выдержку из нее в своем труде „Житница тайн“.³⁸ Гофман считает, что Хонейн ибн Исхак сделал добавления к сочинению грамматика VII в. Ананишо „о различном произношении слов, которые пишутся одинаковыми буквами“. Трактат Ананишо издан Гофманом.³⁹ По мнению Нёльдеке,⁴⁰ у Хонейна существовал отдельный труд на эту тему, использованный позднейшим редактором сочинения Ананишо. Трактат последнего имеется в рукописях также и в других редакциях,⁴¹ не учтенных Гофманом. Хонейн ибн Исхак отличался от предшествующих сирийских грамматиков тем, что писал преимущественно на арабском языке. После Хонейна ибн Исхака мы не знаем имен выдающихся сирийских грамматиков вплоть до Ильи Нисибийского и Ильи Тирханского.

³³ Fragments of the syriac grammar of Jacob of Edessa, p. 4.

³⁴ G. Phillips. A letter of mar Jacob, Bishop of Edessa, on syriac orthography. London, 1869; P. Martin. Jacobi epi Edesseni epistola ad georgium epum Sarugensem de orthographie syriaca, Leipzig, 1869.

³⁵ Райт. Краткий очерк, стр. 153; Duval. La littérature syriaque, p. 299.

³⁶ Райт. Краткий очерк, стр. 148—150; Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, pp. 11—12.

³⁷ Baumstark. Geschichte der syriscnen Literatur, p. 220.

³⁸ G. Hoffmann. Bibliographische Anzeigen. ZDMG, Bd. 32, Leipzig, 1878, p. 741.

³⁹ G. Hoffmann. Opuscula Nestoriana syriace. Kiel, 1886, pp. 2—49.

⁴⁰ Th. Nöldeke. Anzeigen. ZDMG, Bd. 35, Leipzig, 1881, p. 494.

⁴¹ Duval. La littérature syriaque, p. 300.

Илья Нисибийский (975—1046 [?] гг.)⁴² — автор сирийско-арабского словаря и грамматики из 10 глав, которая, к сожалению, сохранилась не полностью.⁴³

На основании краткого перечня наиболее известных имен сирийских грамматиков и их трудов, написанных до Ильи Тирханского, мы стремились показать, что изучение истории развития сирийской грамматической науки в большой степени осложняется тем, что самые ранние сирийские грамматики не дошли до нас совсем или же сохранились только частично. Имена первых сирийских грамматиков известны нам преимущественно по сведениям более поздних авторов, а с их трудами мы можем познакомиться лишь приблизительно по отдельным выдержкам и цитатам, приведенным последующими грамматиками. Кроме того, напрашивается вывод, что древнейшие грамматические сочинения сирийцев VI (Иосифа Хузайи, Рамишо, Ананишо и др.) и VII—IX вв. (Иакова Эдесского, Ишо бар Нуна, Хонейна ибн Исхака и др.) посвящены главным образом вопросам акцентуации и пунктуации, правилам произношения и чтения. Значительное место в деятельности первых сирийских грамматиков VI—VII вв. (Иосифа Хузайи, Сергия Решайнского) занимали перевод и переложение грамматики греческого языка Дионисия Фракийского, которую они всесторонне изучали и широко использовали в своих трудах (грамматика Иакова Эдесского),⁴⁴ как и упомянутые части трудов Аристотеля и других древнегреческих философов.

Грамматика Ильи Тирханского (ум. в 1049 г.)⁴⁵ совершенно отлична от дошедших до нас работ предшествующих авторов. Она является первой сирийской грамматикой, доступной нам для изучения в полном виде. Текст грамматики Ильи Тирханского опубликован Бетгеном⁴⁶ по древнейшей рукописи этой грамматики, описанной Захау.⁴⁷ По описанию

⁴² Baumstark, Geschichte der syrischen Literatur, p. 287; Райт. Краткий очерк, стр. 168—171; Мерх. Historia, pp. 109—137.

⁴³ Мерх. Historia, pp. 112—124; A treatise on syriac grammar by Mâr(i) Eliâ of Šôbâ. Ed. and tr. from the manuscripts in the Berlin royal-library by R. J. H. Gottheil. Leipzig, 1886 (в дальнейшем: A treatise on syriac grammar by Mâr(i) Eliâ of Šôbâ).

⁴⁴ Следует отметить, что в целом влияние грамматики Дионисия Фракийского на развитие сирийской грамматики было не очень глубоким, потому что у более поздних авторов: Ильи Тирханского, Ильи Нисибийского, Севера бар Шако, Бар Зоби, Бар Эбрея, — оно малозаметно. Мoberg, выдающийся исследователь грамматики Бар Эбрея, предполагает, что они в большей мере использовали труды своих предшественников, оставшиеся нам не известными. См.: A. Moberg. Buch der Strahlen. Die Grössere Grammatik des Barhebräus. Leipzig, 1907, Vorrede, pp. VII, IX (в дальнейшем: Moberg. Buch der Strahlen).

⁴⁵ О жизни и творчестве Ильи Тирханского см.: Р. Г. Рылова. Жизнь и грамматические труды Ильи Тирханского. Палестинский сборник, вып. 7 (70), Л., 1962, стр. 162—177.

⁴⁶ *Katäsa Kallbas gîach* oder Syrische Grammatik des mar Elias von Tiran, hrg. und übers. von Fr. Baethgen. Leipzig, 1880 (в дальнейшем: Syrische Grammatik).

⁴⁷ Sachau. Verzeichniss der syrischen Handschriften, 88 (Petermann 9), fol. 207^b—228^a.

Захау, работа состоит из 32 глав (כתיב), отчасти составленных из вопросов и ответов. Он отмечает, что последовательность листов нарушена. Грамматика написана несторианским шрифтом, хорошим четким почерком. Бетген указывает,⁴⁸ что при чтении рукописи он столкнулся с большими трудностями, ибо часть рукописи, содержащая текст грамматики, сильно пострадала от времени и долгого употребления. Листы искрошились, особенно сильно пострадавшие подклеены прозрачной бумагой. Многие буквы полустерлись или вообще исчезли, отсутствуют знаки чтения, отчего примеры, особенно в главах об ударениях, вообще становятся бесполезными и ненужными. Рукопись в целом написана в 1260 г., а вторая часть представляет палимпсест, во многих местах сохранивший первоначальное письмо. Несмотря на все трудности, Бетген дает хорошо читаемый текст грамматики, внося свои улучшения, поправки или просто дополняя недостающий текст отдельными словами. Издание грамматики Бетген сопровождает немецким переводом. Бетгену принадлежит заслуга введения в науку древнейшей грамматики сирийского языка, автора и название которой, а также общие сведения о ней с тех пор мы находим во всех историях сирийской литературы, начиная с конца XIX в. Эта грамматика нашла также отражение и в труде Меркса⁴⁹ по истории сирийских грамматических учений.

Илья Тирханский поставил себе цель создать грамматику сирийского языка по арабскому образцу. Меркс рассматривает его труд с точки зрения намерения автора и того результата, которого он достиг. Излагая содержание грамматики Ильи Тирханского по главам и сопровождая свое изложение краткими оценками, он приходит к выводу, что автор „составил труд несовершенный и путаный“ и „не достиг поставленной цели“, добавляя, однако, в заключение, что в этом нет ничего удивительного, так как рассматриваемая грамматика является первым опытом сравнения сирийского языка с арабским, автор которой заслуживает „величайшей похвалы“ за введение „нового метода в исследование свойств сирийского языка“.

Возможно, в результате этого строгого и в достаточной степени отрицательного суждения Меркса, перекочевавшего во многие сириологические работы, грамматика Ильи Тирханского до настоящего времени детально не исследовалась.

Характеристика этого грамматического сочинения XI в., данная Мерксом, представляет собою беглый обзор (стр. 154—157) содержания грамматики. Его выводы, построенные на одностороннем подходе к этому труду, как опыту сравнения сирийского языка с арабским, объясняются, на наш взгляд, недостаточной глубиной знакомства с древнейшей грамматикой сирийского языка и часто не соответствуют действительности (например, высказывания Меркса об определении грамматики у Ильи Тирханского, его интерпретация взглядов сирийского ученого на имена, глаголы и т. д.).

⁴⁸ Syrische Grammatik, p. 3.

⁴⁹ Merx. Historia, pp. 154—157.

Труд Ильи Тирханского не отличается стройностью и последовательностью изложения, и при беглом чтении основная мысль трудноуловима, так как иногда, излагая какой-нибудь вопрос в одной главе и не заканчивая его, Илья Тирханский в следующей главе переходит к другому вопросу, затем вновь возвращается к первому. Или же один и тот же вопрос он освещает с разных сторон в различных главах, не связанных друг с другом, не суммируя своих выводов. Такое построение грамматики, разумеется, затрудняло ее понимание и изучение и требовало углубленного внимания.

Предлагаемая работа посвящена рассмотрению сочинения Ильи Тирханского в целом и ставит целью объективное освещение его достижений как грамматика, а также является попыткой выяснить роль и значение этого выдающегося грамматического произведения XI в. и его место в ряду сирийской грамматической литературы.

Изложение грамматических воззрений автора состоит из следующих разделов: 1) определение термина грамматика; 2) буквы, звуки, знаки; 3) определение частей речи; 4) имя; 5) глагол; 6) употребление арабских терминов в грамматике Ильи Тирханского; 7) заключение, суммирующее основные выводы и дающее значение грамматики Ильи Тирханского.

К работе приложен перевод грамматики, сделанный на русский язык впервые, и индекс сирийских грамматических терминов, употребляемых Ильей Тирханским.

Я с радостью пользуюсь случаем выразить самую глубокую и искреннюю благодарность за полученные знания, неизменное внимание и помощь в работе своему дорогому учителю Нине Викторовне Пигулевской. Эта книга была написана под ее руководством и своим выходом в свет целиком обязана ей.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА „ГРАММАТИКА“

Рассмотрение этого вопроса представляет большой интерес с точки зрения раскрытия *sensu* Ильи Тирханского. Следует особо отметить, что свое определение термина „грамматика“ автор поместил в предисловие к книге, в котором он изложил также причины, побудившие его заняться составлением сирийской грамматики, цели и задачи, которые он ставил перед собой. Исходя из этого, можно сделать вывод, какое большое значение придавал Илья Тирханский своему определению термина „грамматика“.

Это определение было рассмотрено Мерксом и названо „путаным и противоречивым“.¹ Меркс считает неточным употребление терминов **ܟܬܘܒܐܘܬܐܘܬܐ** — „изменение“ и **ܟܬܘܒܐ** — „фразовый член“.²

Вследствие того, что Илья Тирханский пытался написать грамматику сирийского языка по арабскому образцу, Меркс считает, что, когда автор в определении говорит об изменении в именах и глаголах, термин **ܟܬܘܒܐܘܬܐܘܬܐ** должен был бы соответствовать по значению арабскому **حركة** — „движению“ или „изменению гласных“.

Между тем термин **ܟܬܘܒܐܘܬܐܘܬܐ** многозначен и широко употребляется в грамматике Ильи Тирханского в самых различных значениях,³ его перевод зависит от контекста, а не от общей идеи грамматики. В определении грамматики **ܟܬܘܒܐܘܬܐܘܬܐ** — „изменение“ употреблен в широком смысле, автор подразумевает все изменения, происходящие в именах, глаголах и синтаксических единицах при выражении мысли.

Меркс в дальнейшем не настаивает на переводе этого термина как „изменение гласных“, даже, по-видимому, склоняется к тому, чтобы перевести его как „изменение“ вообще, но в то же время механически переносит это значение в свой обзор гл. 18. Однако в этой главе Илья Тирханский употребляет термин **ܟܬܘܒܐܘܬܐܘܬܐ** в значении просто гласной и соединяет его со словом **ܟܬܘܒܐ** — „изменение“. Он высказывает мысль, что в сирийском языке в именах и глаголах не происходит никакого изменения гласных (**ܟܬܘܒܐܘܬܐܘܬܐ ܟܬܘܒܐ ܟܬܘܒܐܘܬܐܘܬܐ**).

¹ Merx. *Historia*, p. 155.

² Именно в этих значениях они употребляются Ильей Тирханским в определении.

³ См.: индекс грамматических терминов, стр. 143 нашей книги.

имея в виду отсутствие в именах и глаголах изменения внутренней флексии, обычной для арабского языка. Дальше Илья Тирханский вносит еще большую ясность в свои рассуждения: „Изменения (كثرة الحركات) [слов] в сирийском языке есть, но только благодаря первым буквам [слов]“.

Меркс не понял мысли автора, он пишет: „Если имена и глаголы не подвержены изменениям (несмотря на то, что это неверно), каким образом грамматика может называться наукой об изменениях?“⁴ Совершенно очевидно, что определение грамматики не противоречит положению Ильи Тирханского, высказанному в гл. 18, как пытался утверждать Меркс на основании неправильного понимания термина.

Значение термина *علم النحو* в определении грамматики представляется Мерксу также неясным.

Из-за того что Илья Тирханский поставил себе цель изложить сирийскую грамматику соответственно арабской грамматической системе, в которой проводится деление на три части речи, Меркс считал правомерным предположить, что, говоря в определении об изменениях в именах и глаголах, наш автор должен был бы обозначить термином *علم النحو* частицы. В грамматике Ильи Тирханского указывается семь частей речи. Частицы как часть речи он обозначает термином *كلمات*, принятым в сирийской грамматике, и нет оснований переводить *علم النحو* как частицы. В самой грамматике этот термин употребляется в значении слова, предложения.⁵

Дальнейший вывод Меркса, что *علم النحو* обозначает второстепенный член предложения, тоже представляется нам неверным. Правильное понимание этого термина, так же как всего определения в целом, дает его сравнение с определением грамматики средневековыми арабскими учеными.

Они делили грамматику на две части: *علم الصرف* (‘илм ас-сарф) или *علم التصريف* (‘илм ат-тасриф) — „этимологию“ и *علم النحو* (‘илм ан-нахв) — „синтаксис“.⁶

В определении этих двух частей грамматики у них не было единообразия. Например, ал-Фариси ал-Фесави (ум. в 987 г.) подразумевал под нахв’ом грамматику в целом и, в свою очередь, делил ее на три части: синтаксис, учение о звуках и этимологию. „Большая часть арабских грамматиков, — пишет Гиргас, — разделяет мнение Фариси касательно предмета нахв’а“.⁷

Определение Ильи Тирханского не дает основания думать, что оно было непосредственно взято из какой-нибудь арабской грамматики. Скорее всего оно было плодом его раздумий над тем, что является сарф’ом,

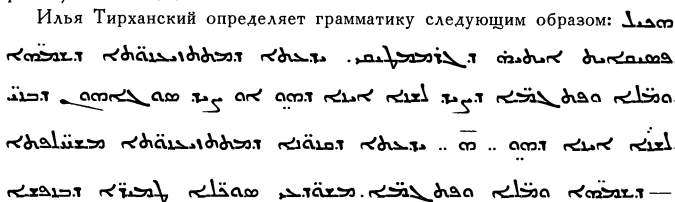
⁴ Merx. Historia, p. 155.

⁵ См.: индекс грамматических терминов, стр. 150 нашей книги.

⁶ Гиргас. Очерк, стр. 33—37.

⁷ Там же, стр. 37.

тасриф'ом и нахв'ом. Эти термины в трудах арабских грамматиков обозначали следующее: „1) изменение по флексиям; 2) склоняемость имени по типу трехпадежного склонения“;⁸ „1) флектирование слова (по окончаниям падежей или наклонений); 2) изменение глагола по различным формам (включая образование производных основ, лиц, времен, наклонений и т. д.)“;⁹ „نحو — связь речи, синтаксис“.¹⁰

Илья Тирханский определяет грамматику следующим образом: —

„Грамматика является, кратко, наукой об изменениях имен, глаголов и фразовых членов¹¹ какого-нибудь одного языка или [наукой об изменениях], касающихся многих языков, т. е. наукой о правилах различных изменений имен, глаголов и фразовых членов, обозначающих понятия, скрытые в душе человека“. Не трудно заметить связь этого определения со значениями сарф'a, тасриф'a и нахв'a.

Илья Тирханский слил воедино термины, которые у арабских грамматиков обозначали отдельные части грамматики, и дал единый термин. „Грамматика является, — писал он, — кратко, [!] наукой об изменениях имен [صرف], глаголов [تصريف] и фразовых членов [نحو]“.

При описании некоторых категорий Илья Тирханский находит их подобными арабским и приводит для сравнения термины, которыми они обозначаются в арабском языке.

Тенденция автора сравнивать оба языка в основном с терминологической стороны проявилась и в рассматриваемом нами определении термина „грамматика“.

К сожалению, труды предшествующих Илье Тирханскому сирийских грамматиков не дошли до нас совсем или же дошли в небольших отрывках, которые не дают, как правило, возможности сравнивать определение нашего автора с существовавшими ранее.

Однако известно, что первые работы по сирийской грамматике были посвящены главным образом вопросам чтения и произношения.

⁸ Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, стр. 571 (в дальнейшем: Гранде. Курс арабской грамматики).

⁹ Там же, стр. 562.

¹⁰ Там же, стр. 585.

¹¹ Термин нам представляется более логичным перевести как фразовый член. См.: Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 337: „Фразовый член. . . составляется из членов, объединенных друг с другом синтаксической связью“.

Характер этих произведений позволяет предположить, что в них бытовало первоначальное значение термина „грамматика“, восходящее еще к греческой традиции, где изучение грамматики (от слова *γράμμα* — буква) равнялось обучению чтению и произношению.

„Когда авторы классической эпохи, вплоть до Аристотеля, употребляют термин «грамматика», они имеют в виду искусство чтения и письма“.¹²

Илья Тирханский расширяет значение термина „грамматика“, включая в его содержание морфологию и синтаксис, выделяя на первый план эти разделы, а не вопросы акцентуации и пунктуации. Такое понимание грамматики как таковой знаменует качественно новый этап в развитии сирийской грамматической науки. Оно говорит о зрелости мысли ученого, о четком представлении им грамматики, ее содержания и значения. В первой части определение Ильи Тирханского близко к определению грамматики, принятому в современной науке: „Грамматикой называется наука о строе слова и строе предложения в отвлечении от конкретного материального значения слов и предложений, а также и самый строй слова и строй предложения, присущие данному языку“.¹³

Несомненно, что определение термина „грамматика“ является очень интересным и важным моментом в изучении истории развития сирийской грамматики и места Ильи Тирханского в ряду сирийских грамматиков.

¹² Античные теории языка и стиля, под ред. О. М. Фрейденберг. М.—Л., 1936, стр. 10 (в дальнейшем: Античные теории языка и стиля).

¹³ Грамматика русского языка, т. I. М., 1960, стр. 8.

БУКВЫ, ЗВУКИ, ЗНАКИ

В изучаемой грамматике нет специальных глав, посвященных классификации звуков сирийского языка. Отдельные сведения, имеющиеся по этому вопросу, сообщаются в основном как попутный материал и могут быть суммированы по трем маленьким темам: согласные, гласные и знаки гласных. Следует подчеркнуть, что само понятие „звук“ заменяется Ильей Тирханским понятием „буква“, так как, говоря даже о разных звуках, которые могут выражаться буквами , наш автор считает их различными „произношениями“ этих букв. Согласные и гласные звуки также называются буквами: согласные „буквы“ — это те, которые произносятся „без голоса“, а гласные „буквы“ — те, которые произносятся „с голосом“.

Понятия буквы и звука смешивались всеми сирийскими грамматиками, как до, так и после Ильи Тирханского. При изложении его представлений в этом разделе сохранена терминология автора и прочих сирийских грамматиков.

Согласные

Илья Тирханский сообщает о следующих группах букв: , , .¹

¹ Отсутствие подробной, развернутой классификации букв в грамматике Ильи Тирханского объясняется задачами, поставленными им; в его время уже существовала классификация букв, произведенная по активному речевому органу, это у Ильи бар Шинаи, автора тоже XI в.; Илья бар Шинаи различал 9 типов букв, произносимые:

- I — , , , гортанью и корнем языка;
- II — , , серединой языка и нёбом;
- III — , , когда язык в покое, а рот раскрыт;
- IV — серединой языка и верхней частью нёба;
- V — , , , свистящие, образующиеся с дыханием;
- VI — кончиком языка и верхними зубами и заканчивается нижними.
- VII — , , кончиком языка и верхними зубами;
- VIII — кончиком языка над верхними зубами;
- IX — , , губами.

См.: A treatise on syriac grammar by Mâr(i) Eliâ of Şôbhâ.

является одной из букв ܐܘܪܝܢܐ , так как в формах, начинающихся с ܐܘܪܝܢܐ , третья буква может быть любой, не говоря уже о том, что это правило весьма и весьма приблизительно.

Для ܐܘܪܝܢܐ Илья Тирханский передает следующие три произношения: 1) ܐܘܪܝܢܐ — среднее (между мягким и твердым), например как в ܐܘܪܝܢܐ ; 2) ܐܘܪܝܢܐ мягкое, например, как в ܐܘܪܝܢܐ ; 3) ܐܘܪܝܢܐ и ܐܘܪܝܢܐ — взрывное и твердое, например, как в ܐܘܪܝܢܐ .

Илья Тирханский придавал большое значение двойному произношению букв ܐܘܪܝܢܐ и третьему произношению ܐ , главным образом с грамматической точки зрения. Он пишет в гл. 27: „Мудро придумали грамматики и дали два произношения, т. е. ܐܘܪܝܢܐ и ܐܘܪܝܢܐ , шести другим буквам, чтобы полностью обозначить категории“ ($\text{ܐܘܪܝܢܐ} \dots \text{ܐܘܪܝܢܐ} \dots \text{ܐܘܪܝܢܐ} \dots \text{ܐܘܪܝܢܐ} \dots \text{ܐܘܪܝܢܐ} \dots \text{ܐܘܪܝܢܐ}$).

Эту мысль дополняет и раскрывает следующее его положение: „Когда ܐܘܪܝܢܐ читают с ܐܘܪܝܢܐ над ܐܘܪܝܢܐ , то тем самым ставят [слово в определенной форме]. Этому также помогают ܐܘܪܝܢܐ и ܐܘܪܝܢܐ , особенно при спряжении глаголов (ܐܘܪܝܢܐ или ܐܘܪܝܢܐ) и изменениях форм [глагола] при обозначении мужского и женского рода, единственного и множественного числа“ (гл. 27). Грамматическое значение различного произношения букв ܐܘܪܝܢܐ было очевидным для Ильи Тирханского, и поэтому он так подробно на этом останавливается. Исходя из различного произношения букв ܐܘܪܝܢܐ , автор исследуемой грамматики пытался привести в соответствие количество букв и количество звуков в сирийском алфавите, отчасти отображая традиционную проблему сирийской грамматики. Уже первые сирийские грамматики задумывались над усовершенствованием сирийского алфавита таким образом, чтобы каждый звук обозначался отдельной буквой или, если существующая уже буква имеет несколько произношений, т. е. звуков, чтобы она имела различительные знаки для каждого произношения. Сирийские грамматики работали над усовершенствованием алфавита в двух направлениях: изобретения новых знаков букв и изменения существующих. Иаков Эдесский сообщает, что он предпочел бы первый путь, если бы не боялся потерять всю существующую уже литературу.² Бар Эбрей рассказывает об этом следующим образом: когда Павел, монах из Антиохии, узнал, что греческий алфавит составлял 17 букв, а потом увеличился до 24 букв, он просил Иакова Эдесского восполнить недостаток сирийского алфавита, на что Иаков Эдесский ответил, что многие грамматики до него и до Павла намеревались осуществить это, но их останавливало опасение утратить книги, написанные несовершенным алфавитом.³ Когда все же

² Martin. Syriens orientaux et occidentaux. Journal Asiatique (J. A.), t. XIX, Paris, 1872, p. 415 (в дальнейшем: Martin. Syriens orientaux et occidentaux).

³ Le Livre des splendeurs. La grande grammaire de Grégoire Barhebraeus. Texte syriaque édité d'après les manuscrits avec une introduction et des Notes par Axel

Иаков Эдесский занялся этим вопросом, он усовершенствовал сирийский алфавит с помощью специально образованных дополнительно семи знаков для гласных и одного знака для греческого π, органически включенных в алфавит,⁴ но эти знаки не были приняты в сирийском языке. Иаков Эдесский отмечал ܟܘܘܝ и ܟܘܘܘ для шести букв ܘܘܘܘܘܘ, выделяя особое произношение ܘ при передаче им греческого π, изобрел для этого звука особый знак и считал, таким образом, в сирийском алфавите 36 букв, включая в него 7 изобретенных им знаков для гласных (22 + ܘܘܘܘܘܘܘ (6) с ܟܘܘܝ + ܘ (1) + 7 гласных = 36).

Бар Зоби (грамматик XII—XIII вв.) также включал второе произношение букв ܘܘܘܘܘܘܘ в алфавит и насчитывал, таким образом, 28 букв,⁵ а Бар Эбрей (XIII в.) насчитывал в сирийском алфавите столько же букв, сколько и Иаков Эдесский, с той только разницей, что он не принимал новых знаков для семи гласных, а вводил существующие знаки для этих гласных в состав алфавита в качестве самостоятельных букв.⁶ Илья Нисибийский (XI в.), современник Ильи Тирханского, хотя и называет в составе сирийского алфавита 22 буквы,⁷ но выражает сожаление, что сирийцы (наряду с некоторыми другими народами) „не имели достаточного количества букв для выражения звуков, написанных или тех, которые будут написаны на их языках“.⁸ Основные мотивы, которыми руководствовались Бар Зоби и Бар Эбрей при обозначении и включении букв ܘܘܘܘܘܘܘ в алфавит и с ܟܘܘܝ, и с ܟܘܘܘ, в основном совпадают. Бар Зоби пишет, что обозначение ܟܘܘܝ и ܟܘܘܘ имеет два преимущества. Первое состоит в том, что становится возможным установить такое же число букв в сирийском языке, как и в арабском, в котором число букв является совершенно достаточным для отличия имен и глаголов. Таким образом, Бар Зоби концентрирует внимание на том, что ܟܘܘܝ и ܟܘܘܘ помогают различать по смыслу написанные одинаковыми знаками слова. Свою мысль он поясняет такими примерами, как ܒܢܐܝܘܘܘܘ — „молоко“, ܒܢܐܝܘܘܘ — „жир“, и т. д. Следует, конечно, дополнить, что в данных примерах смысловозначительное значение имеет не только ܘ с придыханием или без придыхания, а также и гласные каждого из этих слов. Другое преимущество он находит в „легкости“ и „возвышенности“ чтения слов с обозначением ܟܘܘܝ и ܟܘܘܘ.⁹ Бар Эбрей считает ܟܘܘܝ и ܟܘܘܘ, во-первых, необходимыми, во-вторых, — полезными. Необходимыми они являются, по его мнению, потому, что благодаря им буквы совершенствуются и способны

Moberg. Lund, 1922, p. 193 (в дальнейшем: La grande grammaire de Barhebraeus).

⁴ Fragments of the syriac grammar of Jacob of Edessa.

⁵ A treatise on syriac grammar by Mâr(i) Eliâ of Šôbâh, Nota 7.

⁶ La grande grammaire de Barhebraeus, p. 192.

⁷ A treatise on syriac grammar by Mâr(i) Eliâ of Šôbâh, cap. I.

⁸ Там же.

⁹ Там же, прим. 7.

выполнять свою смысловозначительную роль, как буквы в других языках, а полезными — потому, что они украшают язык и делают его изысканным.¹⁰

В вопросе о различии произношений букв **𐤀𐤁𐤂𐤃** сирийские грамматики подходили к решению вопроса о соответствии звука — буквы — фонемы. Граматики до Ильи Тирханского и после него (Бар Зоби, Бар Эбрей), судя по их высказываниям и примерам, полагали, что обозначения **𐤀𐤁𐤂** и **𐤀𐤁𐤃** для букв **𐤀𐤁𐤂𐤃** помогают различать слова по смыслу. Илья Тирханский же видел и грамматическое значение в обозначении различного произношения этих букв. К сожалению, европейские исследователи совершенно упустили этот самый и интереснейший вопрос о соответствии букв и фонем в сирийском языке, поставленный еще древнейшими сирийскими грамматиками, правда в своеобразной форме, но не отличающийся по существу от этой важнейшей проблемы в современном языкознании. Результатом работы западных и восточных грамматиков, в котором их усилия совпали, явилась система обозначения букв **𐤀𐤁𐤂𐤃** с придыханием (**𐤀𐤁𐤂𐤃**) точкой внизу, а без придыхания (**𐤀𐤁𐤃**) — точкой наверху. Илья Тирханский предлагает считать каждый звук, обозначаемый буквами **𐤀𐤁𐤂𐤃** с соответствующими знаками, отдельной буквой и насчитывает в сирийском алфавите 30 букв (гл. 28). Эта сумма должна слагаться, по-видимому, из 22 „первоначальных“, как называет их Бар Эбрей, букв сирийского алфавита, плюс 6 букв **𐤀𐤁𐤂𐤃** со вторым произношением и плюс буква **𐤀** с третьим произношением.¹¹ К сожалению, тут возникает одно недоразумение: сумма, полученная при подсчете, составляет 29 букв, а не 30. Вряд ли правомерно объяснить это простой арифметической ошибкой, которая могла бы произойти, если бы он считал таким образом: 22 + 5 (**𐤀𐤁𐤂𐤃**) + **𐤀** с тремя произношениями. Бетген также не склонен считать это простой арифметической ошибкой. Он полагает,¹² что в число 30 наш автор включал следующие буквы: 22 + **𐤀𐤁𐤂𐤃** (6) с придыханием + **𐤀** с третьим „средним“ произношением, соответствующим греческому π + **𐤀** с третьим произношением. Но Илья Тирханский нигде не говорит, что **𐤀** имеет три произношения. Бетген, по-видимому, основывался на сведениях других сирийских источников, которые никак не отражены в исследуемой грамматике.¹³ Здесь следует учесть, что в вопросах про-

¹⁰ La grande grammaire de Barhebraeus, pp. 210—211.

¹¹ См. выше.

¹² Syrische grammatik, p. 51, Nota 1.

¹³ Это заблуждение Бетгена проникло даже в нормативную грамматику сирийского языка (E. Nestle. Syriac grammar with bibliography, chrestomathy and glossary. Berlin, 1889, p. 3, Nota 1) и широко распространилось в научной литературе. Например, В. В. Баргольд в статье „О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей)“, упоминая о том, что в сирийском алфавите двадцать две буквы, пишет, ссылаясь на грамматику Нестле, что „только грамматик Илья Тирханский [Тирханский, — P. P.] насчитывает 30 (прибавляя шесть

изношения **א** и **א** у восточных и западных сирийцев нет единообразия. Иаков Эдесский, один из древних представителей западносирийской грамматической школы, не отмечает у **א** третьего произношения.¹⁴ Следующие за Иаковым Эдесским западносирийские грамматики указывали на три произношения **א** и **א**: 1) с придыханием — **אאא** (**א** и **א**), 2) без придыхания, которое для **א** называлось **אאא** и обозначалось **א**, т. е. точкой в середине буквы, а для **א** называлось **אאא** и обозначалось точкой наверху — **א**, 3) твердое произношение — **אאא** для **א** (с точкой наверху), а для **א** третье произношение считалось соответствующим греческой γ и арабскому ϵ и обозначалось точкой в середине буквы — **א**.¹⁵ Каркафские масореты установили, что **א** и **א** имеют три произношения: **אאא**, **אאא** и **אאא**, которое обозначается точкой в середине **א** и **א**, но в их системе обозначения этих букв встречаются смешения в обозначении **אאא** и **אאא**.¹⁶ У восточных сирийцев, согласно Мартену, нет очевидных фактов признания за **א** третьего произношения, хотя он отмечает, что восточные сирийцы, по-видимому, улавливали разницу в произношении **א**, передающего арабское ϵ . В текстах представителей смешанной школы, кроме третьего произношения **א**, которое они обозначали двумя точками над буквой (**א**) и считали соответствующим греческому π , встречается **א** и **א** для передачи греческого π , и **א**, **א**.¹⁷ Восточная, несторианская грамматическая традиция не приняла три произношения буквы **א**. Несторианский грамматик XI в. Илья Нисибийский отмечает три произношения только для **א**.¹⁸ В грамматике Бар Эбрея также отсутствует упоминание о третьем произношении **א**.¹⁹ Илья Тирханский в истории сирийской грамматической мысли известен первыми усилиями использовать арабскую грамматическую систему для наилучшего построения и изложения сирийской грамматики и является новатором в этой области. Тем не менее в его грамматике, начиная с предисловия и до конца, мы видим неоднократно высказываемое глубокое уважение к традиции, к авторитетам сирийской грамматической науки, постоянное присутствие традиционной сирийской грамматики. Как несторианский грамма-

придыхательных и греческие γ и π)“ (Записки Восточного отделения Русского археологического общества (ЗВОРАО), т. VIII, вып. I—II, С.-Петербург, 1893, стр. 7).

¹⁴ Fragments of the syriac grammar of Jacob of Edessa.

¹⁵ Martin. Syriens orientaux et occidentaux, pp. 415—418.

¹⁶ Martin. Histoire de la ponctuation ou de la massore chez les Syriens. J. A., t. V, 1875, pp. 201—202 (в дальнейшем: Martin. Histoire de la ponctuation ou de la massore chez les Syriens).

¹⁷ Martin. Syriens orientaux et occidentaux.

¹⁸ Martin. Jacques D'Édesse et les voyelles syriennes. J. A., t. XIII, 1869, p. 479; Cod. Vat., 450, pp. 8, 9.

¹⁹ La grande grammaire de Barhebraeus, p. 192.

тик, он более всего должен был следовать несторианской или восточно-сирийской традиции. Если бы под тридцатой буквой Илья Тирханский подразумевал третье произношение $\sphericalangle$, выделение и обозначение которого было принято, как мы выяснили, только у западных сирийцев, он бы специально оговорил это, как он сделал относительно $\sphericalangle$, тем более что для восточных грамматиков выделение $\sphericalangle$ с третьим произношением было бы нововведением.

Единственным аргументом в пользу предположения Бетгена могло бы быть то, что в грамматике нашего автора имеются самые ранние для сирийской грамматической науки следы синтеза восточной и западной грамматических школ, что отмечает Сегаль в области ударений. В своем превосходном капитальном труде²⁰ она исследует все работы Ильи Тирханского об ударениях, включая гл. 29 грамматики, посвященную ударениям. Синтез западных и восточных ударений в трактате Ильи Тирханского заключается, по наблюдению Сегаль, в том, что некоторые ударения отождествляются с риторической формой, определенные ударения объединяются по группам, так, как это делается западными сирийцами. В гл. 29 своей грамматики автор дает перечень западно-сирийских ударений; комментирует их и отождествляет с соответствующими им восточносирийскими ударениями, что является важной чертой для характеристики метода работы Ильи Тирханского как ученого-грамматика и заключается в том, что автор не просто дает западносирийские и восточносирийские ударения, смешивая их без разбора, а, внося их в свою грамматику, поясняет западные ударения, стремится приблизить их и сделать понятными восточному сирийцу, для которого привычна иная система ударений. Благодаря методу работы нашего автора синтез западной и восточной грамматических систем в области ударений не может служить даже в виде косвенного доказательства в пользу предположения Бетгена относительно буквы $\sphericalangle$. Поскольку ни в исследуемой грамматике, ни в других источниках по истории сирийской грамматической науки нет положительных данных о том, что Илья Тирханский признавал три произношения $\sphericalangle$, то вопрос о тридцатой букве алфавита, по счету нашего автора, остается открытым. С таким же успехом можно предположить, что тридцатая буква, по мнению Ильи Тирханского, — ܕ . Мы упоминали выше, что в текстах представителей смешанной школы ܕ имеет еще и какое-то третье произношение, кроме произношения с ܕܘܘܐܝ и ܕܘܘܐܘܐ , обозначаемое точкой в середине буквы — ܕ̣ .

II. Вторая группа букв, которую выделяет Илья Тирханский, — это ܝܘܘܐ .

„Почему, когда в конце глаголов [стоят] четыре согласные, именно

²⁰ J. B. Segal. The diacritical point and the accents in Syriac. Oxford, 1953, pp. 144—146 (в дальнейшем: Segal. The diacritical point and the accents in Syriac).

ܩܘܼܨܘܼܬܐ, над предшествующими согласными, связанными с ними, нет ܩܘܼܨܘܼܬܐ или ܩܘܼܨܘܼܬܐ, например: ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он прошел», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он сказал», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он обрадовался», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он услышал», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он оцепенел», из-за чего во многих случаях необходимость вынудила сирийцев читать одинаково глаголы в прошедшем времени и в повелительном наклонении. Нужно знать, что эти буквы исходят из гортани, поэтому они называются гортанными (ܥܘܼܒܘܼܬܐ), говорящему стоит большого труда их произношение, речь затруднена, особенно когда [эти буквы] находятся в конце [слов]. Когда они в середине, при произношении их выпускают. Если им предшествует ܩܘܼܨܘܼܬܐ, человек затрудняется произносить их, например: ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «он слышал», ܥܘܼܒܘܼܬܐ [без ܩܘܼܨܘܼܬܐ] легче для языка, то же относится к остальным [буквам]. . . . Я добавляю, что это правило относится к каждому глаголу, обозначающему действие, как бы он ни произносился, например: ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он удивился», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «удивляющий», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он открыл», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «открывающий», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он слышал», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «слышащий», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «Он сделал», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «делающий», и ко всем словам, которые обозначают пассивность (ܥܘܼܒܘܼܬܐ), какие бы формы они не имели, например: ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «удивленный», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «раскрытый», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «выслушанный», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «обработанный», ܥܘܼܒܘܼܬܐ — «названный». Я добавлю также, что если имена, в которых букве ܩ, конечной букве сирийских имен, предшествует одна из этих четырех букв, получают сокращение, то первая согласная, присоединенная к ним, произносится с ܥܘܼܒܘܼܬܐ, а не с ܩܘܼܨܘܼܬܐ, например ܩܘܼܨܘܼܬܐ — «сын», [после сокращения] мы говорим ܩܘܼܨܘܼܬܐ (гл. 26).

Гортанными звуками в сирийском языке являются ܥܘܼܒܘܼܬܐ, в таком составе эту группу выделял и Илья бар Шиная. Илья Тирханский вместо ܩ включает звук ܩ. Автор выделяет эту группу с практической целью указать правильное чтение глаголов, которые имеют в качестве конечного согласного один из этих звуков. Отчасти это объясняет включение ܩ — зубного переднеязычного звука в группу гортанных. Еще яснее мотивы включения ܩ в группу гортанных при сравнении с классификацией Бар Эбрея, который гортанными называет эти же четыре буквы, но различает три „чистых“ гортанных: ܥܘܼܒܘܼܬܐ и один „нечистый“ гортанный: ܩ. Бар Эбрей объясняет это тем, что ܩ, несмотря на то что произносится кончиком языка, должен присоединяться к гортанным, так как подобно им требует ܥܘܼܒܘܼܬܐ над предшествующими ему буквами. Бар Эбрей считает ܩ гортанным звуком, требующим в конце глаголов ܥܘܼܒܘܼܬܐ, но преобладающим качеством ܩ он считает гласность и поэтому

Тирханского мы находим прямую ссылку на это положение арабских грамматиков. Он пишет в гл. 17: „Половину $\aleph$, α , β , они [арабы] называют гласными, которые ставятся над согласными буквами“. В учении Ильи Тирханского о гласных наряду с греческим и латинским было и арабское влияние. Он впервые в истории сирийской грамматики различал гласные по количеству звука, делил их на краткие и долгие, не определяя последовательно и четко терминов „долгая“ и „краткая“ гласная, но понимая их различие.

Исходя из положения, что арабские гласные $\aleph$, ω , β — долгие, а кесра, фатха, и дамма — половины гласных букв $\aleph$, ω , β , Илья Тирханский утверждает, что „гласных букв три, это $\aleph$, α , β , остальные — согласные, которые соединяются ими [гласными]... Гласные буквы изобретены, чтобы произвести из этих трех гласных [другие]: из $\aleph$ — $\aleph$, [например], $\aleph$ над $\aleph$ [в слове] $\aleph$ — «кто», и $\aleph$, [например], $\aleph$ над $\aleph$ ..., затем $\aleph$ или $\aleph$ [например], $\aleph$ — «Он пошел». Из α образуются две гласные: α и другой α , который называется α и α . Из β образуется одна гласная. Остальным буквам, из-за того что сами по себе они не имеют движения, предназначаются $\aleph$ или $\aleph$ и $\aleph$, которые произведены от $\aleph$, первой гласной буквы“ (гл. 27).

Следовательно, Илья Тирханский подразумевает, что сирийские $\aleph$, α , β , тоже долгие.

У Ильи бар Шинаи, современника Ильи Тирханского, от которого сохранилась именно та небольшая часть его грамматики, которая содержит изложение системы алфавита, системы сирийских гласных, нет сведений, сообщающих о роли $\aleph$, α , β , как гласных, и тем более долгих гласных. Сегаль отмечает, что именно в этом „поучительное различие“ между Илей бар Шинаи и Илей Тирханским. „Илья бар Шинаи утверждает в соответствии с общим правилом, что буквы, которые не имеют гласных, неподвижны, что, следовательно, *matres lectionis* α и β , неподвижны (гл. II). Это положение несомненно надуманное: если бы так было в действительности, то буквы $\aleph$, α , β , должны были бы иметь постоянно знаки гласных: $\aleph$, α , β , и произноситься *ow*, *uw*, *eu*, и *iy*.

А Илья Тирханский с его близким знакомством с арабским языком считал буквы α и β , чистыми гласными, а не согласными²³.

Для обозначения термина „долгая“ гласная Илья Тирханский употребляет слово „тяжелая“, например: „ α и β , тяжелые [т. е. долгие гласные] в следующих примерах: $\aleph$ — «Они встанут», $\aleph$ — «Они знающие», $\aleph$ — «Они будут поститься», $\aleph$ — «Они

²³ Segal. The diacritical point and the accents in Syriac, pp. 33—34.

сделают», **أَبْرَضُوا** — «Они оставили», **صَامُوا** — «Они постящиеся», **أَحَبُّوا** — «Они любили» (гл. 17). Для термина „краткая“ Илья Тирханский употребляет слово „легкая“, например: „Следовательно, **ا** и **ي**, не являются движущими в словах, которые были упомянуты выше [**أَبِي** — «муж», **أَبِي** — «прыгающий», **أَبِي** — «слушание», **أَبِي** — «противодействующий», **أَبِي** — «он приблизился», **أَبِي** — «он любил», **أَبِي** — «он поднял», **أَبِي** — «царь», **أَبِي** — «господин»], их можно удалить из знаков шрифта так, как **ا** в [словах]: **أَبِي** — «разделенный», **أَبِي** — стоящий, [вместо **أَبِي** и **أَبِي**] всякий раз, когда они легкие [т. е. краткие]“ (гл. 17).

Отсюда можно сделать вывод, что Илья Тирханский считает возможным гласные **ا**, **ي**, **و** заменить знаками гласных, когда в слове краткий гласный, который он называет легким (**مَلَكٌ**). Термин **مَلَكٌ** — легкий, т. е. краткий гласный, употребляется в грамматике всего один или два раза, обычно краткие гласные обозначаются термином **مَلَكٌ**.

Илья Тирханский приводит определение арабскими грамматиками гласных **ا**, **ي**, **و**, как слабых букв, которые считают так потому будто бы, что „слабость [этих букв]... не способствует никакому движению имен и глаголов, в которых они имеются наряду со всеми другими [буквами]“ (гл. 17).

Илья Тирханский возражает против этого определения, говоря: „Мне кажется, им [арабам] нужно назвать слабыми все буквы, кроме **ا**, **ي**, **و**, потому что они слышны, а те [согласные] не слышны. Следовательно, только из-за движения, которое происходит благодаря гласным, они [остальные, согласные буквы] сильные“ (гл. 17).

Илья Тирханский характеризует **ا**, **ي**, **و**, как гласные и придает им, как гласным, большое значение при вокализации сирийских слов. Арабы же, называя **ا**, **ي**, **و** слабыми (**دروف العلة**), имели в виду их роль в слове как коренных букв, потому что они, входя в состав арабского корня, „подвергаются различным изменениям, зависящим от предшествующих или следующих за ними гласных. Хотя собственно только **wāw** и **ya** подвергаются изменению, так как они одни могут быть коренными буквами, грамматики причислили к слабым буквам также **alif**, потому что во многих случаях он заменяет их. Сибавейги (гл. 531) и другие грамматики рассматривают обыкновенно изменение **wāw** и **ya** в глаголах и производных от них именах, когда эти буквы будут первой, второй или третьей коренной“.²⁴ Таким образом, полемика Ильи Тирханского с арабскими грамматиками несостоятельна.

²⁴ Гиргас. Очерк, стр. 49.

В арабском языке „долгие гласные устойчивы, отчетливы и стремятся удержать чистый оттенок ā, ī, ū, но соседство кесры или ى может придать ā уклон ē (имāла)“;²⁵ поэтому Илья Тирханский, следуя, по-видимому, арабскому языку в изложении значения гласных ܐ, ܐ, ܐ, в сирийском языке, отмечает чистые оттенки ܐ, ܐ, ܐ, как ā, ī, ū.

1. ܐ обозначает гласную ā в следующих примерах: ܦܝܩܐ — „прыгающий“, ܦܝܪܐ — „муж“, ܦܝܫܐ — „слушание“, ܦܝܨܐ — „противодействующий“, ܦܝܠܐ — „царь“, ܦܝܠܐ — „господин“, ܦܝܠܐ — „человек“, ܦܝܠܐ — „раб“, ܦܝܠܐ — „бог“. Во всех этих примерах ܐ является конечным долгим ā. Но он также отмечает, что „каждый ܐ, которому предшествует ܐ, не произносится, как ܐ в ܦܝܩܐ — «борода», ܦܝܩܐ — «плод» (гл. 30), т. е. там, где значение ܐ как долгого ā меняется, Илья Тирханский, не объясняя оттенков звучания этого ܐ, просто отрицает его значение как долгого ā. Помимо влияния арабского языка, правилами которого в данном случае руководствовался Илья Тирханский, в сирийской грамматике того времени несторианами, возможно, не отмечались оттенки звучания гласных ܐ, ܐ, ܐ, в зависимости от положения в слове. Нельдеке, излагая употребление ܐ как гласной ā, указывает: „... каждое ā произносилось более поздними западными (!) сирийцами как ō, каждое ē иногда произносилось как i. Так, ܡܐ mā (mō); ܡܠܟܐ malkā (malkō); ܡܡܫܐ mamsē; ܢܐ nē (nī); ܦܝܪܐ pēran (pīran)“.²⁶

Основным критерием гласности Илья Тирханский считает отсутствие дополнительной огласовки над алефом в слове. Например он пишет: „[В словах]: ܦܝܩܐ — «раб», ܦܝܠܐ — «бог» — огласованы ܡ и ܦ, а не ܐ“ (гл. 17); другими словами в той же главе: „[В словах]: ... ܦܝܩܐ — «муж», ܦܝܩܐ — «прыгающий», ܦܝܩܐ — «слушание» ... — все [буквы] движущиеся, ܐ — нет“.

Когда Илья Тирханский говорит про ܐ (в вышеприведенной цитате), что он „не движущийся“, это значит, что он не огласован, так как сам является гласной.

2. ܐ обозначает ī в конечном и срединном слоге в следующих примерах: ܦܝܩܐ — „благородный“, ܦܝܩܐ — „дремлющий“, ܦܝܩܐ — „Они знающие“, ܦܝܩܐ — „Они оставили“, ܦܝܩܐ — „Они постящиеся“, ܦܝܩܐ — „Они любили“ (гл. 17). Он указывает, что в конечном слоге ܐ является тяжелым, т. е. долгим „благодаря ударению в конце глаголов перед ܐ“ (следовало добавить — „во множественном числе“).

²⁵ Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928, стр. 12 (в дальнейшем: Юшманов. Грамматика).

²⁶ Th. Nöldekke. Kurzgefasste syrische Grammatik. Leipzig, 1898, p. 5 (в дальнейшем: Nöldekke. Kurzgefasste syrische Grammatik).

Илья Тирханский трактует „, как и ʿ, как чистый долгий звук (i).

3. ʾ обозначает ū в срединном и конечном слове в следующих примерах: ܐܘܝܢ — „опустоши“, ܐܘܝܢ — „приблизься“, ܐܘܢܦܢ — „повернись“, ܕܘܝܢܐ — „выкуп“, ܕܘܠܐ — „встань“, ܕܘܝܢܐ — „свобода“, ܐܘܢܦܢܐ — „Они встанут“, ܐܘܢܦܢܐ — „Они будут поститься“, ܐܘܢܦܢܐ — „Они сделают“ (гл. 17).

Илья Тирханский считает ʾ тяжелым, т. е. долгим, как и „, в конце глаголов, перед ܢ — благодаря ударению. Он подчеркивает роль ʾ и „, как гласных, осуществляющих вокализацию в сирийском слове: „Слушателю кажется, что буквы, которые стоят перед этими ʾ и „, движутся из-за соединения слогов (ܕܘܢܐ ܐܢܐ) или звуков (ܕܘܢܐ ܐܢܐ) и последовательного расположения букв в языке, но вернее всего из-за того, что эти буквы (ʾ и „) являются гласными (ܕܘܢܐ ܐܢܐ) сирийцы дают им движение“ (гл. 17).

Знаки гласных

Сирийские грамматики не занимались изучением процесса развития системы гласных, и в этом Илья Тирханский не отличается от остальных сирийских грамматиков.

Система гласных, имеющаяся в рукописях, не всегда соответствовала системе гласных грамматика того же века. „Даже у очень поздних авторов, — пишет Сегаль, — мы находим не разработанную восьмигласную систему рукописей IX в., но шести- и семигласную систему более ранних периодов“.²⁷

Так, Илья бар Шиная (Илья Нисибийский), грамматик XI в., отмечающий семь гласных, пишет (гл. II), что арабы делят гласные на три группы, западные сирийцы — на пять, восточные — на семь.

Илья Тирханский был оригинален своей трактовкой знаков гласных как половины полных гласных ܐ, ܘ, ܝ, и тем, что считал знаки гласных без „, ʾ краткими гласными. О влиянии арабской грамматики в данном случае говорилось выше.

Но относительно самой группы кратких гласных, отмечаемых в грамматике Ильи Тирханского, именно ܐܘܝܢ, ܐܘܢܦܢ, ܐܘܢܦܢܐ, ܐܘܢܦܢܐ, ܐܘܢܦܢܐ, ܐܘܢܦܢܐ — трудно судить, почему Илья Тирханский выбрал именно эти шесть знаков гласных. Все краткие гласные Илья Тирханский считает соотносимыми с полными гласными. ܐܘܝܢ (или ܐܘܝܢ), ܐܘܢܦܢܐ и ܐܘܢܦܢܐ — с ܐ; ܐܘܝܢ, ܐܘܢܦܢܐ и ܐܘܢܦܢܐ — с ܘ (гл. 27).

В гл. 27 Илья Тирханский не дает названия гласной „, но в гл. 30 в словах ܐܘܢܦܢܐ — „взятый“, ܐܘܢܦܢܐ — „кричащий“, ܐܘܢܦܢܐ — „прекло-

²⁷ Segal. The diacritical point and the accents in Syriac, p. 32.

няющий колени“, ܟܘܠܡܝܢ — „создание“, ܟܘܠܡܝܢܐ — „призвание“ , Илья Тирханский называет ܟܘܠܡܝܢܐ .

Поскольку Илья Тирханский называет только одну гласную от буквы „, это и есть, по-видимому, ܟܘܠܡܝܢܐ . Сегаль в диаграмме гласных Ильи Тирханского²⁸ оставляет эту гласную без названия („не именованная гласная“), мы же считаем вполне целесообразным именовать этот , ܟܘܠܡܝܢܐ . Тем более что название ܟܘܠܡܝܢܐ для „, обозначающего , ܟܘܠܡܝܢܐ или ܟܘܠܡܝܢܐ , имеется и у других сирийских грамматиков, например у современника Ильи Тирханского Ильи бар Шинаи и у остальных, более поздних сирийских грамматиков.

Илья Тирханский упоминает один раз гласную ܟܘܠܡܝܢܐ : „Почему во множественном числе [глаголы в будущем времени]: ܝܥܠܘ и ܝܥܠܘܢ — «Они вытащат», ܝܥܠܘܢ и ܝܥܠܘܢܐ — «Они позовут», ܝܥܠܘܢܐ и ܝܥܠܘܢܐܢ — «Они ответят», ܝܥܠܘܢܐܢ и ܝܥܠܘܢܐܢܐ — «Они увидят» — мы читаем с ܟܘܠܡܝܢܐ , а не с ܟܘܠܡܝܢܐ ?“ (гл. 25). Из дальнейшего ясно, что этот ܟܘܠܡܝܢܐ по значению тождественен ܟܘܠܡܝܢܐ .

Перечисляя названия знаков гласных, приводя примеры, Илья Тирханский не дает изображения этих знаков. Установить систему знаков гласных Ильи Тирханского можно, только проанализировав всю систему знаков, употребляемую в тексте грамматики. Сделать это было бы значительно легче, если бы у нас имелась рукопись этого произведения. Система знаков пунктуации, знаков гласных, исследованная по рукописи, была бы более точной.

Исследуя пунктуацию, употребляемую Илей Тирханским, мы получили следующие изображения для знаков гласных, которые совпадают с изображениями, данными Сегаль.²⁹

Транскрипция³⁰

ܟܘܠܡܝܢܐ ,	ܟܘܠܡܝܢܐ ; ܟܘܠܡܝܢܐ (ܟܘܠܡܝܢܐ ; ܟܘܠܡܝܢܐ)	i
ܟܘܠܡܝܢܐ или ܟܘܠܡܝܢܐ	ܟܘܠܡܝܢܐ ; ܟܘܠܡܝܢܐ (ܟܘܠܡܝܢܐ ; ܟܘܠܡܝܢܐ)	ē, ē
ܟܘܠܡܝܢܐ	ܟܘܠܡܝܢܐ	ǎ
ܟܘܠܡܝܢܐ	ܟܘܠܡܝܢܐ (ܟܘܠܡܝܢܐ)	ā
ܟܘܠܡܝܢܐ или ܟܘܠܡܝܢܐ	ܟܘܠܡܝܢܐ	o, ō
ܟܘܠܡܝܢܐ или ܟܘܠܡܝܢܐ	ܟܘܠܡܝܢܐ	u, ū

²⁸ Там же, стр. 153.

²⁹ Там же, диаграмма на стр. 29 и „диаграмма гласных“, приложение VII.

³⁰ Схема построена следующим образом: 1) название знака гласного; 2) его изображение в грамматике Ильи Тирханского (если оно несколько отличается от изображения в диаграмме Сегаль, то последнее приводится в скобках); 3) транскрипция; транскрипция дана приблизительная, по системе обозначения в учебнике сирийского языка Брокельмана.

Примеров употребления этих знаков гласных можно было бы дать из текста грамматики множество, но для выяснения того, какой именно гласный звук имел в виду Илья Тирханский при выделении каждого из шести знаков гласных, важно привести те немногие указания, которые он дает для каждой гласной. Следует отметить, что, даже называя тот или иной гласный, Илья Тирханский не всегда обозначает его.

كسحسحسح , Илья Тирханский считает , в следующих словах: كسحسحسح, كسحسحسح, كسحسحسح (гл. 30). По-видимому, нужно было бы كسحسحسح, كسحسحسح, كسحسحسح, но Илья Тирханский в основном дает эти примеры на смягчение ك, د, ح и не отмечает كسحسحسح , точкой.

كسحسحسح или كسحسح Илья Тирханский называет гласную в первых буквах слов: كسحسحسح, كسحسحسح, كسحسحسح (гл. 17) (т. е. كسحسحسح, كسحسحسح, كسحسحسح).

كسحسحс он отмечает в следующих словах: كسحسحс, كسحسحс, كسحс (гл. 27), كسحс, كسحс, كسحс, كسحс, كسحс (гл. 26). (ـَ поставлено нами).

كسحс Илья Тирханский считает имеющимся в следующих словах: كسحс, كسحс (гл. 17), كسحс (гл. 27), كسحс, كسحс (гл. 25) (обозначение гласной сделано нами).

كسحс он отмечает в следующих примерах: كسحс, كسحс, كسحс, كسحс, كسحс, كسحс, كسحс, كسحс (гл. 25).

كسحс а в следующих: كسحс (гл. 24), كسحс, كسحс, كسحс, كسحс, كسحс, كسحс (гл. 30).

Картина обозначения гласных при помощи пунктуации в грамматике Ильи Тирханского очень интересна. обстоятельное изучение системы гласных Ильи Тирханского по тексту рукописи грамматики имело бы большое значение.

Поскольку у нас имеется только печатное издание грамматики Ильи Тирханского, мы ограничимся теми краткими сведениями, которые были приведены выше.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Илья Тирханский указывает, что в сирийском языке семь частей речи. Древние арабские грамматики насчитывают три части речи: имя, глагол, частицы. Очевидно, что в своем делении на части речи Илья Тирханский не следует арабской грамматике.

Деление на семь частей речи, видимо, существовало в древних сирийских грамматиках еще до Ильи Тирханского. Части речи, упоминаемые, по сообщению Ильи Тирханского, в грамматике Иакова Эдесского (гл. 18), не отличались, вероятно, от предлагаемых им самим, так как в противном случае он как-нибудь выразил бы свое отношение к этому вопросу. Подобная классификация, следовательно, была твердо установлена в сирийском языке и принята еще во времена Иакова Эдесского. Ее бесспорностью и очевидностью для автора исследуемой грамматики, по-видимому, объясняется та краткость, с которой Илья Тирханский говорит о частях речи. И действительно, уже в работах александрийских филологов, еще во II в. до н. э., детально разработано учение о восьми частях речи. К моменту возникновения сирийского учения о языке греческая грамматика обладала уже твердо установившейся системой частей речи. А поскольку сирийцы в грамматике много заимствовали от греков, вполне возможно, что у Иакова Эдесского было деление на семь или восемь частей речи.

Классификацию частей речи Илья Тирханский излагает только в первой части гл. 30, последней главы своей грамматики, без определения, а в гл. 12, 28 мимоходом упоминает о том, что в сирийском языке семь частей речи, не перечисляя их. В гл. 30 Илья Тирханский называет с соответствующими примерами следующие части речи: имя — ܟܠܗ , глагол — ܟܠܠܐ , местоимение — ܟܠܗ ܐܠܗ , прилагательное — [ܟܠܝܢܐ] или ܟܠܗܘܢܐ , причастие — ܟܠܗ ܕܠܐ , предлог — ܟܠܗ ܕܠܐܝܢܐ , о котором замечает, что он относится к союзам, наречие — ܟܠܗܝܢ ܕܐܝܢܐ или ܟܠܠܐ ܕܐܝܢܐ , союзы — ܟܠܗܝܢ .

Илья Тирханский не дает последовательного определения каждой части речи, так как не ставит задачи специально исследовать части речи. Глава 30 начинается так: „Глава тридцатая, которая кратко излагает о строе слов (ܟܠܗ ܕܠܐܝܢܐ) в сирийском языке“. Части речи он определяет с точки зрения их роли в предложении. „Основа предложения, — пишет он, — две части речи: имя и глагол. Имя — [носитель]

рода (كلمة), субъекта (موضوع) и материи (مادة) или сущности (كلمة); глагол — различие (تفاوت) и форма (شکل). Остальные [части речи] получают содержание (معنی) и названия от имени и глагола, существуют как [их] свойства (صفات) и случайности (تصادف), что определяется из того, как они называются, [например] ما جاء — «местоимение», [что буквально значит: «вместо имени»]“ (гл. 30).

Далее он пишет, что обе части речи заимствованы и являются наиболее полным выражением субъекта. „Ты не считай именем и глаголом каждую [часть речи], они обе — в их названиях. Они [остальные части речи] не имеют собственного существования, а состоят при субъекте (موضوع) в качестве [побочных обстоятельств]“.

Относительно имени он замечает еще, что „Имя не имеет [понятия] времени, которое [оно получает соответственно] времени глагола. Остальные [части речи] являются дополнениями (تكميل) к этим [двум]“ (гл. 30).

Из остальных частей речи он поясняет причастие — محال و جازم, утверждая, что „Каждый глагол, к которому присоединены ت و جازم, будет причастием (محال و جازم)“ (гл. 30). Судя по примерам, кроме собственно причастия, имеющего определенную форму, он относит еще к нему причастие типа جازم — „делающий“, كائن — „бывший“, جازم — „будущий“ и т. д.

Про предлоги он замечает, что „признак предлогов — присоединение пяти букв, местоимений: ا, ان, في, ه, ن“ (гл. 30),¹ а признаком союзов считает то, что „человек не может говорить, не связывая [ими] глаголы с именами“ (гл. 30).

Илья Тирханский дает характеристику сущности имени и глагола, о некоторых других частях речи он сообщает только, как узнать их и их признаки в предложении.

Таким образом, мы видим, что Илья Тирханский считает одни части речи главными, другие — менее важными.

Илья Тирханский выделяет в качестве основных частей речи имя и глагол и тем самым как бы приближает по количеству части речи в сирийском языке к частям речи в арабском. Интересно сравнить его определение имени и глагола с определениями, данными арабскими грамматиками.

Сибавейхи говорит: „Имена суть: رَجُلٌ (муж), فَرَسٌ (лошадь); глаголы же суть формы, взятые от звукосочетаний (выражающих) акциденты имен и видоизмененные для означения прошедшего времени, будущего, не совершившегося, или настоящего, не прекратившегося“.² Более поздний автор, который по времени близко стоит к Илье Тирханскому, Абу Али

¹ Илья Тирханский так называет здесь притяжательные суффиксы.

² Гиргас. Очерк, стр. 51.

ал-Фариси (ум. в 987 г.), во всем следует Сибавейхи. Он говорит об имени и глаголе следующее: „Имя есть то, о чем можно что-либо сказать, примером чего будут наши фразы: «Абдулла есть приближающийся» и «Бекр встал...». Глагол есть то, что может быть сказуемым, но не бывает подлежащим, пример: «Абдулла вышел», «Бекр отправится», «уйди», «не бей».“³

Из сравнения определений Ильи Тирханского и упомянутых арабских авторов совершенно ясно, что сирийский ученый не следовал арабским грамматикам. Определение арабов исходит из практического употребления слов, относящихся к той или иной части речи, для выражения мысли в предложении, например — глаголы для обозначения времен (определение Сибавейхи; имя он вообще не определяет, а дает только примеры, иллюстрирующие, что он подразумевает под именем), или „то, что может быть сказуемым, но не бывает подлежащим“ (определение Абу Али ал-Фариси) и т. д. А у Ильи Тирханского имя — это род, субъект и материя, а глагол — различие и форма, т. е. он оперирует в применении к частям речи терминами, которые выходят далеко за пределы предложения. Он указывает, конечно, также, что глаголы обозначают время, а имя не имеет функции времени. Следы подобного определения частей речи следует искать в античной языковой теории.

Средние века в основном восприняли грамматическую теорию, созданную древними, разрабатывая и уточняя отдельные положения в том направлении, в каком они развивались античными грамматиками. Особенно это относится к сирийской грамматике, которая еще в XI в. была сильно связана истоками своего развития с античной наукой.

Античная наука о языке в течение всего периода своего развития была тесно связана с философией. И. М. Тронский в своей статье „Проблемы языка в античной науке“ указывает: „Античная языковая теория возникает не в процессе рассмотрения каких-либо частных, мелочных проблем, а как одна из сторон основной философской проблемы, как вопрос о взаимоотношении между вещью, мыслью и словом“.⁴

Греческая философия, которая пришла на смену мифологическому восприятию мира, во многом сохранила представления мифологии, которые сказались и на развитии учения о языке. „Среди мифологических аспектов языка, — пишет Тронский, — должны быть особо отмечены два момента. Во-первых, язык как целое сравнительно редко привлекает к себе внимание; центр тяжести мифологической трактовки языка лежит на отдельном слове, точнее — на имени. Имя вещи мыслится неразрывно связанным с самой вещью, ее неотъемлемой частью (термин „свойство“ в силу своей абстрактности был бы здесь неуместен). Каждая вещь — единый целостный комплекс, живой носитель конкретных отношений, от которого не абстрагируются отдельные элементы, в том числе имя. Имя

³ Там же, стр. 52.

⁴ Античные теории языка и стиля, стр. 8.

не существует вне вещи, и, совершая какие-либо операции над именем, мы воздействуем на вещь, подчиняя ее нашей воле“.⁵

В мифологии имя целиком принадлежало вещи, а „античная наука, — пишет Тронский, — разорвала эту связь, поместила между именем и вещью мысль, но продолжала соотносить изолированное слово, как полнозначного носителя смысловых отношений, непосредственно с отдельной вещью или мыслью“.⁶

Эта черта античной языковой теории нашла отражение в определении имени у Ильи Тирханского. В характеристике имени у Ильи Тирханского: „Имя — [носитель] рода ($\kappa\omicron\mu\lambda\omicron$), субъекта ($\mu\upsilon\sigma\tau\ \acute{\alpha}\nu\tau\omicron$) и материи ($\mu\upsilon\sigma\tau\ \acute{\alpha}\nu\tau\omicron$) или сущности ($\kappa\epsilon\alpha\lambda\omicron\varsigma$)“, имя представляет вещь, которая характеризуется определенным родом и является определенной материей, и только в комплексе этих свойств выступает как субъект предложения, который поясняет глагол, характеризующий различие одного имени — вещи-предмета от других положением во времени.

В античной науке о языке основным признаком глагола было то, что он выражал время. Об этом говорил еще Аристотель. Илья Тирханский замечает, что „имя не имеет [понятия] времени, которое [оно получает соответственно] времени глагола“ (гл. 30), поэтому термин $\kappa\upsilon\iota\alpha\varsigma$, мне кажется, надо объяснить как различие, приобретаемое субъектом благодаря времени, в которое ставит его глагол своей определенной формой ($\kappa\epsilon\theta\iota\alpha\varsigma$).

Другая черта античной науки о языке, которая очень ярко проявилась в характеристике частей речи у Ильи Тирханского, в частности имени и глагола, это тождество частей речи и членов предложения.

Грамматические понятия в античной науке часто сливались с логическими. Анализ логических категорий понятия и суждения у Аристотеля привел к первой попытке классификации частей речи. Исследование понятия суждения дало его расчленение на субъект и предикат. Поскольку предикат выражается глаголом, обращается внимание на глагол. Речь и предложение были синонимами. До выделения глагола считали, что всякая речь состоит из „имен“ и „речений“, затем „термин «реченье» ($\rho\eta\mu\alpha$) специфицируется и начинает означать глагол как противостоящую имени часть «речи», т. е. предложения“.⁷

Речь и предложение, имя и субъект, глагол и предикат в античной науке не разграничиваются. „Классификация слов «по частям речи», объединяющая семантические и морфологические признаки, является основой синтаксиса, так как слово не имеет в предложении иной функции, кроме выражения своей самостоятельной семантики. Различая в суждении субъект и предикат, античная теория видит в предложении только имена и глаголы“.⁸

⁵ Там же, стр. 8—9.

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 22.

⁸ Там же, стр. 24.

Предложение само по себе не является объектом исследования, о нем говорится только как о соединении имен и глаголов, из значения которых состоит смысл речи — предложения, поэтому слова, составляющие его, рассматриваются только как части речи, но не как члены предложения, выражающие синтаксические отношения.

Определение Ильи Тирханского: „Основа предложения — две части [речи]: имя и глагол. Имя — [носитель] рода (ἰσμός), субъекта (ἄνθρωπος) и материи (ἕξις) или сущности (κατάληξις), глагол — различие (ἕξις) и форма (ἕξις)“, (гл. 30) ясно выражает эту характерную черту античной науки о языке. Субъект и предикат еще не выделяются Ильею Тирханским как главные члены предложения.

Таким образом, при определении имени и глагола в грамматике Ильи Тирханского, мы видим влияние античной языковой теории, что является характерным для всей средневековой грамматики.

ИМЯ (СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ)

Имя у Ильи Тирханского соответствует имени существительному. Наиболее убедительно это подтверждают примеры на имена, приведенные Илей Тирханским при классификации частей речи: **ܠܫܡܝ** — „небо“, **ܐܪܥܐ** — „земля“, **ܐܠܗܝܡ** — „бог“, **ܐܢܫܝܢ** — „человек“, **ܐܝܬܝܢ** — „муж“, **ܠܫܡܝܢܐ** — „лошадь“, **ܐܠܡܝܢܐ** — „мир“, **ܠܝܘܠܝܘܬܐ** — „лев“, **ܠܚܝܘܢܐ** — „животное“, **ܐܝܬܝܢܐ** — „женщина“, **ܐܝܬܝܢܐܬܐ** — „девушка“, **ܐܝܠܘܗܝܢ** — „святой“, **ܐܝܠܐܢܐ** — „камень“, **ܐܝܠܐܢܐ** — „бык“, **ܐܝܠܐܢܐ** — „собака“, **ܐܝܠܐܢܐ** — „орел“ (гл. 6, 13, 30).

Именем существительным в русском языке называется „разряд слов, которые или обозначают предметы (человек, сестра, орел, лошадь, дерево, дом), или представляют любые явления как предметы (гроза, дружба, состязание)“.¹ По значению „к именам существительным относятся знаменательные слова, которые являются названиями живых существ (брат, змея, насекомое), обозначают предметы, явления и события реальной действительности (город, деревня, стена, землетрясение) или называют в качестве предметов любые действия и состояния, свойства или отношения (борьба, крик, движение, игра, сон, мужество, любовь, чистота, близость)“.² Определение имени существительного в других языках не отличается существенно от вышеприведенного.

Примеры Ильи Тирханского полностью отвечают данному определению имени существительного.³ Наш автор несомненно считает „именами“ (**ܐܝܠܐܢܐ**) только имена существительные, не включая в это обозначение прилагательные.

В сирийском языке существительное и прилагательное имеют категории рода, числа и состояния. Образование этих категорий для существительного и прилагательного одинаково, поэтому обычно эти части речи рассматриваются вместе.

Илья Тирханский не излагает последовательно и систематично категорий имени существительного. Сведения о роде, числе, состоянии, о падежах разбросаны по всей грамматике в виде примеров и рассуждений на другие темы. Проанализировав и классифицировав собранный из различных разделов грамматики материал о роде, числе, состоянии

¹ Грамматика русского языка, т. I, стр. 20.

² Там же, стр. 101.

³ Слово **ܐܝܠܐܢܐ** — „святой“ в сирийском языке часто употребляется как субстантивированное прилагательное.

имен, мы видим, что эти категории освещены на примерах слов, относящихся к имени существительному. Это еще раз подтверждает наше заключение, что под термином **كلمة**, означающем имя как часть речи, Илья Тирханский совершенно определенно понимал имя существительное.

Форма имени

Основной формой имени Илья Тирханский считает имя с окончанием на ā.

Это положение он утверждает в гл. 6, 25, а в гл. 13 и 30, где приводит примеры на имя как на часть речи, все примеры имеют окончание ā.

Илья Тирханский не выделяет окончаний имен мужского и женского рода, т. е. не дифференцирует окончаний по родам, может быть, потому, что как в окончании мужского рода (ك = ā), так и в окончании женского рода (ك = tā) имеется ā. Имена с окончанием ā и tā являются формами определенного состояния единственного числа мужского (ā) или женского рода (tā).

Окончание ā (или hā?) — первоначальный определенный член имени, который потерял значение определенности, и имена с определенным членом стали нормальным типом имени.

Род, число, состояние

Илья Тирханский отмечает для сирийского имени существительного два рода: мужской и женский, два числа: единственное и множественное: регистрирует на материале языка три состояния: неопределенное, определенное и сопряженное, но как грамматическую категорию он фактически выделяет только форму имени в сопряженном состоянии.

Термин „состояние“ применим в грамматике Ильи Тирханского только к сопряженному состоянию (**كلمة ذات كمال**), когда имя находится в состоянии („виде“ — **ك**) отношения, связи с другим именем.

Имя в неопределенном и определенном состояниях — две параллельные формы имени, не имеющие какого-либо грамматического значения.

Такое понимание двух форм имени (в определенном и неопределенном состояниях) вполне понятно. Еще задолго до Ильи Тирханского форма имени в неопределенном состоянии стала употребляться очень редко, а определенный член ā (или hā?) в имени в определенном состоянии потерял свое значение определенности.

Форму имени в определенном состоянии Илья Тирханский считает нормальным типом имени. Соответственно имя в неопределенном состоянии уже не воспринимается им как противоположность имени в определенном состоянии. Усеченная форма имени в неопределенном состоянии является как бы параллельной формой к имени, только значительно более облегченной, легкой и удобной для произношения.

Именно благодаря этому Илья Тирханский смог развить заимствованное из арабской грамматики понятие усечения имени на материале об-

разования в сирийском языке неопределенного и определенного состояний имени и по-новому их истолковать.

В арабском языке явление усечения имен (الترخيم) не имеет ничего общего с определенным и неопределенным состояниями и относится только к некоторым именам в звательной форме, например, вместо يَا فَاطِمَةُ в облегченной форме يَا فَاطِمَه — „О, Фатима!“.

В сирийском языке явление усечения имен Илья Тирханский считает одной из основных грамматических особенностей, которая присуща имени.

Действительно, каждое имя в сирийском языке по форме стоит в одном из трех состояний: неопределенном, определенном и сопряженном в любой фразе, в любом контексте. Поскольку грамматическое значение неопределенного состояния потерялось, Илья Тирханский объясняет существование этой формы имени тем, что она более упрощенная и облегченная, поэтому легче и удобнее для произношения (гл. 8).

Илья Тирханский сформулировал основные правила, которые необходимо помнить при усечении имен.

1. Усечению подвергаются все сирийские имена различных видов, соответственно которым усечение происходит по разным правилам (гл. 6).

2. В усеченных именах необходимо менять вокализацию (гл. 6).

3. Если конечному ܐ (= ā) предшествует одна из букв ܘܢܘܢܐ, то при усечении предшествующая буква получает гласную ܘܘܘܐ, а не ܘܘܘܝܐ (гл. 26).

4. Усечение имени не зависит от типа предложения, в котором оно находится (гл. 7).⁴

5. Для имен, в звуковом составе которых есть три гласных, находятся ли они в конце или в середине, Илья Тирханский отмечает особый вид усечения, отличающийся от остальных, но, стремясь к краткости изложения, отказывается делать пояснение (гл. 6).⁵

⁴ Это условие продиктовано стремлением подчеркнуть отличие усечения в сирийском языке по сравнению с арабским, в котором оно существует только для некоторых имен в звательной форме и подразумевает тип звательного предложения.

⁵ Бетген предполагает (Syrische grammatik, p. 17, Nota 3 — немецкого перевода), что Илья Тирханский имел в виду имена типа ܘܘܘܐ, ܘܘܘܐ, ܘܘܘܐ (гласные в конце имени!), которые не сокращаются, и имена типа ܘܘܘܐ, ܘܘܘܐ (гласный в середине!), которые в неопределенном состоянии имеют форму ܘܘܘܐ, ܘܘܘܐ. В гл. 6 это имя существительное приводится Илей Тирханским как один из примеров, в котором усекается окончание ā (= ܐ), поэтому предположение Бетгена несерьезно. Здесь можно было бы привести ряд других примеров и сделать другие предположения (см., например, таблицу одно- и двусложных имен с неизменяемыми гласными в: Fr. Uhlenmann. Grammatik der syrischen Sprache mit vollständigen Paradigmen,

Основные типы имен, в которых происходит усечение, Илья Тирханский перечислил в гл. 6.

1. Имена с окончанием ā (= ʿ) с предшествующим согласным звуком. Усечению подвергается ā (= ʿ). Например: ʿābā → ʿāb, ʿānā → ʿān.⁶

2. Имена с окончанием ā (= ʿ) с предшествующим j (= ,). Усечению подвергается j, ā остается. Например, ʿājā → ʿāj, ʿājā → ʿāj.⁷

3. Имена с окончанием tā (= ʿh) с предшествующими w (= a) или j (= ,). Усечению подвергается tā (= ʿh).⁸ Например, ʿhāwā → ʿhāw, ʿhāwā → ʿhāw. Илья Тирханский указывает как на исключение на сохранение ā (= ʿ) и усечение t (= h) в именах с окончанием tā (= ʿh). Например, ʿhāwā → ʿhāwā.

Фактически, как мы видим в табл. 1—5, Илья Тирханский дает формы имен в различных состояниях: неопределенном, сопряженном и определенном. В основной своей массе эти формы имен, например в неопределенном состоянии, редко встречающиеся, как ʿhāwā, ʿhāwā, ʿhāwā и др.

Образование множественного числа имен Илья Тирханский также объясняет при помощи усечения имен и по образованию множественного числа делит имена на несколько типов (гл. 9).

1. Имена с окончанием ā с предшествующим согласным звуком во множественном числе принимают окончание in, ā усекается, например: ʿābān, ʿānān, ʿānān.⁹

2. Имена с окончанием tā (= ʿh) с предшествующим w (= a) принимают n, tā (= ʿh) отбрасывается, например: ʿhāwān, ʿhāwān.¹⁰

3. Имена с окончанием tā (= ʿh) с предшествующим j (= ,) принимают n, отбрасывается tā (= ʿh). Например, [ʿhāwān].

4. Имена с окончанием jā (= ʿ) [принимают n, отбрасывается ā (= ʿ), например: ʿhāwān, ʿhāwān].¹¹

Chrestomathie und Wörterbuche. Berlin, 1857, p. 112, — в дальнейшем: Uhlmann. Grammatik der syrischen Sprache), которые в одинаковой степени могут быть правдоподобны, но по существу вопроса ничего не решают и потому излишни.

⁶ См. в конце главы табл. 1, сопряженное и определенное состояния единственного числа.

⁷ См. табл. 2.

⁸ В гл. 7, где Илья Тирханский возвращается к сопряженному состоянию, он объясняет усечение tā (ʿh) в именах типа ʿhāwāh и ʿhāwāh тем, что w и j (a и ,), которые остаются, являются гласными (ʿhāwāh), поэтому их достаточно для произношения голосом (ʿhāwāh). См. табл. 3, неопределенное и определенное состояния единственного числа.

⁹ См. табл. 1, неопределенное состояние множественного числа.

¹⁰ См. табл. 3, неопределенное состояние множественного числа.

¹¹ См. табл. 2, неопределенное состояние множественного числа.

5. Имена во множественном числе с окончанием wātā (= רְחֹלָה) принимают п, отбрасывается tā (רְחֹלָה), например: רְחֹלָה ← רְחֹלָה, רְחֹלָה ← רְחֹלָה, רְחֹלָה ← רְחֹלָה.

Эти формы имен множественного числа: רְחֹלָה, רְחֹלָה, רְחֹלָה, רְחֹלָה, רְחֹלָה, רְחֹלָה, — являются формами имен множественного числа в определенном и неопределенном состояниях. В гл. 21 имена неопределенного и определенного состояний во множественном числе, именно רְחֹלָה и רְחֹלָה, רְחֹלָה и רְחֹלָה и другие, Илья Тирханский считает равноценными формами образования множественного числа, не имеющими принципиальной разницы; т. е. как в единственном числе, где одно и то же имя в разных состояниях, в представлении Ильи Тирханского, — только имя с параллельными формами, не имеющими какого-либо грамматического значения, так и во множественном числе формы имени в различных состояниях представлены как различные способы образования множественного числа.

Все это еще раз подтверждает ранее высказанное мнение, что наш автор не видел разницы между формами имен в определенном и неопределенном состояниях и не выделял их как таковые. Напротив, грамматическое значение сопряженного состояния Илья Тирханский четко понимал, обстоятельно рассмотрел и обозначил особым термином רְחֹלָה.

В гл. 4 Илья Тирханский объясняет два правила образования сопряженного состояния или, иначе, присоединения имен друг к другу.

1. При помощи связки d (= ד). Например: רְחֹלָה רְחֹלָה — „город такого-то“, רְחֹלָה רְחֹלָה — „дом такого-то“.

Конечное ā (= א) или местоименный суффикс ם при первом имени не влияет на форму образования сопряженного состояния с частицей d (= ד). Например: רְחֹלָה רְחֹלָה — „книга Моисея“, רְחֹלָה רְחֹלָה — „лагерь Израиля“, רְחֹלָה רְחֹלָה — „бог Иакова“.¹³

2. Благодаря усечению в первом имени конечного ā или jā (= א или י). Например: רְחֹלָה רְחֹלָה — „римский город“, רְחֹלָה רְחֹלָה — „дом такого-то“, רְחֹלָה רְחֹלָה — „книга Моисея“ и т. д.¹⁴

Илья Тирханский приводит формы сопряженного состояния и во множественном числе: רְחֹלָה רְחֹלָה — „глаза нашего господина“, רְחֹלָה רְחֹלָה — „ноги такого-то“, רְחֹלָה רְחֹלָה — „книги такого-то“, и т. д.¹⁵

Если неопределенное и определенное состояния имен для практического знания языка, т. е. чтения, перевода, разговора, не имели уже в то время большого значения, то знание видов присоединения имен в предложении было элементарной необходимостью.

¹² См. табл. 3, неопределенное и определенное состояния множественного числа.

¹³ См. табл. 4.

¹⁴ См. табл. 5.

¹⁵ См. табл. 6.

По-видимому, оформление сопряженного состояния при помощи связи *d* (ד) — частицы родительного падежа было главным способом выражения сопряженного состояния, поэтому Илья Тирханский называет этот способ первым.

Второе правило о присоединении имен друг к другу — собственно об образовании сопряженного состояния благодаря усечению окончания первого имени.

В данном случае усечение имени трактуется не как основное явление, характерное для имен, а как средство образования грамматической категории. На это же наш автор указывает в гл. 7.

Таким образом, рассмотрев положение Ильи Тирханского об основном явлении, присущем, по его мнению, именам, а именно о явлении их усечения, мы получили формы имен в трех состояниях в единственном и во множественном числе, в мужском и женском роде, которые дают нам картину форм имен, существовавших в X—XI вв. и их трактовку.

Роды этих имен Илья Тирханский не отмечает, поэтому в табл. 1—5 имена мужского и женского рода не отделены, сохранена классификация Ильи Тирханского по „видам“ имен, которая отчасти является делением на формы имен мужского и женского рода. Илья Тирханский, разумеется, выделяет два рода в сирийском языке, мужской и женский, но отмечает это не с точки зрения грамматических форм имен мужского и женского рода, а с точки зрения предметного значения, акцентируя внимание на согласовании родов в предложении. Этому посвящена гл. 20 грамматики.

Главу 20 Илья Тирханский начинает так: „Почему, когда женский и мужской род объединяются в одном слове [во множественном числе], мы считаем, [что это слово] мужского рода? Потому что мужской род более высок, чем женский. Так, вследствие превосходства мужского рода глагол, который [указывает] на нечто мужского рода в прошедшем времени, обозначает женский род множественного числа, например: *ⲛⲁⲛⲁⲓ* — «Он сделал». То же в арабском языке. Соединенные в одно имена мужского и женского рода во множественном числе (*ⲉⲩⲛⲁⲛⲁⲓ*) — мужского рода“.

Далее Илья Тирханский пишет, что „каждый глагол единственного числа мужского рода, будь он в активном или в пассивном залоге, может обозначать множественное число женского рода“.

Примеры, приведенные Ильей Тирханским, следующие:

1. *ⲉⲩⲛⲁⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛⲁⲓ... —* „очи мои, ожидая спасения твоего“

(Псалмы 118, 123).

2. *ⲉⲩⲛⲁⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛⲁⲓ —* „Скорби сердца моего умножились“ (Псалмы 24, 17).

3. *ⲉⲩⲛⲁⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛⲁⲓ... —* „и некоторые женщины, которые исцелились от злых духов и болезней“ (Лука 8, 2).

4. **ܐܘܠܘܕܗܘܐ ܐܗܝ ܟܝܘܢܐ ܟܘܘܕܗ** — „Дрогнули и подвиглись основания гор“ (Псалмы 17, 8).

Формы глаголов в приведенных примерах: **ܘܕܝ**, **ܘܦ**, **ܘܟܘܕܗ**, **ܐܗܝ** и **ܐܘܠܘܕܗܘܐ** — это, во-первых, формы активных и возвратных пород, т. е., как пишет Илья Тирханский, глаголы активного или пассивного залогов; во-вторых, эти формы имеют окончание 3-го л. м. р. ед. ч., которое в перфекте одинаково с формой глагола 3-го л. ж. р. мн. ч.

Подлежащее первого предложения (**ܘܕܝ**) имеет форму сопряженного состояния множественного числа мужского рода.¹⁶ Нельдеке относит его к разряду имен женского рода,¹⁷ не имеющих окончания женского рода в единственном числе, а во множественном числе принимающих окончание или мужского, или женского рода.

Илья Тирханский, судя по вышеприведенной цитате из гл. 20, также считает **ܘܕܝ** именем существительным женского рода.

Глагол в сирийском языке управляется субъектом.¹⁸ Соответственно подлежащему **ܘܕܝ** глагол **ܘܕܝ** в первом примере логичнее считать формой глагола 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта. Имя существительное во втором примере по оформлению — имя женского рода, поэтому глагол **ܘܦ** нет никаких оснований считать стоящим в мужском роде. Имя существительное в третьем примере — имя женского рода по значению, соответственно глагол **ܘܟܘܕܗ** мы не можем считать формой 3-го л. м. р. ед. ч., логичнее принять его за форму 3-го л. мн. ч. ж. р.

Имена существительные в четвертом примере мужского рода,¹⁹ соответственно глаголы **ܐܗܝ** и **ܐܘܠܘܕܗܘܐ** представляют форму 3-го л. мн. ч. м. р. перфекта.

Итак, 4 примера, приведенные Ильей Тирханским, доказывающие, по его мнению, превосходство мужского рода над женским, вследствие которого в перфекте глагол мужского рода единственного числа может стоять при именах существительных женского рода множественного

¹⁶ U h l e m a n n. Grammatik der syrischen Sprache, p. 113.

¹⁷ N ö l d e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, § 84.

¹⁸ Там же, § 321.

¹⁹ B r o c k e l m a n n. Syrische Grammatik, § 106. Брокельман указывает, что к именам женского рода (не оформленным грамматически) относятся названия местности (поле, вади), элементы и метеорологические явления (соль, огонь). По этой классификации **ܟܝܘܢܐ ܟܘܘܕܗ** тоже можно было бы отнести к женскому роду, как делает это Бетген (Syrische Grammatik, p. 36 — немецкого перевода). В списке имен женского рода, грамматически не имеющих форму женского рода, данном Нельдеке (N ö l d e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, § 84), этих имен нет.

Может быть, эти имена действительно женского рода и Илья Тирханский правильно считает их именами женского рода, но множественное число этих имен — по типу образования множественного числа имен мужского рода, поэтому вполне закономерно, что сказуемые при них в мужском роде множественного числа, и поэтому этот пример является просто неудачным.

числа, представляют собой предложения, в которых субъект и сказуемое согласуются в роде и числе.

Утверждение Илья Тирханского основывалось только на том, что в перфекте форма глагола 3-го л. м. р. ед. ч. совпадает с формой глагола 3-го л. ж. р. мн. ч.

В арабском языке также имеются одинаковые глагольные формы мужского и женского рода, но для имперфекта, т. е. формы глагола в 3-ем л. ж. р. и 2-ом л. м. р. ед. ч., 3-ем л. ж. р. и 2-ом л. — общего для двух родов, двойственного числа, совпадают. Вот почему Илья Тирханский мог сослаться на грамматику арабского языка (гл. 20).

Так называемое „превосходство“ мужского рода над женским Илья Тирханский видит еще в том, что „соединенные в одно имена мужского и женского рода во множественном числе (كلمة) — мужского рода“ (гл. 20).

Илья Тирханский приводит следующий пример: أولئك هم الذين كلمة — „а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых“ (Лука 20, 35). Комментируя эту фразу, он говорит, что местоимение أولئك включает в себе лица мужского и женского рода, „ибо оба рода воскресают“ (гл. 20), и что это видно также из продолжения фразы в Евангелии от Луки,²⁰ а сказуемое при этом местоимении (подлежащем) — в мужском роде. كلمة — „они“, местоимение 3-го л. мн. ч. м. р., в предложении является подлежащим. Сказуемое كلمة — „Они достигли“, стоит в 3-м л. мн. ч. м. р. прошедшего времени.

В предложении — нормальное грамматическое согласование подлежащего и сказуемого в роде и числе, обычное для сирийского языка, в котором глагол управляется субъектом. В европейских нормативных грамматиках сирийского языка Нельдеке, Брокельмана и других при изложении согласования в предложении описываются главным образом исключения из общего правила, в большинстве случаев касающиеся согласования в числе личных коллективных имен, собирательных имен животных с их сказуемыми, т. е. оформление этих имен в общей конструкции предложения, причем главное внимание обращается на число.

Есть случаи, когда при соединении нескольких имен различного рода и числа союзом (w или каким-нибудь другим) род и число сказуемого определяются порядком следования этих имен или первенством одного из них, исходящим из логических рассуждений; например, если в начале предложения имя мужского рода, то и сказуемое мужского рода (во множественном числе).

Примеры Нельдеке (§ 318) показывают, что при личных коллективных именах, при собирательных именах животных, когда род подлежащего неопределенный, глагол, единственного или множественного

²⁰ „... а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых, ни женятся, ни замуж не выходят“ (Лука 20, 35).

числа, — в мужском роде. У Нельдеке специально нигде это не подчеркивается. По-видимому, Илья Тирханский наблюдал подобные случаи с преобладающим употреблением глагольных форм мужского рода при именах собирательных и коллективных, в которых род неопределен и подразумевает лиц или животных обоего пола, хотя примеров он и не приводит.

Толчком к такого рода наблюдениям в сирийском языке со стороны Ильи Тирханского, послужило, по-видимому, знакомство с арабской грамматикой.

Одним из арабских грамматиков, сочинения которых были наиболее распространены в XI—XIII вв., был ал-Фариси ал-Фесави, с трудами которого мог познакомиться наш автор. По содержанию вопросов и расположению их в грамматике труд Ильи Тирханского довольно близок грамматике ал-Фариси.

Арабские грамматики считали, что первоначальная форма имени — форма в мужском роде, а обозначение женского рода появилось позднее, потому что женский род является „разветвлением“ мужского. Ал-Фариси ал-Фесави был одним из первых арабских грамматиков, кто посвятил вопросу образования женского рода в именах несколько специальных глав. Например, он пишет: „Мужской род есть коренное свойство имен, а женский род следует за ним“.²¹ По-видимому, мысль о превосходстве мужского рода над женским Илей Тирханским могла быть заимствована даже непосредственно из труда ал-Фариси ал-Фесави. Но заимствовав понравившуюся ему мысль, Илья Тирханский постарался обосновать ее на материале сирийского языка.

Основным явлением, пронизывающим всю систему сирийской грамматики, Илья Тирханский считает усечение. Поэтому в каждой части речи основное внимание он уделяет грамматическим категориям и формам, которые так или иначе претерпели, по его мнению, усечение. Этим объясняется, что не все категории той или иной части речи освещены им полно и систематически. Так, в имени существительном он ограничился вопросами образования числа и состояния и некоторыми замечаниями о роде.

Имеются немногочисленные сведения о местоимениях, прилагательных и других частях речи, которые в нормативных сирийских грамматиках объединяются под собирательным термином „имя“. Но Илья Тирханский, как можно судить по вышеизложенному материалу, термином „имя“ обозначал только имя существительное.

²¹ Гиргас. Очерк, стр. 64.

Т а б л и ц а 1

Усечения имен с окончанием ā (ⲁ) с предшествующим согласным звуком

Единственное число			Множественное число		
неопределенное состояние (Status Absolutus)	сопряженное состояние (Status Constructus)	определенное состояние (Status Emphaticus)	неопределенное состояние (Status Absolutus)	сопряженное состояние (Status Constructus)	определенное состояние (Status Emphaticus)
		ⲁⲗⲏⲁ	ⲁⲗⲏⲁ		ⲁⲗⲏⲁ
	ⲁⲃⲓ	ⲁⲃⲓ	ⲁⲃⲓⲙ		ⲁⲃⲓⲙ
	ⲁⲃⲓⲛ	ⲁⲃⲓⲛ (§ 95)			
	ⲁⲃⲏⲁ	ⲁⲃⲏⲁ		ⲁⲃⲏⲁ	
	ⲁⲃⲏⲓ	ⲁⲃⲏⲓ (p. 112) (§ 97)			
	ⲁⲃⲏⲛ	ⲁⲃⲏⲛ (p. 113) (§ 98)	[ⲁⲃⲏⲛ ^ⲛ]		
[ⲁⲃⲏ]	ⲁⲃⲏⲛ	ⲁⲃⲏⲛ (p. 127) (§ 146)			
	ⲁⲃⲏⲛ	ⲁⲃⲏⲛ (§ 146)			
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ (p. 127)			
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ			
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ (§ 146)			
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ (p. 113) (§ 94)	[ⲁⲃⲏⲛⲁ ^ⲛ]		
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ			
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ			
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ (p. 127)			
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ			
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ		ⲁⲃⲏⲛⲁ	
	ⲁⲃⲏⲛⲁ	ⲁⲃⲏⲛⲁ			ⲁⲃⲏⲛⲁ

Примечание. В этой и следующих таблицах указанные в скобках параграфы (no : Nöldke. Kurzgefasste syrische Grammatik) и страницы (no : Uhlemann. Grammatik der syrischen Sprache) содержат объяснения особенностей образования различных состояний этих имен. Формы имен, заключенные в квадратные скобки, не приводятся в грамматике Ильи Тирханского, а только подразумеваются.

Т а б л и ц а 2

Усечения имен с окончанием ā (ا) с предшествующим i (ي)

Единственное число			Множественное число		
неопределенное состояние (Status Absolutus)	сопряженное состояние (Status Constructus)	определенное состояние (Status Emphaticus)	неопределенное состояние (Status Absolutus)	сопряженное состояние (Status Constructus)	определенное состояние (Status Emphaticus)
ا.ا	ا.ا ا.ا ا.ا ا.ا ا.ا (ي) <small>вторая форма, § 146</small>	ا.ا ا.ا ا.ا ا.ا (ж. п. § 101) ا.ا (§ 146)	ا.ا ا.ا ا.ا [ا.ا] (§ 146)		

Т а б л и ц а 3

Усечения имен с окончанием tā (ا), с предшествующими w (و) или j (ي)

Единственное число			Множественное число		
неопределенное состояние (Status Absolutus)	сопряженное состояние (Status Constructus)	определенное состояние (Status Emphaticus)	неопределенное состояние (Status Absolutus)	сопряженное состояние (Status Constructus)	определенное состояние (Status Emphaticus)
ا	ا	ا (§§ 98, 146, p. 127)	ا		
[ا.ا]	[ا.ا]	ا.ا (§ 76)			
ا.ا	ا.ا	ا.ا (§ 76)	ا.ا	[ا.ا]	ا.ا
ا.ا	ا.ا	ا.ا (§ 76)	ا.ا	[ا.ا]	ا.ا
ا.ا	ا.ا	ا.ا (§ 75)		[ا.ا]	
ا.ا	[ا.ا]	ا.а (§ 75)			
ا.а	[ا.а]	а.а (§§ 75, 101, 146)			
ا.а	а.а	а.а (p. 114)			
а.а	[а.а]	а.а (p. 106)			
			а.а	[а.а]	а.а
			а.а	[а.а]	а.а
			а.а	[а.а]	а.а

Таблица 4

Сопряженное состояние с частицей ל

- (Гл. 8) קָנַח לְשֶׁמֶשׁ — город солнца
 (Гл. 4) סֵפֶר לְמֹשֶׁה — книга Моисея
 $\text{מַחֲנֵה לְיִשְׂרָאֵל}$ — лагерь Израиля
 אֱלֹהֵי יַעֲקֹב — Бог Иакова
 עִיר לְכָל־אֶחָד — город такого-то
 $\text{בַּיִת לְכָל־אֶחָד}$ — дом такого-то

Таблица 5

Сопряженное состояние в сочетании с именами

Единственное число

- (Гл. 4) עִיר רֹמִים — город римлян
 בַּיִת לְאֶחָד — дом такого-то
 סֵפֶר מֹשֶׁה — книга Моисея
 $\text{מַחֲנֵה יִשְׂרָאֵל}$ — лагерь Израиля
 יָד יַעֲקֹב — рука Иакова
 רֶגֶל יוֹסֵף — нога Иосифа
 אֱלֹהֵי אֱלֹהִים — Бог богов (Псалмы 49, 1)
 $\text{הַגָּדֹל מֵכָל־פַּרְעֹהִים}$ — величайший из фараонов
 עִיר קֹדֶשׁ — город святости
 עַבְד מֶלֶךְ — раб царя
 מֶלֶךְ מְלָכִים — царь царей
 (Гл. 7) $\text{אֵל מִן־הַשָּׁמַיִם}$ — доверенный
 $\text{אִישׁ מִן־הַשָּׁמַיִם}$ — осуждающий, обвиняющий человек
 עִיר שֶׁמֶשׁ — город солнца
 מִן־הַשָּׁמַיִם — явление нашего господа
 $\text{עֵדוּת מִן־הַשָּׁמַיִם}$ — свидетельство правды
 $\text{תְּפִלָּה מִן־הַשָּׁמַיִם}$ — просьба твоего почитателя

Множественное число

- (Гл. 4) $\text{עֵינֵי הַשָּׁמַיִם}$ — глаза нашего господина
 רַגְלֵי אֶחָד — ноги такого-то
 סֵפֶר אֶחָד — книги такого-то

ГЛАГОЛ

В грамматике Ильи Тирханского много места и внимания уделено второй главной части речи сирийского языка — глаголу. Его сведения о глаголе по методу и порядку изложения достаточно бессистемны и разбросаны. Однако по содержанию глагол — наиболее подробно и полно освещенный раздел изучаемой грамматики. Весь материал о глаголе, имеющийся у Ильи Тирханского, рассматривается нами в том порядке, в каком категории глагола изложены в грамматике Нельдеке.¹

В труде Ильи Тирханского освещены следующие разделы этой большой темы: 1) время; 2) лицо, род, число; 3) наклонение; 4) породы.

Поскольку почти весь материал по глаголу, имеющийся в грамматике нашего автора, поясняется на примерах глаголов, относящихся к типу сильных или правильных, в нашем изложении отсутствует отдельная характеристика сильных глаголов. Изложению сведений Ильи Тирханского об отдельных группах глаголов посвящены пять разделов: 5) глаголы с гортанными и *i* (эти глаголы относятся к сильным, но имеют некоторые особенности, благодаря которым автор выделил их в отдельную группу); 6) глаголы с третьим *ʿ*; 7) глаголы с первым *ʿ*, „ *ʿ*; 8) глаголы с третьим *ʿ*; 9) глаголы со средним *ʿ* и *ʿ* и удвоенные. Если мы сравним названия указанных разделов с разделами, имеющимися по глаголу в грамматике Нельдеке, мы увидим, что перечни названий разделов по группам глаголов почти идентичны. Это свидетельствует о полноте сведений нашего автора. Илья Тирханский опустил только характеристику глаголов со средним *ʿ*, по-видимому потому, что их спряжение несложно и мало отличается от спряжения сильного глагола. Некоторые группы, имеющие общие формы спряжения, он рассматривал вместе, например глаголы с первым *ʿ*, „ *ʿ*; и мы в нашем изложении сохранили подобные группировки.

Выделяются в самостоятельную группу (десятая „форма“ произношения повелительного наклонения, гл. 15) глаголы с двумя слабыми коренными и даются следующие примеры:

ʿlʿlʿ (Apher от глагола *ʿlʿ* или *ʿl*) и *ʿlʿlʿ* (в породе Peal, в которой этот глагол, по сведениям Нельдеке, не употребляется). Примеры даны в 3-м л. мн. ч. м. р. повел. накл. с объектными суффиксами:

¹ Nöldeke. Kurzgefasste syrische Grammatik.

,*ṣaṣṭāṣ* и ,*ṣaṣṭāw*, ,*ṣaṣṭāṣ* и ,*ṣaṣṭāw*. Илья Тирханский не дает других форм и сведений об этих глаголах, поэтому мы сочли возможным не посвящать им особый раздел и ограничиться сообщением об их выделении автором.

То же самое нужно сказать о четырехбуквенных глаголах, которые он выделяет как 6-ю форму произношения повелительного наклонения, в единственном числе *ṣiṣi* и *ṣiṣi*, во множественном числе с объектными суффиксами: ,*ṣaṣṭāṣi*, ,*ṣaṣṭāw*, ,*ṣaṣṭāṣi*, ,*ṣaṣṭāw*.

Неправильные глаголы с неустойчивым спряжением в зависимости от состава корневых букв Илья Тирханский относит к различным группам: глагол *ṣṣ*, так же как *ṣiṣ*, и к группе глаголов с первым *ṣ*, и к группе глаголов с третьим *ṣ*, а *ṣaṣ* — к группе с первым *ṣ*. Почти для каждой выделенной им группы глаголов он дает формы 3-го л. м. р. мн. ч. повел. накл. с присоединением объектных суффиксов. Присоединение объектных суффиксов в этом лице и числе Илья Тирханский считает обязательным для выражения повелительного наклонения. Эти формы отмечены нами для каждой группы глаголов в соответствующих разделах, поэтому снимается необходимость специального раздела, посвященного рассмотрению глаголов с объектными суффиксами.

Время

В грамматике Ильи Тирханского совершенно ясно и четко указываются три времени: настоящее — *ṣaṣṭāṣ* (гл. 5, 25, 26, 27, 28), прошедшее время — *ṣaṣṭāṣ* (гл. 5, 15, 20, 25, 26, 28, 30), будущее время — *ṣaṣṭāṣ* (гл. 5, 25, 28). Формы выражения этих времен, весьма многообразные и сложные,² не анализируются нашим автором, но исходя из попутных замечаний при изложении других грамматических вопросов, можно заключить, что настоящее время, по его мнению, выражается причастием действительного залога (гл. 5, 26, 27, 30), будущее время — формами имперфекта (гл. 5, 30), а прошедшее время — формами перфекта (гл. 5, 15, 20, 25, 26, 30). Эти замечания носят следующий характер, например, он пишет: „Знай, что усечение является обычным для гласных букв и больше относится также к глаголам в настоящем времени (*ṣaṣṭāṣ*). Например [в глаголах] *ṣiṣ* — «Он бросил», *ṣaṣ* — «Он сделал», *ṣiṣ* — «Он велел освободить» [усекается *ṣ*, при образовании причастий действительного залога] — *ṣaṣ* — «Бросающий», *ṣaṣ* — «Делающий» и *ṣiṣ* — «Освобождающий»“ (гл. 5). Эти причастия Илья Тирханский считает формами настоящего времени.

Еще яснее взгляд Ильи Тирханского на причастие действительного залога как на форму выражения настоящего времени проявляется в гл. 27,

² Там же, стр. 193—211.

в которой он утверждает, что в настоящем времени „никогда не смешиваются лица, ни в единственном, ни во множественном числе, так же как ни в женском, ни в мужском роде. Глаголы двух остальных времен имеют общие формы“.

Действительно, 3-е л. м. р. ед. ч. и 3-е л. ж. р. мн. ч. в перфекте совпадают по форме, точнее — по грамматическому оформлению. В имперфекте грамматически одинаково оформлены 3-е л. ж. р. и 2-е л. м. р. ед. ч., 3-е л. м. р. ед. ч. и 1-е л. мн. ч.

В гл. 27 Илья Тирханский приводит формы настоящего времени во всех лицах:

	[Единственное число]	[Множественное число]
[1-е л. м. р.]	1. ܘܒܪܝܚܢܐ	2. ܘܒܪܝܚܢܐ
[ж. р.]	11. ܘܒܪܝܚܢܐ	12. ܘܒܪܝܚܢܐ^3
[2-е л. м. р.]	3. ܘܒܪܝܚܢܐ	4. ܘܒܪܝܚܢܐ
[ж. р.]	5. $\text{ܘܒܪܝܚܢܐ} [\text{ܘܒܪܝܚܢܐ}]$	6. ܘܒܪܝܚܢܐ
[3-е л. м. р.]	7. ܘܒܪܝܚܢܐ	8. ܘܒܪܝܚܢܐ
[ж. р.]	9. ܘܒܪܝܚܢܐ	10. ܘܒܪܝܚܢܐ

Автор грамматики дает эти формы в последовательности, начиная с 1-го л. и ставит рядом формы единственного и множественного числа. Основой этих форм являются причастия действительного залога мужского и женского рода, которые в единственном числе Илья Тирханский считает формами 3-го л. Во 2-м л. к этим причастиям присоединяются личные местоимения 2-го л., в 1-м л. — личное местоимение 1-го л. Для 1-го л. женского рода единственного и множественного числа формы причастия с местоимением добавлены в конце перечня форм. Во множественном числе основой служат формы множественного числа причастий мужского и женского рода в абсолютном состоянии. В гл. 5 Илья Тирханский объясняет образование лиц в настоящем времени усечением, явлением, которое он считает характерным для образования многих форм в сирийском языке. Он пишет: „Отбрасывание гласной относится только к глаголам в настоящем времени. Например, в [форме] ܘܒܪܝܚܢܐ — «Ты открываешь», с ܘܒܪܝܚܢܐ над ܘܒܝ , мы отбрасываем одну из гласных [гласный ܘܒܝ местоимения] и произносим ܘܒܪܝܚܢܐ , т. е. без ܘܒܝ над ܘܒܝ . Также ܘܒܪܝܚܢܐ — «Ты наполняешь» →

ܘܒܪܝܚܢܐ , ܘܒܪܝܚܢܐ — «Ты благословляешь» → ܘܒܪܝܚܢܐ , [где] гласная

отбрасывается от ܘܒܝ . [Это правило относится и к глаголам] 2-го л. ж. р. ед. ч., например, [вместо] ܘܒܪܝܚܢܐ — «Ты [ж. р.] открываешь» мы говорим ܘܒܪܝܚܢܐ , [вместо] ܘܒܪܝܚܢܐ — «Ты [ж. р.] наполняешь» →

³ Syrische Grammatik, p. 48 — немецкого перевода. Исправление Бетгена.

ܡܚܒܪܝܗ, [вместо] ,ܕܢܐ ܡܚܒܪܝܗ — «Ты [ж. р.] благословляешь» → ,ܡܚܒܪܝܗ“ (гл. 5).

О причастиях действительного залога мужского и женского рода с личными местоимениями как формах выражения настоящего времени из нормативных грамматик сирийского языка говорится только в грамматике Костаза.⁴ Он совершенно справедливо назвал соединение причастия с личными местоимениями всех лиц квазиспряжением, поскольку под спряжением глагола мы имеем обыкновенно в виду изменение гласных внутри слова, в случае же так называемого спряжения причастия действительного залога основа, т. е. причастие мужского или женского рода, остается неизменной, меняются только личные местоимения в зависимости от лица. Илье Тирханскому было известно понятие спряжения глагола, которое он обозначает термином ܡܚܒܪܝܗ. Он употреблен в гл. 18 и 24 и контекст позволяет утверждать, что понятие спряжения глагола Ильи Тирханского соответствует нашему. Поэтому не случайно, что по отношению к приведенным формам настоящего времени не употреблен термин „спряжение“. Это свидетельствует о том, что автор видел разницу между спряжением глагола в прошедшем и будущем времени и так называемым спряжением причастия. Приведем спряжение причастия сильного глагола, данное в грамматике Костаза:

Единственное число	Множественное число
3-е л. м. р. ܡܚܒܪܝܗ ³	ܡܚܒܪܝܗ ³
ж. р. ܡܚܒܪܝܗ ³	ܡܚܒܪܝܗ ³
2-е л. м. р. ܡܚܒܪܝܗ ² , ܡܚܒܪܝܗ ²	ܡܚܒܪܝܗ ² , ܡܚܒܪܝܗ ²
ж. р. ܡܚܒܪܝܗ ² , ܡܚܒܪܝܗ ²	ܡܚܒܪܝܗ ² , ܡܚܒܪܝܗ ²
1-е л. м. р. ܡܚܒܪܝܗ ¹ , ܡܚܒܪܝܗ ¹	ܡܚܒܪܝܗ ¹ , ܡܚܒܪܝܗ ¹
ж. р. ܡܚܒܪܝܗ ¹ , ܡܚܒܪܝܗ ¹	ܡܚܒܪܝܗ ¹ , ܡܚܒܪܝܗ ¹

Как мы видим, Костаз приводит наряду с полными формами, т. е. причастиями с личными местоимениями, стяженные формы, которые, как он считает, образовались благодаря частому, постоянному употреблению. Формы причастий с личными местоимениями, которые дает Илья Тирханский, в основном занимают промежуточное положение между полными и стяженными формами Костаза. Так, форма 2-го л. ед. ч. ж. р. является „неполной“, так как утратила один ܢ, но и не краткой, так как второй ܢ с ܡ еще остались. И в 1-м л. ж. р. ед. ч. форма ܡܚܒܪܝܗ не является ни краткой (ܡܚܒܪܝܗ), ни полной (ܡܚܒܪܝܗ ܡܚܒܪܝܗ).

⁴ L. Costaz, Grammaire Syriacque. Beyrouth, 1955.

Во множественном числе во 2-м л. м. р. Илья Тирханский дает стяженную форму, а в женском роде — полную. В 1-м л. мн. ч. в мужском роде — стяженная форма, а в женском — средняя между стяженной и полной: ܚܒܘܬܝܢ . Издатель грамматики Бетген, видимо не учтя того обстоятельства, что и в остальных формах квазиспряжения нет последовательности, поставил в тексте ܚܒܘܬܝܢ , т. е. стяженную форму вместо ܚܒܘܬܝܢ , имеющуюся в рукописи. По всей вероятности, формы, которые дает Костаз в своей грамматике, более позднего употребления.

До грамматики Костаза другие европейские исследователи сирийского языка отмечали употребление как собственно причастия, так и причастия в соединении его с личными местоимениями для выражения настоящего времени,⁵ но не давали четкой и ясной формулировки его употребления; тем более не было попытки привести так называемое спряжение причастия в стройную систему. Причиной этого была, по-видимому, общая традиция семитского языкознания отрицать у семитских народов деление действия по времени на настоящее, прошедшее и будущее. Например, Юшманов писал в грамматике арабского языка: „Вместо тройного деления действия или состояния по соотношению по времени на прошедшее, настоящее и будущее семит пользуется двойным делением по законченности на совершенное и несовершенное“,⁶ т. е. деление действия „по законченности на совершенное и несовершенное“ Юшманов считает особенностью семитского грамматического сознания. Так считали все европейские исследователи семитских языков, благодаря чему и появилось во всех нормативных грамматиках семитских языков, так же как и в сирийском, деление на совершенное и несовершенное время. Благодаря этой тенденции в сирийском не выделялись формы, выражающие настоящее время. Вопрос о существовании в сирийском языке разделения действия по времени на настоящее, прошедшее и будущее не изучался, несмотря на то, что в сирийских грамматиках имеется материал для его разработки.

Термины, обозначающие настоящее, прошедшее и будущее время, встречаются еще у Иакова Эдесского, так же как и у современников Ильи Тирханского (Ильи бар Собхи), и у его преемников (Иоанна бар Зоби и Бар Эбрея). Из древнейших сирийских грамматиков наиболее полно этот вопрос освещается у Ильи Тирханского.

Формами глагола, выражающими будущее время, Илья Тирханский называет имперфект, например: ܐܝܕܘܢܝܢ — „Я войду“, ܐܝܕܘܢܝܢܝܢ — „Я пойду“ (гл. 5).

Формами глагола, выражающими прошедшее время, Илья Тирханский называет перфект, например: ܚܒܘܬܝܢ и ܚܒܘܬܝܢܝܢ — „Они сделали“, ܚܒܘܬܝܢܝܢ и ܚܒܘܬܝܢܝܢܝܢ — „Они провозгласили“ (гл. 5), и т. п.

⁵ См., например: N ö l d e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, pp. 202—209.

⁶ Юшманов. Грамматика, стр. 29—30.

Лицо, род, число

Илья Тирханский отмечает в глаголах два рода: мужской и женский, два числа: единственное и множественное, три лица: первое, второе и третье. Он не посвящает специального раздела для изложения образования этих категорий в сирийском глаголе в определенной системе.

Глагол, имеющий грамматические показатели, предстает для Ильи Тирханского в одном аспекте — имеющим форму.

Составив таблицу форм, которые дает нам автор, без объяснения или с объяснением их образования, мы получим спряжение по лицам основных классов глаголов, правильных и неправильных.

С извлечением показателей лица, рода, числа мы получим следующую (весьма неполную) картину спряжения глагола по временам и лицам, общую для всей системы глагола грамматики Ильи Тирханского:

Единственное число

	Перфект (прошедшее время)	Имперфект (будущее время)
3-е л. м. р. —	—	— ۱
ж. р. [?]		, — ۱
2-е л. м. р. [?]	[?]	[?]
ж. р. [?]	[?]	[?]
1-е л.	۱ —	— ۱

Множественное число

3-е л. м. р.	۱ —; ۱ —	— ۱
ж. р.	, —; ۱ —	[?]
2-е л. м. р.	[?]	[?]
ж. р.	[?]	[?]
1-е л.	—; ۱ —	— ۱

Парадигма спряжения глагола в перфекте и имперфекте, как мы видим, неполная. Это объясняется тем, что спряжение глагола в перфекте и имперфекте не интересовало специально Илью Тирханского, эти формы даны в основном при изложении явления усечения в сирийском языке. О так называемом спряжении в настоящем времени говорилось выше.

Наклонение

Илья Тирханский называет в своей грамматике два наклонения: изъявительное и повелительное. Значение их обычное, соответствующее общепринятому определению. Изъявительным наклонением он называет формы перфекта, которые считает формами выражения прошедшего времени.

Выделение изъявительного наклонения в грамматике Ильи Тирханского существует для выявления значения повелительного наклонения и дифференцирования его форм. Определение значения изъявительного наклонения не суть важно для Ильи Тирханского. Это видно из того, что изъявительное наклонение часто является синонимом термина „прошедшее время“. Например, в гл. 15 он пишет: „... в глаголах ܕܡܪܝܢ — «смотри», ܕܝܒܝܢ — «радуйся», ܕܟܚܝܢ — «получи», ܕܝܘܢ — «зови» [в 3-м л. м. р. мн. ч.] ܕܡܪܝܢ , ܕܡܪܝܢ , ܕܡܪܝܢ , ܕܝܘܢ → ܕܡܪܝܢܝܗ , ܕܡܪܝܢܝܗ , ܕܡܪܝܢܝܗ — мы обозначаем одинаково повелительное наклонение и прошедшее время, [в то время как повелительному наклонению] должны соответствовать [формы]: ܕܡܪܝܢܝܗ , ܕܡܪܝܢܝܗ , ܕܡܪܝܢܝܗ “. Дело в том, что в сирийском глаголе субъектные показатели 3-го л. м. и ж. р. мн. ч. повел. накл. одинаковы с субъектными показателями этого же лица и числа перфекта. Стремление показать отличие повелительного наклонения, выделить его значение побудило Илью Тирханского найти и показать субъектные показатели 3-го л. м. р. мн. ч. собственно повел. накл. Он обосновывает необходимость выделения формы повелительного наклонения в 3-м л. мн. ч., принятом, по-видимому, в несторианских грамматиках, утверждением, что иначе наличие одинаковых форм в перфекте и имперфекте может привести к неправильному пониманию и переводу текста; он пишет: „Нужно знать, что к глаголам в повелительном наклонении необходимо слово (ܕܚܝܒܝܢ), вносящее индукцию (ܕܫܘܢܝܢܝܗ), т. е. пояснение, так, чтобы осветить смысл ответа“ (гл. 15).

Илья Тирханский считает, что в 3-м л. м. р. мн. ч. повел. накл. нужно присоединять местоимение 3-го л. м. р., которое произносится.⁷ Он упоминает, что сирийцы-яковиты не придерживаются этого правила. Однако, разбирая отдельные глаголы в форме повелительного наклонения, Илья Тирханский делает вывод, что присоединение местоимения 3-го л. м. р. к глаголам в повелительном наклонении в 3-м л. м. р. мн. ч. недостаточно для выделения повелительного наклонения, потому что в перфекте глагол тоже может присоединять местоимение. Он пишет: „Неправильно делают [восточные]⁸ сирийцы, которые говорят только ܕܡܪܝܢܝܗ или ܕܡܪܝܢܝܗ , если они употребляют [глагол] в повелительном наклонении. Чтобы отличить глагол, стоящий в повелительном наклонении, от [глаголов] в изъявительном, нужно говорить: ܕܡܪܝܢܝܗ , ܕܡܪܝܢܝܗ , ܕܡܪܝܢܝܗ “ (гл. 15). Следовательно, опираясь на несторианскую традицию, Илья Тирханский хочет ее развить в направлении усовершенствования выделения форм повелительного наклонения.

⁷ По-видимому, он делает эту оговорку, имея в виду конечный ܗ , в форме 2-го л. ж. р. ед. ч. перфекта, который отмечается на письме, но не произносится.

⁸ Это пояснение, сделанное Бетгеном (Syrische Grammatik, р. 25 — немецкого перевода), вполне убедительно, потому что выше мы читаем, что яковиты в форме 3-го л. м. р. в повел. накл. не присоединяют местоимение 3-го л. м. р.

Перед объектными суффиксами в 3-м л. м. р. мн. ч. перфекта обычно окончание ū, окончание же ūp (с местоимением — ,ܡܢܐܘܢ) встречается редко.

В 3-м л. м. р. мн. ч. повел. накл. местоименные суффиксы могут принимать оба окончания: ū и ūp. На основании парадигм спряжения глагола с объектными суффиксами Илья Тирханский нашел различие между перфектом и повелительным наклонением в 3-м л. м. р. мн. ч. и предложил глагол в 3-м л. м. р. мн. ч. повел. накл. постоянно писать с объектными суффиксами в его второй форме — ,ܡܢܐܘܢ. Разбирая на примере отдельных глаголов форму 3-го л. м. р. мн. ч. повел., накл.⁹ он поясняет, что для этих глаголов совпадения форм повелительного наклонения и перфекта в 3-м л. мн. ч. наблюдаются и в женском роде; поэтому для отличия формы 3-го л. мн. ч. повел. накл. может присоединяться и местоимение 3-го л. ж. р. Примеры употребления глагола 3-го л. м. р. мн. ч. повел. накл., приведенные Ильей Тирханским из священного писания, свидетельствуют об отсутствии преобладания одного из двух показателей, хотя окончание ū перед объектным местоимением — более ранняя форма, чем ūp.¹⁰ Автор хорошо знает это, но для пояснения считает необходимым писать повелительное наклонение с окончанием ūp+местоименный суффикс, так как это отличит его от 3-го л. м. р. мн. ч. перфекта. Он пишет: „Также в священном писании мы читаем: ܡܠ ܕܝܗܘܐ ,ܡܢܐܘܢ — «Прославляйте и воспевайте его», но в повелительном наклонении нужно произносить ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ, [так же как] ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ — «прославляйте его» и ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ — «освящайте его»“ (гл. 15). Но в другом месте этой же главы Илья Тирханский говорит: „... в священном писании у нас есть [форма] ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ, в Евангелии ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ — «возьмите его»“.

Авторитет текста библии в грамматическом отношении был очень высок для Ильи Тирханского, особенно в вопросах вокализации, и то, что в библии было единообразным, признавалось решающим. Например, отстаивая свое чтение глагольной формы в повелительном наклонении, Илья Тирханский ссылается для подтверждения на библию: „Один из учителей чтения читал ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ, чтобы отличить от изъявительного наклонения ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ, он должен был поэтому соответственно читать ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ. Но у пророка Исаии повелительное наклонение ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ — «утешайте», поэтому мы читаем ,ܡܢܐܘܢܐܘܢ“ (гл. 15). В заключение мы можем сказать, что вторая форма (ūp) 3-го л. м. р. мн. ч. повел. накл. с объектными суффиксами, отраженная в парадигме спряжения глагола с объект-

⁹ Конкретно эти примеры смотрите при разборе типов глаголов: правильных и неправильных, по породам.

¹⁰ См.: Nöld e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, § 159, „D“.

ными суффиксами, по свидетельству Ильи Тирханского, имеется в библии и, таким образом, не представляет ничего нового для сирийской грамматики. Илья Тирханский сам стремится это показать. Оригинальная же мысль Ильи Тирханского состоит в том, что для пояснения повелительного наклонения, форма которого в этом лице и числе одинакова с перфектом, необходимо присоединение объектного суффикса. Но в сирийском языке для форм повелительного наклонения, по-видимому, преобладает употребление без объектных суффиксов, что объясняется Илеей Тирханским рациональным развитием языка, благодаря которому язык избегает тяжести (ܕܝܘܒܐ) и долготы (ܕܝܘܒܐܐ), стремится к простоте и легкости, которая достигается усечением удлинненных форм. „Для того, — пишет наш автор, — чтобы не удлинять глагол, сирийские грамматики предоставили понимать, обозначает ли глагол прошедшее время или стоит в повелительном наклонении, из [общей] связи предложения и из того, что присоединено в начале, а что в конце“ (гл. 15).

Породы

Илья Тирханский дает сведения о спряжении различных глаголов правильных и неправильных, в следующих породах: Peal, Ethpeel, Pael, Ethpaal и Aphel. Признаки, определяющие породу и образующие ее, — именно префиксы или превербы (ܐ, ܕܐ) — Илья Тирханский соединяет в группу букв ܕܘܒܐܐ, которые называет активными.¹¹

Говоря о породе глагола, Илья Тирханский называет ее формой (ܕܘܒܐܐ). Например, он пишет: „Каждый глагол в изъявительном наклонении, который имеет эту форму, например: ܕܘܒܐܐ — «Он отправил прочь», ܕܘܒܐܐ — «Он разгневал», ܕܘܒܐܐ — «Он сделал», ܕܘܒܐܐ — «Он родил», в повелительном наклонении имеет ту же самую [форму], но с ударением, которое мы ставим над ܕܘܒܐܐ [например, в слове] ܕܘܒܐܐ — «Он родил»“ (гл. 25). Приведенные в цитате примеры глаголов в породе Aphel, в которой 3-е л. м. р. ед. ч. перфекта одинаково по форме с повелительным наклонением в этом же лице и числе.

Все породы, кроме Etpahal, представлены в парадигмах спряжения глагола, состоящего из трех согласных и называемого обычно правильным. По парадигме правильного глагола можно видеть, какие вопросы в системе глагола вызвали интерес Ильи Тирханского. Особенности спряжения неправильных глаголов отмечаются автором в каждом отдельном глаголе.

а) Peal. В гл. 23 Илья Тирханский пишет о том, что форма глагола в женском роде множественного числа, так же как в мужском роде единственного числа, не одинакова в изъявительном и повелительном наклонениях. Приводятся следующие примеры: ܕܘܒܐܐ — „он сделал“ —

¹¹ См. выше, стр. 24.

в изъявительном, и $\overset{\epsilon}{\text{حَبِّه}}$ — „сделай“ — в повелительном наклонениях в мужском роде единственного числа. Для женского рода приведены следующие примеры: حَبِّهِنَّ — „Сделали женщины“ и حَبِّهِنَّ — „Сделайте, девушки“. Когда Илья Тирханский отмечает одинаковость форм изъявительного и повелительного наклонений и стремится их дифференцировать, он имеет в виду субъектные показатели. В данной главе речь идет о различии форм изъявительного и повелительного наклонений, благодаря неодинаковой гласной над второй коренной.

Как известно,¹² в породе Peal в переходных глаголах гласная второй коренной в перфекте — а, в имперфекте и повелительном наклонении и или е. Глагол حَبِّه , приведенный Ильей Тирханским в качестве примера, — переходный глагол в породе Peal 3-го л. м. р. ед. ч. перфекта, т. е. прошедшего времени, что для нашего автора идентично изъявительному наклонению, а $\overset{\epsilon}{\text{حَبِّه}}$ — форма повелительного наклонения этой породы 3-го л. м. р. ед. ч. Для мужского рода Илья Тирханский берет глагол в 3-м л. ед. ч., т. е. без субъектных показателей, что особенно подчеркивает суть различия между двумя наклонениями, которое хотел показать Илья Тирханский. Для женского рода принципиальным отличием этих двух наклонений в породе Peal также является гласная над второй коренной: „а“ в изъявительном и „е“ в повелительном. Илья Тирханский взял для сравнения формы, разные по субъектным показателям, по-видимому для того, чтобы подчеркнуть, что $\overset{\gamma}{\text{حَبِّه}}$ — форма 3-го л. ж. р. мн. ч. только перфекта, две другие формы которого по субъектным показателям: $\overset{\gamma}{\text{حَبِّه}}$ и $\overset{\gamma}{\text{حَبِّهِنَّ}}$ — одинаковы с формами повелительного наклонения. Илья Тирханский хотел, таким образом, для женского рода выявить различие изъявительного и повелительного наклонений Peal и по гласной над второй коренной, и по субъектным показателям, но форма $\overset{\epsilon}{\text{حَبِّهِنَّ}}$ характерна для повелительного наклонения только гласной е.

Таким образом, излагая отличие форм глагола в 3-м л. м. и ж. р. ед. и мн. ч. в изъявительном и повелительном наклонениях, Илья Тирханский дает особенности спряжения глаголов в породе Peal.

В гл. 15 Илья Тирханский приводит формы повелительного наклонения. Он пишет: „Следует знать, что глагол в повелительном наклонении имеет много форм по своему произношению“. Далее следуют примеры. Фактически здесь даны формы повелительного наклонения неправильных глаголов, имеющих свои особенности, вперемежку с формами правильных глаголов в разных породах. Под рубрикой „7-я форма“ произношения повелительного наклонения Илья Тирханский приводит глаголы в породе Peal: „Седьмая [форма]: [глаголы] سَمِّهِنَّ — «скажи»,

¹² См.: Nöld e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, § 160, p. 102.

𐤏𐤓𐤓 — «уходи», 𐤇𐤁 — «сделай», 𐤏𐤓𐤓 — «полюби», 𐤏𐤓𐤓 — «попробуй», 𐤏𐤓𐤓 — «неси», 𐤏𐤓𐤓 — «оставь», 𐤏𐤓𐤓 — «купи», — все одинаковым образом присоединяют [местоименный суффикс] 3-го л.: 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓. Так же присоединяется соответствующий 𐤏𐤓: 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓». (гл. 15).

Интересен подбор глаголов в приведенных примерах. Во-первых, основная гласная и в повелительном наклонении переходных глаголов характерна только для Real: 𐤏𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓. Во-вторых, приведены те два единственные глагола: 𐤏𐤓^у и 𐤏𐤓^а, которые в имперфекте и повелительном наклонении Real имеют е в качестве основной гласной. В-третьих, глаголы 𐤏𐤓^у, 𐤏𐤓^у, 𐤏𐤓^у имеют а в качестве основной гласной благодаря тому, что вторая коренная в этих глаголах гортанная.¹³ Кроме того, следует отметить, что гласная *ū* над первой коренной, появляющаяся во множественном числе мужского рода повелительного наклонения с объектными суффиксами (𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓, 𐤏𐤓𐤓𐤓), является особенностью породы Real для глаголов, которые в имперфекте и повелительном наклонении имеют а или е.¹⁴ Таким образом, перечень глаголов одной „формы“ произношения повелительного наклонения дает нам особенности породы Real в повелительном наклонении и показывает, насколько экономично построил Илья Тирханский свою грамматику и как много он имеет в виду в простом подборе примеров. В гл. 5 Илья Тирханский приводит в породе Real две параллельные формы 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта — 𐤏𐤓𐤓 и 𐤏𐤓 в качестве примеров усечения в этом лице, роде и числе. Форму 𐤏𐤓𐤓 он считает полной, а 𐤏𐤓 — усеченной, краткой. По тексту главы не вытекает, какая форма более древняя. Илья Тирханский отмечает эти две параллельные формы только как факт наличия явления усечения в этом роде, лице, числе. Нельдеке¹⁵ считает краткое окончание более древним по происхождению. Для породы Real Илья Тирханский дает еще форму глагола в 1-м л. ед. ч. имперфекта (𐤏𐤓𐤓) 𐤏𐤓, отмечая, что 1-е лицо образуется присоединением к корню префикса е (гл. 5).

Автор исследуемой грамматики отмечает также особенности глаголов с 𐤏𐤓𐤓 в этой породе. Он пишет: „Знай, что в каждом глаголе, в начале которого одна из активных букв (𐤏𐤓𐤓𐤓 𐤏𐤓𐤓𐤓) 𐤏𐤓 и они огласованы, [как в глаголах]: 𐤏𐤓 — «Я хочу», 𐤏𐤓 — «Я сделаю», 𐤏𐤓 — «Я приведу в порядок», 𐤏𐤓 — «Я буду преследовать»,

¹³ См. ниже, раздел „Глаголы с гортанными и *ī*“.

¹⁴ Nöldeke. Kurzgefasste syrische Grammatik, § 190, „D“, p. 135.

¹⁵ Там же, § 159, „D“.

ܐܘܢܝܢ — «Я женюсь», ܐܘܢܝܢ — «Я сравню» и в подобных им, третья согласная, как правило, произносится твердо“ (гл. 30). Буквы ܐ, ܐ, ܐ, ܐ являются вторыми коренными буквами в глаголах ܐܘܢܝܢ, ܐܘܢܝܢ, ܐܘܢܝܢ в форме 1-го л. имперфекта Real, с префиксом е. Илья Тирханский называет их третьими буквами, считая по направлению чтения сирийского слова. Известно,¹⁶ что буквы ܐܘܢܝܢ в качестве 2-й коренной глаголов в имперфекте и инфинитиве произносятся твердо. Префиксальные буквы ܐܘܢܝܢ, называемые Ильей Тирханским активными, не влияют, конечно, на твердое или мягкое произношение букв ܐܘܢܝܢ, автор привлек их для определения форм имперфекта и инфинитива. В этой же главе Илья Тирханский специально оговаривает значение букв ܐܘܢܝܢ. Он пишет: „Знай, о господин мой, что каждый глагол из трех букв, одна из которых ܐܘܢܝܢ, не произносится ни мягко, ни твердо“

(гл. 30), т. е. наш автор совершенно ясно представляет себе их конкретное значение при спряжении глагола в имперфекте и образовании инфинитива (ܐܘܢܝܢ — префиксы, определяющие лицо глагола, ܐ — префикс, образующий инфинитив). Подводя итоги данных Ильи Тирханского о породе Real, можно сказать, что основные моменты, характеризующие особенности глаголов в этой породе, отмечены, а именно: основные гласные переходных глаголов в перфекте, повелительном наклонении (отсюда и в имперфекте); основная гласная этой породы для глаголов с гортанными; особенности глаголов, которые в имперфекте и повелительном наклонении в качестве основной гласной имеют а или е во множественном числе мужского рода повелительного наклонения; произношение глаголов, имеющих в качестве второй коренной одну из букв ܐܘܢܝܢ (в 1-м л. ед. ч. имперфекта), а также определены субъектные показатели 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта и 1-го л. ед. ч. имперфекта в этой породе.

б) Ethreel. Для этой породы Илья Тирханский отмечает известную¹⁷ перестановку в повелительном наклонении гласной со второй коренной на первую и изменение ее с е на а. Он пишет: „Да будет тебе известно, что каждый глагол, который произносится с ܐܘܢܝܢ внизу в изъявительном наклонении, в форме повелительного наклонения изменяет [гласную] на ܐܘܢܝܢ, например: ܐܘܢܝܢ — «Он отдыхает», ܐܘܢܝܢ — «отдыхай», ܐܘܢܝܢ — «Он согнулся», ܐܘܢܝܢ — «сгибайся», ܐܘܢܝܢ — «Он был посажен», ܐܘܢܝܢ — «садись», ܐܘܢܝܢ — «Он наклонился», ܐܘܢܝܢ — «наклонись», ܐܘܢܝܢ — «он доверился», ܐܘܢܝܢ — «доверься», и остальные, подобные этим“ (гл. 24).

¹⁶ Там же, § 161, стр. 103.

¹⁷ Там же, § 162, стр. 103.

Это правило Илья Тирханский подтверждает примерами из библии, чтение которых закреплено традицией. Примеры следующие: $\text{קָרַע מִן הַשָּׁמַיִם}$ — „Отряси с себя прах“ (Исайя 52, 2), אֶפְרָתָא — „опояшься“ (Деяния апостолов 12, 8), и др.

в) Ра е I. Илья Тирханский излагает особенности породы Ра е I в сопоставлении с Ре а I, он отмечает, что в породе Ра е I нет различия форм изъявительного и повелительного наклонений по гласной над второй коренной, как в Ре а I. Отмечая гласную а над второй коренной для перфекта Ре а I и гласную е над второй коренной для повелительного наклонения Ре а I, Илья Тирханский приводит примеры глаголов в породе Ра е I (в 3-м л. м. р. ед. ч.) и указывает, что формы этих глаголов в перфекте и повелительном наклонении одинаковы. Для изъявительного наклонения примеры следующие: $\text{כִּי יִשְׁבַּח אֱלֹהֵינוּ}$ — „тот, который освятил бога“, $\text{כִּי יִשְׁבַּח אֱלֹהֵינוּ}$ — „Прославил Самуил господа“. Для того чтобы в предложении с глаголом породы Ра е I в повелительном наклонении было бы ясно его значение, Илья Тирханский предлагает построить предложения со звательной частицей אֵלֶּיךָ : $\text{אֵלֶּיךָ כִּי יִשְׁבַּח אֱלֹהֵינוּ}$ — „О, человек, прославь Христа, благослови господа“. Понятно, что в конструкцию звательного предложения не могут войти все глаголы повелительного наклонения в породе Ра е I, для оформления и определения глагола в повелительном наклонении конструкция звательного предложения является частным случаем, одинаково присущим глаголам во всех породах. Интересные суждения Илья Тирханский высказывает о субъектных показателях 3-го л. ж. р. мн. ч. на примерах глаголов в породе Ра е I. Здесь нам приходится говорить о субъектных показателях в различных временах и наклонениях. Дело в том, что грамматические явления, которые Илья Тирханский считает общими для системы сирийского глагола, — например явление усечения, сходство и различие форм изъявительного и повелительного наклонений, — он разбирает на примерах глаголов во всех породах. Поскольку каждая глагольная порода имеет особенности спряжения, хотя субъектные показатели во всех породах одинаковы, Илья Тирханский, подробно разбирая названные выше проблемы, стремится, по-видимому, внушить своему читателю, что эти грамматические явления общи для всех глаголов в любой породе. Особенности спряжения глагола в породе Ра е I, указываемые Ильей Тирханским, переплетаются с трактовкой общих грамматических явлений.

В гл. 23 для 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта Ра е I Илья Тирханский отмечает как основную форму כִּי יִשְׁבַּח , כִּי יִשְׁבַּח , а для того же лица и числа повелительного наклонения — כִּי יִשְׁבַּח , כִּי יִשְׁבַּח . Он утверждает, что: „В изъявительном наклонении [имеются] две формы, а в повелительном наклонении одна

форма, и достаточно". Следовательно, из последовательности его рассуждений можно заключить, что две формы изъявительного наклонения — это **ܘܠܗܘ** и **ܘܠܗܘܢ**, одна форма повелительного наклонения —

ܘܠܗܘܢ. Но следует заметить, что субъектный показатель **ܐ** относится также к формам перфекта в этом лице и числе, а объектные суффиксы могут присоединяться также к глаголам в повелительном наклонении, и Илья Тирханский сам, главным образом в гл. 15, на примере различных типов глаголов и различных пород стремится показать, что к форме множественного числа мужского рода собственно повелительного наклонения с удлинненным окончанием **ܘܢ** присоединяется объектный суффикс. Илья Тирханский пишет о так называемой 5-й форме произношения глаголов в повелительном наклонении, которая включает глаголы в породе **Pael**, что множественному числу в мужском роде соответствуют формы **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ**, **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ**, а не **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ** или же **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ**. Он указывает, что то же характерно для женского рода множественного числа повелительного наклонения. Правда, примеров глаголов в 3-м л. ж. р. мн. ч. повел. накл. с объектными суффиксами Илья Тирханский не дает. Повидимому, для женского рода множественного числа повелительного наклонения более обычной формой Илья Тирханский считает все же форму **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ**, т. е. без объектных суффиксов. Может быть, при объяснении такого противоречия нашего автора следует исходить не из его грамматических суждений, а из мировоззрения эпохи, в которой он жил.

Глагол в форме повелительного наклонения с объектным суффиксом действительно выступает в более акцентированной форме, с большим активным значением. Понятия женского и мужского рода являлись, повидимому, менее отвлеченными, чем в наше время, и женский род ассоциировался у Ильи Тирханского с женщинами, которые не играли в то время активной роли в жизни общества. Одинаковость глагольных форм 3-го л. ж. р. мн. ч. в перфекте (**ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ**) с 3-м л. м. р. ед. ч. Илья Тирханский объясняет именно ничтожностью женского рода (женщин) по сравнению с мужским родом (мужчинами). Он пишет: „Глагол в единственном числе мужского рода может обозначать множественное число женского рода, например: **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ** — «Услышали женщины», **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ** — «Говорили женщины», **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ** — «И почтили (женщины)». Нам не требуется [буква] **ܘܢ** [в конце глаголов во множественном числе 3-го л. ж. р.], как пишут другие, [мы пишем] **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ** [без **ܘܢ**] из-за ничтожного значения женского рода“ (гл. 25).

В то же время наш автор отмечает, что собственно форма 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта с субъектным показателем **ܐܢܝܢ**, а глагол в этом лице и числе без субъектного показателя, как вышеприведенное **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ**, является его краткой формой. Он пишет: „у [сирийцев] есть специальная форма [для 3-го л. ж. р. мн. ч.]: **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ** — «Они сделали», **ܘܠܗܘܢܝܘܒܝܘܬܝܘܢ** —

«Они слушали». Кратко мы говорим **ܘܚܝܒܘ**, **ܘܚܝܒܘ** (гл. 25). Форму 3-го л. ж. р. мн. ч.: **ܘܚܝܒܘ** Илья Тирханский считает полученной в результате усечения удлиненной. Он пишет: „[Усечение] происходит еще у глаголов в прошедшем времени... во всех глаголах множественного числа женского рода изъявительного наклонения: ... **ܘܚܝܒܘ** и **ܘܚܝܒܘ**“ (гл. 5). Следует заметить, что явление усечения автор грамматики указывает также для глаголов в 3-м л. м. р. мн. ч. изъяв. и повел. накл., например форму **ܘܚܝܒܘ** он считает полученной в результате усечения формы **ܘܚܝܒܘ**. Для 3-го л. ж. р. мн. ч. форму **ܘܚܝܒܘ** в породе Pael Илья Тирханский считает краткой, форму **ܘܚܝܒܘ** — появившейся в результате усечения удлиненной формы **ܘܚܝܒܘ**.

Таким образом, мы видим, что Илья Тирханский отчетливо представляет себе соотношение параллельных форм глагола 3-го л. ж. р. мн. ч., и его рассуждения о ничтожности женского рода по сравнению с мужским не вытекают, разумеется, из грамматических явлений.

Выше мы излагали положение автора грамматики, высказанное им в гл. 23, о том, что для 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта существуют две формы — **ܘܚܝܒܘ** и **ܘܚܝܒܘ**, а в повелительном наклонении этого же лица и числа одна форма — **ܘܚܝܒܘ**. В гл. 25, как уже было сказано, Илья Тирханский „специальной“ формой глагола в 3-м л. ж. р. мн. ч. считает глагол с окончанием **ܘܚܝܒܘ** (ܘܚܝܒܘ).

В своей попытке разграничить сходные формы изъявительного и повелительного наклонений при помощи выражения глаголов в повелительном наклонении с объектными суффиксами Илья Тирханский не смог указать на это отличие и для глаголов женского рода в силу „ничтожности“ женского рода по сравнению с мужским и потому пытался „закрепить“ за глаголом в форме повелительного наклонения в женском роде одну из форм — с окончанием **ܘܚܝܒܘ**. Но фактическое наличие в сирийском языке этой формы и в перфекте, и в повелительном наклонении не могло быть обойдено молчанием, в результате чего в гл. 25 Илья Тирханский все же пишет, что окончание **ܘܚܝܒܘ** — „специальная“ форма 3-го л. ж. р. мн. ч. перфекта. Так грамматическая система языка, соприкасаясь с мировоззрением эпохи, не укладывается в рамки теорий, полученных в результате логических размышлений, а не наблюдений действительного состояния языка.

г) Ethpaal. Как известно, в породе Ethpaal гласные в изъявительном и повелительном наклонениях одинаковы. Илья Тирханский отмечает это, сопоставляя глаголы в Ethpaal с формами глаголов в Ethpeel. Он пишет: „Те глаголы, которые произносятся не с **ܘܚܝܒܘ**, в изъявительном и повелительном наклонениях читаются одинаково, например: **ܘܚܝܒܘ** — «Он изменился», **ܘܚܝܒܘ** — «Он был несчастным», **ܘܚܝܒܘ** — «Он наслаждался», **ܘܚܝܒܘ** — «Он томился», **ܘܚܝܒܘ** — «Он намазал ровно», **ܘܚܝܒܘ** — «Он жадно захватил» (гл. 24).

д) Aphel. В пятой, последней породе сирийского глагола, о которой имеются сведения у Илья Тирханского, отмечается ее характерная особенность: префикс א — и излагается образование 3-го л. м. р. ед. ч. буд. вр., т. е. имперфекта, и форм глагола в настоящем времени, т. е. причастий действительного залога мужского рода. Продолжая мысль (в гл. 5), что в будущем времени глаголы, которые имеют в начале א, א, א, подвергаются усечению, Илья Тирханский перечисляет, когда именно эти буквы претерпевают усечение. Одновременно с неправильными глаголами он называет правильные в породе Aphel, указывая, например, что в форме אִיר (3-го л. м. р. ед. ч. перфекта) в будущем времени выпадает א (= а) (при образовании 3-го л. м. р. ед. ч. буд. вр., т. е. имперфекта) или, как он пишет, א подвергается усечению и получается אִי (присоединяется префикс א). В этой же главе Илья Тирханский пишет про образование причастий в породе Aphel, называя их глаголами настоящего времени, именно: „Знай, что усечение является обычным для гласных букв и больше относится к глаголам в настоящем времени (אִיר אִיר). Например [в глаголах] אִיר — «он бросил», אִיר — «он сделал» и אִיר — «он велел освободить» [усекается א при образовании причастий действительного залога] — אִיר — «бросающий», אִיר — «делающий» и אִיר — «освобождающий». Это первый вид усечения — уничтожение буквы“.

Выпадение придыхательного звука א при присоединении префикса א Илья Тирханский называет „уничтожением буквы“. Его термин очень ясно показывает, что буква א выпадает, т. е. уничтожается. Замечание об усечении א в формах настоящего времени фактически дает представление об образовании причастия в породе Aphel.

Формы глаголов единственного и множественного числа повелительного наклонения Илья Тирханский разбирает и в породе Aphel. Он указывает совпадение глаголов в 3-м л. ед. ч. м. р. изъяв. и повел. накл. по форме, но отмечает, что в повелительном наклонении глаголы породы Aphel имеют над א ударение אִיר, которое никогда не ставится в изъявительном наклонении (гл. 25). Графически это ударение в приведенных примерах никак не обозначено. Глаголы множественного числа повелительного наклонения породы Aphel Илья Тирханский дает с объектными местоимениями 3-го л. м. и ж. р., так же как в других породах. Например: אִיר אִיר и אִיר אִיר (гл. 15).

Глаголы с гортанными א и א

В гл. 24 Илья Тирханский выделяет группу глаголов с третьей гортанной א и א. Известно,¹⁸ что гортанные (א, א, א) и א в качестве третьей коренной, замыкая слог, изменяют гласную е в а. Таким обра-

¹⁸ Там же, § 170; Brockelmann. Syrische Grammatik, § 186.

зом, в глаголах с третьей гортанной или **ġ** в Ethpeel и Ethpaal гласная над второй коренной будет а, то же и в повелительном наклонении Ethpeel. Автор исследуемой грамматики, рассматривая и сопоставляя глаголы в породах Ethpeel и Ethpaal, предостерегает от применения правил, относящихся к этим породам, к глаголам, имеющим в качестве третьей коренной гортанную или **ġ**. Он пишет: „эти буквы [سحی — по приведенным примерам глаголов] не примыкают к остальным, потому что, когда они стоят в конце глаголов, согласная, которая предшествует им, не может произноситься с سحی. Поэтому мы не говорим سحی, سحی, سحی и изменяем [гласную] в повелительном наклонении: سحی — «будь выслушанным», سحی — «будь дрожащим», سحی — «будь радостным»“ (гл. 24). В последующей, 26-й главе Илья Тирханский уточняет группу букв, которые он называет гортанными, и перечисляет их, именно: سحی;¹⁹ шире разъясняет вопрос о глаголах, имеющих в качестве третьей гортанной одну из этих букв. Группу этих глаголов, по сообщению Ильи Тирханского, выделял еще Хонейн [ибн Исхак], отмечая их особенности главным образом в формах, выражающих настоящее время. Формой глагола в настоящем времени наш автор, как об этом писалось выше, считает причастие; следовательно, Хонейн ибн Исхак отмечал особенности чтения этих глаголов в причастиях. Иаков Эдесский, как сообщает Илья Тирханский, рассматривал особенности этих глаголов не только в причастиях, но и в других формах, но только активного залога. Илья Тирханский считает, что в любой форме глагол с таким составом корня перед سحی обязательно будет иметь гласную а. Он пишет: „Я добавляю, что это правило относится к каждому глаголу, обозначающему действие, как бы он ни произносился, например: سحی — «Он удивился», سحی — «удивляющий», سحی — «Он открыл», سحی — «открывающий», سحی — «Он слышал», سحی — «слышащий», سحی — «Он сделал», سحی — «делающий»,²⁰ и ко всем словам, которые обозначают пассивность (سحی), какие бы формы они ни имели, например: سحی — «удивленный», سحی — «раскрытый», سحی — «выслушанный», سحی — «обрадованный», سحی — «названный»“ (гл. 26). Как можно судить по примерам, он берет глаголы в породе Pael (в перфекте) и причастия Pael и Ethpaal. В гл. 24 Илья Тирханский выяснил гласные в глаголах с третьей гортанной или **ġ** в породе Ethpeel (в перфекте). Он распространяет правило относительно чтения слов с буквами سحی также и на имена, но примеров на это нет. Илья Тирханский рассматривает группу глаголов с гортанными и **ġ**

¹⁹ Буква **ġ** не является гортанной. См. об этом выше, стр. 22.

²⁰ Два последних примера сюда не относятся.

в связи с решением вопроса о совпадении и различии форм изъявительного и повелительного наклонений. Главу 26 он начинает так: „Почему, когда в конце глаголов [стоят] четыре согласные, именно ܐܝܢܐ , над предшествующими согласными, связанными с ними, нет ܐܝܢܐ или ܐܝܢܐ , например: [в глаголах] ܚܒܝ — «Он прошел», ܚܒܝܢ — «Он сказал», ܚܒܝܢܐ — «Он обрадовался», ܚܒܝܢܐ — «Он услышал», ܚܒܝܢܐ — «Он оцепенел», из-за чего во многих случаях необходимость вынудила сирийцев читать иногда одинаково глаголы в прошедшем времени и в повелительном наклонении“.

Действительно, как отмечал Илья Тирханский в гл. 23, в тех породах, например в Ethreel, в которых изъявительное и повелительное наклонения различаются по гласной над второй коренной, в глаголах с третьей гортанной или ܝ различия уже не будет. Разрешению вопроса сходства и различия форм изъявительного и повелительного наклонений мы обязаны выделением группы глаголов с третьей коренной гортанной или ܝ .

Неправильные глаголы

Глаголы с третьим ܐ

Илья Тирханский выделяет очень немногочисленную группу глаголов с третьим ܐ , который в Pael и Ethraal функционирует еще как гортанный. Это единичные глаголы, такие, как ܐܚܝܒ , ܐܚܝܒ . Он приводит их в форме повелительного наклонения как примеры восьмой формы произношения повелительного наклонения: „Восьмая [форма]: ܐܚܝܒ — «пачкай», ܐܚܝܒ — «утешь», ܐܚܝܒܐ , ܐܚܝܒܐ , ܐܚܝܒܐܐ , ܐܚܝܒܐܐ , и нужно еще читать ܐܚܝܒܐܐ и ܐܚܝܒܐܐ , потому что первые [формы] одинаковы и в изъявительном (ܐܚܝܒܐܐܐ) и в повелительном (ܐܚܝܒܐܐܐ) наклонениях“ (гл. 15).

Илья Тирханский предлагает читать эти глаголы в изъявительном и повелительном наклонениях одинаково с гласной а — петаха над первой и второй коренной и возражает против некоего учителя чтения, который читал глагол в повелительном наклонении ܐܚܝܒܐܐ — с ܐ над ܐ , чтобы отличить эту форму от изъявительного наклонения. Опираясь на Библию (книгу пророка Исайи), в которой есть форма повелительного наклонения ܐܚܝܒܐܐ , Илья Тирханский по аналогии и форму повелительного наклонения от глагола ܐܚܝܒܐܐ предлагает читать ܐܚܝܒܐܐ . Сам же он считает нужным для отличия изъявительного наклонения от повелительного читать эти глаголы в повелительном наклонении ܐܚܝܒܐܐ и ܐܚܝܒܐܐ . Возражения Ильи Тирханского некоему учи-

телю чтения закономерны. Для этих глаголов не характерны этимологические написания отдельных форм, кроме того, почти все глаголы с третьим $\aleph$, первоначально спрягавшиеся по типу глаголов с третьим гортанным $\aleph$, сливаются по своему спряжению с глаголами с третьим $\aleph$; поэтому встречаются некоторые формы глаголов с третьим $\aleph$ в качестве гортанного звука, образованные по аналогии с формами глаголов с третьим $\aleph$.

На фоне картины слияния спряжения глаголов с третьим $\aleph$ и с третьим $\aleph$, выделение Ильей Тирханским небольшой группы глаголов, сохранивших спряжение с третьим $\aleph$ в качестве гортанной, имеет большое значение для характеристики грамматика, показывает глубину знаний и скрупулезность ученого.

Глаголы с первыми $\aleph$, $\aleph$, $\aleph$

Илья Тирханский объединяет в гл. 5 глаголы с первыми $\aleph$, $\aleph$, $\aleph$ по общему признаку усечения этих букв в известных формах.

Глаголы с первым $\aleph$

Основное отличие глаголов с первым $\aleph$ от правильных глаголов состоит в том, что $\aleph$ ассимилируется со второй коренной в несовершенном времени *Peal*, а также и *Ettaphal*. Илья Тирханский в качестве примера усечения $\aleph$ в этих глаголах дает глаголы в 3-м л. м. р. ед. ч. несов. вр. *Peal*. Он пишет, что вследствие усечения $\aleph$ в глаголах $\aleph$, $\aleph$, $\aleph$ получаются формы $\aleph$, $\aleph$, $\aleph$, т. е. он имеет в виду, что если бы $\aleph$ не ассимилировался, то в несовершенном времени эти глаголы должны были бы звучать: $\aleph$, $\aleph$, $\aleph$, поэтому формы $\aleph$, $\aleph$, $\aleph$ он считает усеченными. В данном случае он называет усечением процесс ассимиляции. Интересен подбор глаголов для примеров. $\aleph$ относится к небольшому числу глаголов, которые и в перфекте и имперфекте (так же и в повелительном наклонении) в качестве основной гласной имеют а. $\aleph$ также относится к тем немногочисленным глаголам, которые в перфекте произносятся с е над второй коренной.

$\aleph$ имеет в имперфекте (и повелительном наклонении) е над второй коренной: $\aleph$.²¹

Таким образом, за исключением глаголов, в которых в имперфекте после второй коренной идет гласная а ($\aleph$), Илья Тирханский дал в примерах основные типы этих глаголов, характеризующиеся средней гласной. Он указывает, что в повелительном наклонении в этих глаголах $\aleph$

²¹ $\aleph$ упоминается Нёльдеке в числе 4 глаголов, имеющих эту особенность. См.: Nöld e k e. Kurzgefasste Syrische Grammatik, § 173, „B“.

также сокращается и глагол имеет следующие формы: מִצַּח , צַח , צַח . В форме повелительного наклонения автор грамматики дал глагол со средней гласной a (à) — מִצַּח , соответственно и в имперфекте מִצַּחֵ . Таким образом, для представления о глаголах с первым צ мы имеем в грамматике Илья Тирханского формы в несовершенном времени Peal для всех типов по основной гласной и формы повелительного наклонения.

Глаголы с первым צ

Следуя основному признаку сходства трех групп глаголов: с первыми צ , ק , ג , заключающемуся в усечении этих начальных букв глаголов в определенных формах, Илья Тирханский дает формы глаголов с первым צ , в которых צ , по его мнению, усекается. Во-первых, в форме глагола в 1-м л. ед. ч. имперфекта Peal , именно צַחֵ , צִחֵ , צַחֵ . Действительно, субъектный показатель 1-го л. ед. ч. имперфекта — префикс צ . По мысли автора грамматики, 1-е л. глагола с первым צ , например צַחֵ , должно бы быть с двумя צ — צַצַחֵ , в форме же 1-го л. имперфекта остается один צ ; Илья Тирханский утверждает, что один צ в 1-м л. имперфекта этих глаголов усекается. Интересны сами примеры, приведенные здесь Ильей Тирханским. Глаголы צִחֵ и צַחֵ со средней гласной a . Число этих глаголов очень немногочисленно. Для них характерно то, что в несовершенном времени Peal гласная e префикса с коренным צ дает i , чтение этих примеров будет следующим:

צַחֵ , צִחֵ , צַחֵ .

Из этих глаголов צַחֵ и צִחֵ — неправильные глаголы, неправильные в том смысле, что их спряжение не входит в рамки спряжения определенных типов глаголов. Во-вторых, Илья Тирханский отмечает усечение первого коренного צ в форме 3-го л. ед. ч. м. р. повел. накл.: צַח и צִח . Эти два глагола имеют краткие формы повелительного наклонения с выпадением первого коренного צ . Подобные краткие формы повелительного наклонения не являются характерными для группы глаголов с первым צ . Следует заметить, что в гл. 15, в которой автор грамматики выделяет основные типы глаголов по форме их произношения в повелительном наклонении, нет группы глаголов, в которую входили бы только глаголы с первым צ . Глагол צַחֵ объединен с группой сильных глаголов (седьмая форма произношения), а глагол צַחֵ — с глаголом צַחֵ , оба в породе Aphel (третья форма произношения). В гл. 26 глагол צַחֵ благодаря конечному i и гласной a над средней коренной входит в группу глаголов с третьим гортанным и i . В целом ряде глав (15, 25, 26) глагол צַחֵ ставится в один ряд с сильными глаголами в формах, совпадающих с формами правильного глагола. Можно думать, что Илья Тирханский не задавался широкой целью ха-

характеристики группы глаголов с первым $\aleph$. Как мы видели, он отмечал в основном только особенности некоторых глаголов с первым $\aleph$, имеющих практически индивидуальное спряжение.

Глаголы с первым ,

Илья Тирханский указывает, что эти глаголы, во-первых, теряют первый коренной , в будущем времени (т. е. в имперфекте), в 3-м л. ед. ч. (м. р.) и в 1-м л. мн. ч.; например: $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$, $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$, $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$, $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$; во-вторых — в форме повелительного наклонения (мужского рода единственного числа); например: $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$, $\text{ܘܢܝܢ} \rightarrow \text{ܘܢܝܢ}$.

Примеры глаголов, приведенные нашим автором, наиболее часты для этой группы. Других особенностей спряжения этой группы глаголов он не отмечает.

Рассмотрев сведения, имеющиеся в исследуемой грамматике о глаголах с первыми $\aleph$, $\aleph$, $\aleph$, можно сделать вывод, что Илья Тирханский не ставил себе задачи характеризовать каждую группу этих глаголов в отдельности. Он объединяет их в одну группу по сходству образования форм в имперфекте и повелительном наклонении, которые отмечает, правда не детально, но, по его мнению, вполне достаточно для ознакомления с этой группой глаголов.

Действительно, многие формы²² этих глаголов образуются по типу образования соответствующих форм сильного глагола. В самой группе этих глаголов есть другие сходные по образованию формы, не упомянутые Ильей Тирханским. Все это, по мнению нашего автора, объединяет глаголы с первыми $\aleph$, $\aleph$, $\aleph$ в одну группу.

Глаголы с третьим ,

Эту группу глаголов Илья Тирханский также особо выделяет в гл. 15 как девятую форму произношения повелительного наклонения. Это „выделение“ заключается в том, что перечисляются примеры глаголов с третьим , в форме повелительного наклонения множественного числа. В грамматике имеются отдельные указания об особенностях спряжения группы глаголов с третьим ,. Эти указания представляются очень интересными, так как особенности спряжения глаголов с третьим , наиболее сильно по сравнению с остальными неправильными глаголами отличаются их от правильных.

Илья Тирханский отмечает различие субъектных показателей 1-го л. ед. ч. перфекта и для глаголов этой группы в зависимости от породы, именно *Peal* и *Aphel*. Он пишет: „Почему мы снимаем , в глаголах 1-го л., если в конце глаголов стоит $\aleph$, например: ܘܢܝܢ — «Он считал»,

²² Nöld e k e. Kurzgefasste syrische Grammatik, §§ 173—175.

קָטַע — «Он тянул» или קָטַ — «Он видел»? — Для того, чтобы было отличие от глаголов, которые имеют на конце , , например: חָצַע — «Я освободил», חָצַעַת — «Я бросил», חָצַעַת — «Я принес». В глаголах חָצַע, חָצַעַת мы присоединяем , взамен гласной ק, [так как] קָטַע или קָטַעַת есть полугласная“ (гл. 25).

По написанию или составу букв личное окончание 1-го л. и в Peal (חָצַעַת, חָצַעַת), и в Aphel (חָצַעַת, חָצַעַת, חָצַעַת) одно и то же: חָ — чтение же различно: חָצַעַת, חָצַעַת (Peal) и חָצַעַת, חָצַעַת, חָצַעַת (Aphel).

В 1-м л. Peal , с гласной е образует дифтонг еі, поэтому Илья Тирханский называет его ослабленным, а сам процесс образования 1-го л. в глаголах с третьим , (в породе Peal) — ослаблением конечного , . В породе Aphel конечный , подавляет гласную е, и в 1-м л. ед. ч. образуется долгая гласная і (חָ). Когда автор грамматики пишет, что , ослабляется в глаголах קָטַע и других (т. е. в Peal) для того, „чтобы было отличие от глаголов, которые имеют на конце ,“, он хочет подчеркнуть именно различие образования 1-го л. ед. ч. перфекта в зависимости от породы. Образование 1-го л. мн. ч. перфекта в глаголах с третьим , происходит иначе, чем в правильных глаголах. Во-первых, глаголы с третьим , принимают только один из двух субъектных показателей 1-го л. мн. ч. — — , который с коренным , образует долгий слог ip во всех породах, кроме Peal. Илья Тирханский, указывая образование 1-го л. мн. ч. в этих глаголах, отмечает появление , в окончании 1-го л. в отличие от правильного глагола. Он не употребляет названия пород, не называет, в форме какого лица стоит глагол, а дает глагольную форму описательно, следующим образом: „Когда חָצַעַת в начале слова, а за ним согласная, не имеющая гласной, слово произносится с חָצַעַת, например: חָצַעַת — «Мы умножили», חָצַעַת — «Мы открыли», חָצַעַת חָצַעַת — «Мы выбрали», חָצַעַת — «Мы отказали», חָצַעַת — «Мы выпили», חָצַעַת — «Мы отвернулись», חָצַעַת — «Мы отстранились» (гл. 30). Приведенные примеры — глаголы с третьим , в 1-м л. мн. ч. в породах Ethpeel, Ethpaal и Aphel. Для глаголов с третьим , Илья Тирханский отмечает в образовании 3-го л. м. р. мн. ч. перфекта дифтонг āu в отличие от правильного глагола, в котором показатель 3-го л. м. р. мн. ч. — ū в открытом слог. Он пишет: „[В глаголах] חָצַעַת — «Он считал», חָצַעַת — «Он развязал», חָצַעַת — «Он видел», חָ — ясный слог, не такой, как в остальных глаголах ... Мы произносим [глаголы] חָצַעַת — חָצַעַת, חָצַעַת, в единственном числе — חָצַעַת, חָצַעַת, чтобы отличить эти глаголы, которые следуют с חָצַעַת, от других, которые следуют с остальными буквами“ (гл. 25). Ясно произносимыми слогами

Илья Тирханский считал, по-видимому, дифтонги и закрытые слоги, а открытые слоги — не ясно произносимыми. Так, в правильном глаголе 3-го л. мн. ч. м. р. ܘܒܘܠܝܢ — „Они делали“ он считает ܘ неясным, а в закрытом слоге — ܘܒܘܠܝܢ — ясным. В парадигме спряжения глаголов с третьим ܘ , в 3-м л. м. р. мн. ч. на второй коренной гласная ܘ (ܘܒܘܠܝܢ), а не ܘܐ (ܘܐܒܘܠܝܢ), т. е. должно быть ܘܘܘ , ܘܘܘ . По-видимому, автор грамматики считает нужным ставить здесь долгую гласную потому, что в единственном числе — окончание ܘܐ (ܘܐܝܘܢ , ܘܐܝܘܢ), которое в соединении с окончанием множественного числа ܘܐ должно давать, по мнению Ильи Тирханского, окончание ܘܐܘ . У Нельдеке отмечены удлиненные формы 3-го л. м. р. мн. ч. перфекта для глаголов с третьим ܘ , например: ܘܒܘܠܝܢܝܘܐ , ܘܒܘܠܝܢܝܘܐ , ܘܒܘܠܝܢܝܘܐ . Илье Тирханскому, конечно, были известны эти формы, и поэтому он мог считать закономерным ܘܐܘ , т. е. дифтонг с долгой гласной ܘܐ , а не с короткой. На основании совпадения в правильном глаголе форм 3-го л. м. р. ед. ч. и 3-го л. ж. р. мн. ч. по субъектным показателям автор грамматики сделал заключение о том, что любой глагол мужского рода единственного числа может обозначать женский род множественного числа. Делая этот вывод, он не оговаривал, для каких групп глаголов это правило является закономерным.

В глаголах с третьим ܘ , нет совпадения форм в 3-м л. м. р. ед. ч. и 3-м л. ж. р. мн. ч., они различны по субъектным показателям. 3-е л. м. р. ед. ч. имеет нулевое окончание, а 3-е л. ж. р. мн. ч. — дифтонг ܘܐ , в удлиненных формах окончания ܘܐܝܘܢ и ܘܐܝܘܢ . Поэтому вслед за выводом Илья Тирханский делает исключение для глаголов с третьим ܘ ; он пишет: „Глаголы, которые имеют на конце ܘܐ [в форме мужского рода единственного числа], не могут обозначать женский род множественного числа, например: ܘܐܝܘܢ — «Он пошел», ܘܐܝܘܢ — «Он увидел», ܘܐܝܘܢ — «Он ослабел». Мы говорим не ܘܐܝܘܢܝܘܐ , а ܘܐܝܘܢܝܘܐ , ܘܐܝܘܢܝܘܐ или ܘܐܝܘܢܝܘܐ , ܘܐܝܘܢܝܘܐ — для отличия от других глаголов. Когда гласная [ܘܐ] сокращается у ܘܐܝܘܢ , [то тогда] присоединяется ܘܐ , такой же гласный или полугласный, именно ܘܐܝܘܢܝܘܐ , ܘܐܝܘܢܝܘܐ “ (гл. 25).

Илья Тирханский, как мы видим, приводит и краткие формы: ܘܐܝܘܢܝܘܐ , ܘܐܝܘܢܝܘܐ (и удлиненные: ܘܐܝܘܢܝܘܐ , ܘܐܝܘܢܝܘܐ) — глаголов в 3-м л. ж. р. мн. ч. Существенным отличием глаголов с третьим ܘ , является их спряжение в несовершенном виде и в активных причастиях. В сирийском правильном глаголе в несовершенном виде в 3-м л. ед. ч. м. и ж. р. субъектными показателями являются префиксы, глагол имеет нулевое окончание. Глаголы с третьим ܘ , в несовершенном виде в этих лицах единственного числа имеют окончание ܘܐ , под влиянием которого окончание множественного числа ܘܐ превращается в ܘܐܘ (ܘܐܘܢ).

Илья Тирханский отмечает это, и задается вопросом, почему так происходит. Отвечая в целом правильно — что эти глаголы в единственном числе имеют κ на конце (κ^3), — он проводит аналогию с именами с κ на конце, которые во множественном числе якобы тоже имеют окончание $\dot{\alpha}$. Его примеры: $\kappa\text{ت}$ → $\dot{\alpha}\text{تت}$, $\kappa\text{ت}$ → $\dot{\alpha}\text{تت}$, $\kappa\text{تت}$ → $\dot{\alpha}\text{تتت}$. Но $\kappa\text{ت}$, $\kappa\text{تت}$, $\kappa\text{تتت}$ — сами по себе формы множественного числа, снабженные سك — различительными точками множественного числа, а $\dot{\alpha}\text{تت}$, $\dot{\alpha}\text{تتت}$, $\dot{\alpha}\text{تتتت}$ — множественные числа этих имен в соединении с притяжательным местоимением $\dot{\alpha}\text{ت}$ — „их“. Таким образом, Илья Тирханский разрывает притяжательное местоимение $\dot{\alpha}\text{ت}$ и сопоставляет совершенно не параллельные формы, с одной стороны — $\kappa\text{تت}$, $\kappa\text{تتت}$, $\kappa\text{تتتت}$, во множественном числе $\dot{\alpha}\text{تت}$, $\dot{\alpha}\text{تتت}$, $\dot{\alpha}\text{تتتت}$, и с другой — $\kappa\text{ت}$, $\kappa\text{تت}$, $\kappa\text{تتت}$ с притяжательным местоимением множественного числа $\dot{\alpha}\text{تت}$, $\dot{\alpha}\text{تتت}$, $\dot{\alpha}\text{تتتت}$, хотя указание автора грамматики об образовании 3-го л. м. р. мн. ч. этих глаголов в несовершенном виде абсолютно верно и важно. Илья Тирханский отмечает особенности образования множественного числа активных причастий мужского рода: „И знай, о читатель, что в каждом глаголе, на конце которого , или κ , скрывается, как в تت — «Он выбирает» → تتت , تت — «Он открывает» → تتت , تت — «Он хочет» → تتت , تت — «Он грешит» → تتت “ (гл. 30). Представленные примеры — причастия активного залога множественного числа мужского рода: تتت , تتت , تتت . Здесь гласная е в соединении с окончанием множественного числа $i(n)$ дает дифтонг ei , т. е. , окончания множественного числа с предыдущей гласной е активного причастия дает дифтонг ei . Так же, как было отмечено в объяснении образования 1-го л. ед. ч. перфекта Real , если графическое , не произносится как i , а является частью дифтонга, то, по мнению Ильи Тирханского, , — ослабленный; так и во множественном числе активных причастий мужского рода: تتت , تتت , تتت — он считает , скрытым или умалчиваемым. Автор грамматики отмечает это, так как в правильном глаголе окончание активного причастия мужского рода во множественном числе читается как in . Илья Тирханский дает объяснение формы активного причастия с энклитическим местоимением 1-го л. и приводит примеры. Он пишет: „Когда [формы, подобные] تت — «радующий», تت — «освобождающий», تت — «добывающий», мы произносим во множественном числе, мы затемняем تت так, что глагол уподобляется глаголу единственного числа, [например]: تتت — «мы развязываем», تتت — «мы видим», تتت — «мы клянемся», что то же самое,

когда мы говорим سَامِعٌ , سَامِعِينَ , и т. д.“ (гл. 25). Причастие активного залога в соединении с местоимением Илья Тирханский считает формой глагола в настоящем времени. Примеры, приведенные им, являются причастиями мужского рода во множественном числе в соединении с энклитическим местоимением 1-го л. множественного числа نَا и должны быть огласованы следующим образом: سَامِعِينَ , سَامِعِينَ , سَامِعِينَ .

Илья Тирханский приводит еще формы причастий глаголов с третьим, в породе Arhel в качестве примеров образования причастий присоединением префикса m и подавлением начального r , именно от глаголов رَحِبَ , رَحِبُوا , رَحِبُوا , причастия — مَرَحِبِينَ , مَرَحِبِينَ , مَرَحِبِينَ (гл. 5). Вся глава посвящена вопросу усечения гласных букв и m в различных формах правильных и неправильных глаголов, مَرَحِبِينَ и مَرَحِبِينَ характеризуются как причастия Arhel и не рассматриваются с точки зрения особенности корня, что ясно видно хотя бы из зрительного сравнения с рядом стоящим причастием مَرَحِبِينَ от правильного глагола رَحِبَ , т. е. окончание ر ³ отличает مَرَحِبِينَ и مَرَحِبِينَ от مَرَحِبِينَ , имеющего нулевое окончание.

3-е л. мн. ч. ж. р. повелительного наклонения для этой группы глаголов может иметь две формы: окончание مِينَ и مِينَ , чтение которых одинаково; неправильный глагол رَحِبَ в этом лице и числе имеет такие же окончания: رَحِبِينَ и رَحِبِينَ . Илья Тирханский считал, что в этих формах, читается как ر . Он сделал такой вывод либо потому, что неправильный глагол с конечным r (رَحِبَ) может иметь в 3-м л. мн. ч. ж. р. повел. накл. окончание مِينَ (наряду с مِينَ), либо потому, что вторая коренная читается с гласной $\bar{a}$ — $\text{ze}k\bar{a}p\bar{a}$, несмотря на то, что за ней следует r . Он пишет: „В каждом слове, которое в женском роде [имеет формы], подобные رَحِبِينَ — «приходите», سَامِعِينَ — «смотрите», مَرَحِبِينَ — «зовите», и во всех словах такого вида r читается как r “ (гл. 30). Основной целью его было, конечно, указать на трудно читаемую без знания спряжения этих глаголов форму и как можно доступнее объяснить ее чтение. Нельдеке отмечает для этих глаголов в повелительном наклонении множественного числа окончание женского рода مِينَ , например رَحِبِينَ вместо مِينَ . Илья Тирханский приводит другую, не зафиксированную Нельдеке редкую форму повелительного наклонения мужского рода множественного числа: رَحِبِينَ (رَحِبِينَ), в результате усечения которой, он считает, получается форма رَحِبِينَ (гл. 5).

Глаголы со средними **а** и **я**, и удвоенные

Эти группы глаголов первоначально были очень близки и имеют много общих форм спряжения,²³ что послужило для Илья Тирханского основанием рассматривать эти группы вместе; поэтому и мы не сочли нужным разделять и рассматривать их порознь в разделе „Неправильные глаголы“. Однако это не значит, что Илья Тирханский смешивал их в одну группу. Совершенно очевидно это из гл. 15, где, приводя различные „формы“ произношения повелительного наклонения, в „первой форме“ он указывает глагол **آَٓٓ**, в 3-м л. ед. ч. м. р. **آَٓٓ** — „суди“, во множественном числе **آَٓٓٓ** с объектным суффиксом **آَٓٓٓٓ** и **آَٓٓٓٓٓ**, который относится к группе глаголов со средним **а** и **я**, а во „второй форме“ — удвоенный глагол **آَٓٓٓ**, в 3-м л. ед. ч. м. р. **آَٓٓٓ**, во множественном числе **آَٓٓٓٓ**, с объектным суффиксом 3-го л. м. р. ед. ч. **آَٓٓٓٓ** и **آَٓٓٓٓٓ**, хотя именно по форме образования повелительного наклонения единственного и множественного числа они совершенно одинаковы. Указывая, что объектный суффикс 3-го л. ед. ч. ж. р. также может присоединяться к глаголу в повелительном наклонении, Илья Тирханский приводит в качестве примеров **آَٓٓٓٓ** и **آَٓٓٓٓٓ**, не разделяя их как разные формы произношения повелительного наклонения. Это вполне оправдано, так как является только дополнением к вышеизложенному правилу о присоединении к любой форме повелительного наклонения объектного суффикса 3-го л. м. р. ед. ч.

Илья Тирханский видит особенности спряжения, роднящие эти группы глаголов, в том, что для этих глаголов характерно появление так называемых „слабых согласных“: **ك**, **ا** и **ي**, и называет этот процесс „разделением“ (**كٓٓٓٓٓ**) этих глаголов, иначе говоря — разделением основных коренных, остающихся постоянно в корне. Формы 3-го л. ед. ч. м. р. повел. накл. этих глаголов одинаковы, и он приводит их как примеры разделения корня, именно: **آَٓٓٓ** — „смотри“, **آَٓٓٓ** — „встань“ (относятся к группе глаголов со средним **а** и **я**), **آَٓٓٓ** — „побрызгай“, **آَٓٓٓ** — „грабь“ (удвоенные глаголы). Более того, он прямо указывает, что появление „слабых“ согласных при спряжении этих глаголов объясняется особенностью состава коренных. В гл. 24, которая в основном посвящена спряжению этих глаголов, он пишет: „[Мы говорим] **آَٓٓٓ** — «Он встанет», и **آَٓٓٓ** — «Он будет грабить», чтобы показать, что корни (**كٓٓٓٓ**) [этих 2 глаголов], так же как сами глаголы, отличаются от остальных [глаголов]“. Объединяя эти глаголы по одинаковой форме образования 3-го л. ед. ч. м. р. имперфекта (**آَٓٓٓ** и **آَٓٓٓ**), Илья Тирханский спешит подчеркнуть, что во множественном числе их спряжение в имперфекте

²³ Там же, § 178.

все же различно: „При спряжении [форма] ܨܘܘܢܐ из-за [своей] тяжеловесности подвергается сокращению, [сокращается] ܨܘܘ , [в форме же] ܨܘܘܘܢܐ в этом ܨܘܘܘܢܐ нет тяжеловесности и [не происходит] затруднения [при произношении]“ (гл. 24). Для объяснения различного спряжения этих глаголов во множественном числе имперфекта, образующегося благодаря выпадению в удвоенном глаголе ܨܘܘ слабой согласной ܘ , Илья Тирханский приводит явление усечения, господствующего, по его мнению, в сирийском языке. При рассмотрении глаголов со средним ܘ и ܘܘ , и удвоенных он находит общее — по формальным признакам спряжения, не учитывая основного отличия — по составу корня. ܘ , появляющийся в 3-м л. ед. ч. м. р. имперфекта, во множественном числе в удвоенных глаголах пропадает благодаря особенностям корня. В формах удвоенного глагола, образованных с префиксами, удваивается первая коренная, значит в форме ܨܘܘܘܢܐ (3-е л. ед. ч. м. р. несов. вида) удваивается ܨܘܘ . В этом отличие форм ܨܘܘܘܢܐ и ܨܘܘܢܐ . Благодаря субъектному показателю 3-го л. мн. ч. эта форма удлиняется, ударение перемещается на последний слог, в результате чего ܘ после первой коренной мог легко выпасть, тем более что в языке существовали аналогичные формы несовершенного вида в глаголах с первым ܘܘ , которые легко были приняты и для удвоенных глаголов. Конкретного объяснения происхождения формы ܨܘܘܘܢܐ вместо ܨܘܘܢܐ в грамматиках сирийского языка мы не встретили. Поскольку мы не занимаемся исследованием фонетических законов развития сирийского языка, наше объяснение может быть не совсем точным. Во всяком случае, хотя Илья Тирханский не объяснил конкретного различия глаголов ܨܘܘ и ܨܘܘܘ по составу корня, все же он уловил неодинаковое фонетическое звучание форм ܨܘܘܘܢܐ и ܨܘܘܢܐ , окончательно разделившее эти формы во множественном числе, и его объяснение формы ܨܘܘܘܢܐ как результата стремления языка избегать „тяжести“ и „затруднения“ близко к истине. Илья Тирханский отмечает момент „разделения“ этих глаголов, удвоенных и с средним ܘ и ܘܘ , при образовании причастий, формы которых одинаковы для этих групп глаголов. Он пишет: „Еще о глаголе, который читается с ܨܘܘܘܢܐ в изъявительном наклонении. В том, что он образуется по [примеру глаголов] ܨܘܘܘܢܐ — «он встал», ܨܘܘܘܢܐ — «он грабил», нет никакого недостатка. Причина та, что ܘܘ более гласная буква чем ܘ , поэтому мы говорим не ܨܘܘܘܢܐ , а ܨܘܘܢܐ . Всякий раз, как [встречается] ܨܘܘܘܢܐ , мы находим повод разделить [глагол алефом] и разделяем его без всякого труда и усилия. Всякий раз, когда это разделение невозможно, мы не запрещаем [оставлять глагол без изменения], если [в этом] нет ущерба“ (гл. 24).

В глаголах со средним ܘ и ܘܘ , в причастиях может появиться и ܘܘ , в удвоенных же глаголах всюду „разделяющим“ является ܘܘ , по-види-

тому, поэтому Илья Тирханский объясняет появление $\aleph$ в качестве разделяющего для тех и других глаголов его „большой гласностью“. А по существу он предлагает запомнить формы, имеющие разделяющий $\aleph$ и не имеющие его. Указывая на одинаковое образование активных причастий этих двух групп глаголов, Илья Тирханский отмечает при этом вторую форму активных причастий, которую могут иметь удвоенные глаголы, называя ее сокращенной формой, именно форму без „разделяющего“ $\aleph$. Примеры следующие: كلم , كلم , كلم . Нельдеке отмечает,²⁴ что вставной, разделяющий $\aleph$ для произношения не имеет никакого значения. Илья Тирханский указывает, что древние сирийские грамматики Иаков Эдесский и Хонейн ибн Исхак писали активные причастия удвоенного глагола всегда с $\aleph$, приводит конкретные примеры: كلم , كلم , كلم , كلم , كلم — и на этом основании считает, что более правильными являются формы с вставным $\aleph$. Все приведенные примеры на то или иное написание и чтение — удвоенные глаголы. Совершенно очевидно, что Илья Тирханский хотел отметить эту особенность для удвоенных глаголов, хотя он нигде об этом не говорит и самих терминов „удвоенные глаголы“ или „глаголы со средним a и“, в его грамматике нет. Эти глаголы — с составом корня (كلم), отличающимся от других, и их особенности, которые он считал наиболее важными, он постарался отметить.

²⁴ Там же, § 178 „В“.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРАБСКИХ ТЕРМИНОВ В ГРАММАТИКЕ ИЛЬИ ТИРХАНСКОГО

Грамматика Ильи Тирханского стала известна в науке как первая сирийская грамматика, написанная под влиянием арабской грамматической системы. Это мнение напрашивается само собой, без специального исследования, так как автор прямо указывает в своем предисловии, что хотя для написания грамматики он изучил сначала сирийский и арамейские языки, „логику“ Аристотеля, „выяснил [всё] о правилах греческого языка“, „более всего... — пишет он, — согласовывал [свои исследования] с [грамматикой] арабского языка, богатого этим искусством“.

Однако грамматика Ильи Тирханского не была детально изучена вообще, а в частности и с точки зрения зависимости от арабских грамматиков.

Каждое грамматическое понятие имеет свой термин, выраженный или определенным словом, или, реже, описательно, но так же точно, поэтому общее представление о том или ином языке, о разработанности грамматики, о категориях, понятиях языка может дать его грамматическая терминология. Изучение того, как влияние арабской терминологии отразилось в терминологии Ильи Тирханского, может способствовать выяснению результатов влияния всей арабской грамматической системы на систему изучаемой грамматики.

Илья Тирханский, поскольку целью его было написать грамматику сирийского языка, которая бы по точности, разработанности и полноте приблизилась к арабской, в отдельных случаях указывает на категории, идентичные, по его мнению, в сирийской и арабской грамматиках, приводя термины, какими они обозначаются в арабском и в сирийском языках.

Рассмотрим, насколько верны параллели, проведенные Ильей Тирханским.

Большинство глав его грамматики построено в форме вопросов и ответов. В главах со ссылками на арабскую грамматику термин, идентичный, по мнению Ильи Тирханского, сирийскому, дается рядом с сирийским в самом вопросе. Например, глава первая: „Какими признаками (ܟܬܝܘܬܐ) мы обозначаем деятеля, ܟܬܝܘܬܐ или ܟܝܘܬܐ, в сирийском языке, ибо в грамматике арабского языка имеется раздел (ܦܝܬܐ) о признаках деятелей (ܟܝܘܬܐ) и объектов действия (ܟܝܘܬܐܝܬܐ), т. е. [по-арабски] ܦܝܬܐ [ܦܝܬܐ] [ܦܝܬܐ] и ܦܝܬܐ [ܦܝܬܐ]“. Или глава четвертая: „Вопрос: по каким правилам, в сравнении с арабами, сирийцы присоединяют имена

друг к другу?“ Глава пятая: „Вопрос: есть ли в сирийском языке усечение (قصص) глаголов, которое арабы называют الجزم [الجزم], и если есть, к каким глаголам относится и как [происходит]?“ И так далее. В 14 главах из 30 (по изданию Бетгена) есть указания Ильи Тирханского на параллели с арабской грамматикой или краткие упоминания явлений, свойственных и арабскому, и сирийскому языкам.

Илья Тирханский называет следующие термины арабской грамматики: ¹جُمْلَةٌ — „предложение“; فَاعِلٌ — „1) субъект действия, 2) подлежащее глагольного предложения“; مَفْعُولٌ — „1) объект действия, 2) объектное дополнение“, اِضَافَةٌ — „1) присоединение (одного имени к другому, т. е. определение имени при помощи последующего имени в родительном падеже), 2) сопряженное сочетание“; حَالٌ — „обстоятельство образа действия“; مَعْرِفَةٌ — „имя определенное“; نَكْرَةٌ — „имя неопределенное“; نَعْتٌ — „прилагательное“; ظُرُوفُ الزَّمَانِ وَ الْمَكَانِ — „наречия времени и места“; حُرُوفٌ — „частицы“; جَزْمٌ — „1) отсутствие конечного гласного, 2) усеченное наклонение“; تَرْخِيمٌ — „1) облегчение слова путем опускания его гласного окончания и нунации, 2) отсечение конца слова при обращении“; خَبْرٌ — „сказуемое именного предложения“.

Все эти термины относятся в основном к области синтаксиса и морфологии.

Арабскому термину جُمْلَةٌ — „предложение“ Илья Тирханский приравнивает сирийские جملتك, جملتك, جملتك (законченная речь). В значении „предложение“ часто в его грамматике употребляются также термины جملتك и جملتك.

Само понятие предложения Ильей Тирханским не определяется, но даются примеры: جملتك لعلك لعلك — „Сказал Иисус своим ученикам“, جملتك لعلك لعلك — „Сказал господь Моисею“.

В арабской грамматике, как в современной, так и в древней, классической, слово جُمْلَةٌ — собирательный термин, некое предложение.

По месту подлежащего, сказуемого и обстоятельственных выражений, по составу, отношению к выражаемому ими суждению предложения делятся средневековыми арабскими грамматиками на именные

¹ Определения терминов даны по словарю арабских грамматических терминов и оборотов, составленному Б. М. Гранде (Курс арабской грамматики), с учетом тех их значений, которые имел в виду Илья Тирханский.

(جُمْلَةٌ ظَرْفِيَّةٌ), глагольные (جُمْلَةٌ فَعْلِيَّةٌ), обстоятельственные (جُمْلَةٌ اِسْمِيَّةٌ),
 бóльшие (جُمْلَةٌ كُبْرَى) и мéньшие (جُمْلَةٌ صَغْرَى), атрибутивные (جُمْلَةٌ خَبَرِيَّةٌ)
 и желательные (جُمْلَةٌ اِنْشَائِيَّةٌ), выражающие вопрос, повеление, желание
 и т. д.²

Илья Тирханский не разделяет предложение на вышеназванные виды, все многочисленные термины, обозначающие предложение: **كَلِمَاتٌ**, **كَلِمَاتٌ**, **كَلِمَاتٌ** и **كَلِمَاتٌ** — имеют только значение **جُمْلَةٌ**. Но он дает свое деление предложений на виды и каждый вид называет своим термином. По его мнению, в сирийском языке 5 видов предложений: **كَلِمَاتٌ** — „повествовательное“, **كَلِمَاتٌ** — „звательное“, **كَلِمَاتٌ** — „повелительное“, **كَلِمَاتٌ** — „вопросительное“, **كَلِمَاتٌ** — „желательное“. Меркс считает, что „учение о 5 видах предложения в гл. 7 взято у Аристотеля“.³ Подобное утверждение нам кажется неверным. Ссылки на Аристотеля, встречающиеся в некоторых местах грамматики сирийского ученого, являются традиционными. Если даже предположить знакомство Ильи Тирханского с произведениями Аристотеля, следует заметить, что у последнего не было четкого учения о 5 видах предложения.⁴ Можно предположить, что эти термины не встречаются в других сирийских грамматиках и обозначение и выделение этих типов предложения принадлежит Илье Тирханскому, что подтверждается также и тем, что все вышеупомянутые термины пяти видов сирийского предложения не отмечены в индексе Моберга.⁵ По-видимому, это деление сделано под влиянием вида арабского желательного предложения — **جُمْلَةٌ اِنْشَائِيَّةٌ** — и представляет буквальный перевод вопроса — **كَلِمَاتٌ**, желания — **كَلِمَاتٌ**, повеления — **كَلِمَاتٌ**, призыва — **كَلِمَاتٌ**, повествования — **كَلِمَاتٌ**.

Арабскому термину **فَاعِلٌ** Илья Тирханский приравнивает сирийские термины **كَلِمَاتٌ** и **كَلِمَاتٌ**, обозначающие деятеля, а термину **خَبَرٌ** и **كَلِمَاتٌ**, обозначающие сказуемое. Между тем, в арабском языке подлежащее (**مُسْتَدِرُّ اِلَيْهِ**) и сказуемое (**مُسْتَدِرٌّ**) различаются и имеют определенные термины соответственно типу предложения. Таким образом, **فَاعِلٌ** — не просто подлежащее, а подлежащее глагольного пред-

² Гиргас. Очерк, стр. 79—82. Перечисленные виды предложений не исчерпывают сложного учения арабских грамматиков о предложении, они даны в качестве примеров.

³ Merx. Historia, p. 157.

⁴ Античные теории языка и стиля, стр. 60—64.

⁵ Moberg. Buch der Strahlen. Zur Terminologie.

ложения, а **خبر** — сказуемое именного предложения. В сирийском языке именное и глагольное предложения не были выделены и определены, и термины, обозначающие подлежащее: **ܘܫܘܬ ܐܦܬ**, **ܕܚܘܒܐ**, **ܕܚܘܒܐ**, так же как и сказуемое: **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ**, — не различаются по виду предложения.

О сказуемых **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ**, которые Илья Тирханский считает синонимами арабского **خبر**, он говорит в гл. 13 наряду с именем качества **ܕܚܘܒܐ**, которое приравнивает к арабскому **حال**, и прилагательным **ܕܚܘܒܐ**, которое приравнивает к арабскому **نعته**. В многочисленных примерах — предложениях с вышеупомянутыми понятиями он делает ударение на то, что акцентуация предложения зависит от места вышеупомянутых понятий как членов предложения.

Когда прилагательное (**ܕܚܘܒܐ**), сказуемое (**ܕܚܘܒܐ**), имя качества (**ܕܚܘܒܐ**) стоят в начале предложения, Илья Тирханский предлагает читать предложение с ударением **ܕܚܘܒܐ**, а когда они стоят в конце предложения, а имя в начале, — с ударением **ܕܚܘܒܐ**. Сказуемым Илья Тирханский считает **ܕܚܘܒܐ** в предложении **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „пророчествующий — Исая“, **ܕܚܘܒܐ** в предложении **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „поющий псалмы — Давид“. В этих предложениях сказуемое выражено причастием, т. е. является именным сказуемым.

В примерах предложений с ударениями **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ** Илья Тирханский выделяет прилагательное, имя качества иногда неверно, и обращает внимание на их место в предложении. Мы же можем отметить, что почти во всех приведенных примерах **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ** являются или частью именного составного сказуемого, или самостоятельно выраженным сказуемым. Предложения с именем в начале предложения, например, таковы: **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „Моисей — мягко правящий“, **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — именное составное сказуемое; **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „Иеремия — священник“, **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — именное составное сказуемое, выраженное именем существительным (а не прилагательным) **ܕܚܘܒܐ** и глаголом-связкой. В предложении с именем в конце: **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „Божество — это дух“; **ܕܚܘܒܐ**, которое Илья Тирханский называет **ܕܚܘܒܐ** — „прилагательным“, самостоятельно является именным сказуемым. В остальных примерах с именем в конце предложения **ܕܚܘܒܐ** и **ܕܚܘܒܐ** являются частями именного составного сказуемого, например **ܕܚܘܒܐ** в предложении **ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ ܕܚܘܒܐ** — „Кротким был Моисей“. Здесь нет необходимости приводить много примеров, они приблизительно все одинаковы. Следует сказать, что из 23 предложений, приведенных в гл. 13, в 14 предложениях (именно в тех, где имя ставится либо в начале, либо в конце) прилагательное, сказуемое и имя качества являются или самостоятельными именными сказуемыми, или частью именного составного сказуемого.

Следует также обратить внимание на то, что Илья Тирханский подчеркивает в вышеупомянутых 14 предложениях не место прилагательного, сказуемого и имени качества, а место имени, в категорию которого он их включает и которое во всех этих предложениях является подлежащим, относит ли его Илья Тирханский в конец или в начало предложения.

Меркс⁶ считает, что Илья Тирханский не находит в сирийском языке категорий, соответствующих арабским *حال*, *خبر*, *نعت*, поэтому он будто бы привлекает акценты, показывающие соотношение их как частей предложения. Нам кажется неверным утверждение, что Илья Тирханский не находит этих грамматических категорий в сирийском языке.

Примеры, подобранные Илей Тирханским, в частности примеры именных предложений и предложений с именным сказуемым, разобранные нами, позволяют утверждать, что Илья Тирханский учитывал значение термина *خبر* именно как сказуемого именного предложения, поэтому приводил примеры предложений с именем подлежащим в начале. Кроме того, Меркс считает, что в гл. 19 Илья Тирханский вовсе отрицает именные предложения и этим себе противоречит. С нашей точки зрения, никакого противоречия нет, ибо Илья Тирханский не отрицает именных предложений. Он пишет в гл. 19: „Имеет ли определяющее прилагательное (*ܩܘܠܘܢܐ*) или наречие (*ܩܘܠܘܢܐ*) какой-нибудь вполне законченный смысл (*ܩܘܠܘܢܐ*) без сказуемого или глагола, указывающего на время? Никогда, если действие не раскрывается словом, соответствующим [глаголу] по силе и значению“. Следует заметить, что сказуемое и глагол приравняются здесь друг к другу по значению, а не по употреблению, т. е. отмечается, что сказуемое может быть выражено не только глаголом.

Илья Тирханский считает, что мысль не может быть выражена в предложении без глагола, т. е. без сказуемого, в роли которого может выступать любое слово, „соответствующее [глаголу] по силе и значению“. По своему содержанию гл. 19 является как бы продолжением 13-й. Главу 19 автор грамматики заключает следующими словами: „Так же соединяется мысль, если глагол предшествует имени и определяющему прилагательному, как например: *ܩܘܠܘܢܐ ܩܘܠܘܢܐ ܩܘܠܘܢܐ* — «Свидетельствовали мужи праведные», — далее следуют примеры с глаголом в начале предложения. Илья Тирханский не только не отрицает наличие именного предложения в сирийском языке, но признает также существование глагольного предложения, но ни у него, ни у более поздних грамматиков наличие этих предложений не было узаконено, описано, эти типы предложений не получили определений и не были так четко разработаны, как в арабском языке.

Илья Тирханский пытался также выделить, хотя и без определения, именное сказуемое, простое и составное, и даже дал один тип именного

⁶ Merx. *Historia*, p. 156.

сказуемого, обозначив его определенным термином: *ܟܠܗܘܢ ܗܘܝܢܘܢ* — „общее сказуемое“. Илья Тирханский не определяет этот термин, но поясняет его примерами: *ܟܠܗܘܢ ܗܘܝܢܘܢ* — „Всякий человек лжив“ (К римлянам 3, 4), *ܟܠܗܘܢ ܗܘܝܢܘܢ ܫܠܝܢܐܢܐ* — „Каждый христианин сильный человек“, *ܟܠܗܘܢ ܗܘܝܢܘܢ ܕܢܗܘܝܢܘܢ ܟܪܝܫܬܘܫܬܐ* — „Всякому мужу глава Христос“ (I Коринфянам 11, 3). В этих предложениях *ܟܠܗܘܢ*, *ܗܘܝܢܘܢ*, *ܫܠܝܢܐܢܐ* — общее сказуемое, или, как можно еще сказать, — обобщающее сказуемое.

В современном русском языке отмечается подобная конструкция предложения, когда сказуемое выражено именем существительным в именительном падеже, а именно: „В простом именном сказуемом в предложении со значением настоящего времени имя существительное в именительном падеже обычно обозначает устойчивый признак предмета или постоянно присущую предмету качественную характеристику“, ⁷ например: „Человек — кузнец своему счастью; Это был закон балтийского отряда: комиссар и политрук — замена командира в бою“. ⁸

В примерах Ильи Тирханского „устойчивый признак предмета или постоянно присущая предмету качественная характеристика“ имени существительного усилены в подлежащем местоимением „каждый“. Термин „общее сказуемое“ почему-то отсутствует в комментированном индексе сирийской грамматической терминологии Мoberга, ⁹ хотя при составлении своего индекса Мoberг использовал наряду со всеми известными сирийскими грамматиками и труд Ильи Тирханского. Этого термина нет и в словаре П. Смита. ¹⁰ По-видимому, термин „общее сказуемое“ редко встречается или имеется только у Ильи Тирханского. Напрашивается вывод, что понятие и термин „общее сказуемое“ впервые в сирийскую грамматику введены Илеей Тирханским. Правда, автор исследуемой грамматики не обосновал детально выделение общего сказуемого, его значение и средства выражения, но сам факт обозначения этого типа сказуемого и определения его специальным термином говорит о тонком понимании Илеей Тирханским явлений языка. А то, что Илья Тирханский использует при выделении сказуемого в именном предложении и именного сказуемого акценты, говорит о том, что эти понятия не были еще выделены в сирийском языке в особые категории и Илья Тирханский не смог найти более четких и определенных средств в сирийском языке для их выделения.

Арабский термин *مفعول* Илья Тирханский считает идентичным по значению сирийским *ܟܠܗܘܢܐܘܢܐ* и *ܟܠܗܘܢܐܘܢܐܘܢܐ*, обозначающим объекты действия. На это он указывает в той же главе, где говорит о деятеле, *ܟܠܗܘܢܐܘܢܐ* или *ܟܠܗܘܢܐܘܢܐܘܢܐ*, и приравнивает его к арабскому подлежащему гла-

⁷ Грамматика русского языка, т. II, ч. 1, стр. 415.

⁸ Там же, стр. 416.

⁹ Moberg. Buch der Strahlen. Zur Terminologie.

¹⁰ Smith. A Syriac dictionary.

гольного предложения — **فاعل**. Деятель и объект действия рассматриваются рядом и противопоставляются так, что на них акцентируется внимание читателя как на главных членах предложения. Таким образом, очевидно, что в грамматике Ильи Тирханского главные члены предложения не отделены четко от второстепенных. Может быть, это объясняется формой терминов, их образованием в языке, как в арабском, так и в сирийском, а именно: **كاتب** и **كاتبو**, **كتاب** и **كتابو**, **فاعل** и **مفعول**.

В значении объекта действия, т. е. объектного дополнения, в грамматике употребляются еще термины **كتاب** и **كاتب**. Меркс¹¹ замечает в виде упрека автору грамматики, что, приравнивая **فاعل** и **مفعول** к сирийским терминам **كتاب** и **كاتبو**, **كاتب** и **كاتبو**, Илья Тирханский пренебрегает терминами **كاتب** и **كاتب**, которые использует Север Себохт, представитель греческого направления в сирийской грамматической науке. Однако это не может ставиться нашему автору в вину, так как **كاتب** и **كاتب** образованы от одного корня и в общем имеют одно и то же значение. Форма слова **كاتب** обычна для сирийских имен действия и более подходит для обозначения действующего лица. Термин **كاتب** употребляется в грамматике Ильи Тирханского (гл. 24) в значении пассивности, но не идентифицируется со значением **مفعول**. **فاعل** и **مفعول** вообще в арабском языке не являются выражениями актива и пассива. Объектами действия, **كاتبو** или **كتابو**, Илья Тирханский считает слова **خبز** — „хлеб“, **كاس** — „этот хлеб“ и **كاس** — „эта чаша“ в следующих предложениях: **خبز** — „Ябалаха ест хлеб“, **كاس** — „... всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию“ (I Коринфянам 11, 26).

Объект действия или объектное дополнение — **مفعول**, бывает в арабском языке нескольких видов: абсолютный объект — **المفعول المطلق**, прямой объект — **المفعول به**, объект места и времени действия — **المفعول فيه**, а также объект сосуда — **الظرف**, объект причины или повода — **المفعول له** или **لاجله**, объект соучастия в действии — **المفعول معه**.¹² В грамматике Ильи Тирханского не выработаны виды объектного дополнения. Термины, обозначающие этот член предложения — **كتاب**, **كاتبو**, **كاتب** и **كاتب**, значат только объектное дополнение (**مفعول**).

Рассматривая соответствие сирийских терминов **كاتب**, **كتاب** и **كاتبو**, **كتابو** арабским терминам **فاعل** и **مفعول**, являющимся

¹¹ Merx. Historia, p. 154 sq.

¹² Приведенные виды объектных дополнений не исчерпывают всего материала, имеющегося по этому вопросу в средневековой арабской грамматической литературе, так как это не входило в наши задачи.

по формам своего образования, а не по значению противопоставлением актива и пассива, Илья Тирханский собственно забывает о значении **فاعِل** как подлежащего в глагольном предложении и берет его в значении просто деятеля.

Термином **كشور**, который приравнивается Ильей Тирханским к арабскому термину **إِصَافَةٌ** — „присоединение“, обозначаются буквы **ك**, **ش**, **و**, управляющие именами и глаголами и имеющие большое значение в сирийском языке. При помощи этих букв выражаются падежи, связываются предложения и т. д., поэтому **كشور** обозначает еще падеж, отсюда буквы **ك**, **ش**, **و** обозначаются также терминами **كشور** — „связка“, **كشور** — „падеж“, **كشور** — „падеж“. Буквы **ك**, **ش**, **و** обозначаются еще термином **كشور** **كشور** — „начальные буквы“.

Определяемое с определением в родительном падеже выражается через **ش**, поэтому **كشور** у Ильи Тирханского имеет еще значение родительного падежа. На основании последнего значения он и приравнивает этот термин арабскому **إِصَافَةٌ**, обозначающему присоединение.

Древние арабские грамматики называли присоединением „отношение двух имен, из которых второе в родительном падеже дополняет первое“, ¹³ и различали два вида присоединения: словесное, или не чистое — **الإضافة اللفظية أو غير المحضة**, и смысловое, или чистое — **الإضافة المعنوية أو المحضة**. Смысловое выражает принадлежность, форму или назначение дополняемого имени, например: **غلام زيدا** — „раб Зейда“; словесное присоединение выражает отношение между действующим лицом и объектом: **ضارب زيد** — „бивший Зейда“, между именем лица, подверженного действию, и его объектом, заменяющим действителя, и между прилагательным отглагольным и его действителем как **حسن الوجه** — „прекрасный лицом“. ¹⁴

Илья Тирханский также различает два вида присоединения. Первый вид, например **كشور كذا** — „город такого-то“, **كشور كذا** — „дом такого-то“, т. е. при помощи частицы **ش**, второй вид: **كشور كذا** — „римский город“, **كشور كذا** — „такой-то дом“, **كشور كذا** — „книга Моисея“, т. е. без частицы **ش**, когда определяемое имя ставится в сопряженном состоянии. Виды **إِصَافَةٌ** у арабов имеют иное значение, чем виды **كشور** у Ильи Тирханского. Арабские грамматики различали несколько видов присоединения по их значениям, а Илья Тирханский различает два вида (способа) присоединения, имея в виду сопряженное состояние. Значение **كشور** как сочетания определяемого с определением в родительном падеже, т. е. как одного способа выражения со-

¹³ Гирга с. Очерк, стр. 93.

¹⁴ Там же, стр. 94.

пряженного состояния, отвечает значению إضافة^٤, но последнее значительно шире.

Арабскому смысловому присоединению, выражающему принадлежность, соответствует в грамматике Илья Тирханского $\text{בַּיִת} \text{הַבֹּהַן}$ — термин, выражающий притяжательность при помощи בַּיִת , например: $\text{בַּיִת} \text{הַבֹּהַן}$ — „дом бога“, $\text{בַּיִת} \text{הַלְּמַד}$ — „учитель ученика“ и т. д., но Илья Тирханский не отмечает это как вид בַּיִת .

Буквы ב , י , ל могут выражать также и другие отношения имен друг к другу, соответствующие остальным значениям смыслового и словесного присоединения (إضافة^٤), но Илья Тирханский говорит о соответствии בַּיִת и إضافة^٤ только в значении родительного падежа.

בַּיִת — „качество“, синоним בַּיִת , Илья Тирханский считает соответствующим арабскому термину حَال . Оно выражается в его грамматике наречием и именем с предлогом ב . Илья Тирханский приводит следующие примеры: בַּיִת — „славно“, בַּיִת — „мягко“, בַּיִת — „правильно“, בַּיִת — „справедливо“, בַּיִת — „верно“, בַּיִת — „праведно“.

Арабские грамматики термином حَال обозначали настоящее время, обстоятельство, состояние.

Илья Тирханский, видимо, знал حَال в значении обстоятельства, качественного определения того, как совершается действие. Древние арабские грамматики определяли обстоятельство — حَال следующим образом: „Обстоятельственное выражение состояния (الحال) есть отглагольное имя, поставленное в винит. падеже для выражения состояния действителя или объекта, прим.: جاءَ زيدٌ راجِبًا — «Зейд приехал верхом»¹⁵. Очевидно, что только одно значение حَال соответствует значению сирийских терминов בַּיִת или בַּיִת .

Арабские термины معرفة — определенное и نكرة — неопределенное имена соответствуют, по мнению Илья Тирханского, по значению сирийским терминам בַּיִת , בַּיִת и בַּיִת . Илья Тирханский считает имя определенным (בַּיִת или בַּיִת), когда к нему присоединено указательное или суффиксное местоимение, например: $\text{בַּיִת} \text{הַהוּא}$ — „на эту гору“, $\text{בַּיִת} \text{הַשָּׁמַיִם}$ — „на эту крышу“, $\text{בַּיִת} \text{הַזֶּה}$ — „в этот дом“ и $\text{בַּיִת} \text{הַזֶּה}$ — „Он расстелил (ее-(определенную)) одежду“, $\text{בַּיִת} \text{הַזֶּה}$ — „Он разрубил (его-(определенный)) ствол дерева“.

Арабские грамматики считали определенными (معرفة) личные местоимения, относительные, указательные, имена собственные, имена с опре-

¹⁵ Там же, стр. 91.

деленным членом и присоединением вышеупомянутых классов имен в родительном падеже. В сирийском языке существовал, как и в арабском, определенный член, который в соединении с формой имени ставил имя в определенном состоянии, но постепенно он потерял свою определенность, и теперь имя с определенным членом является в сирийском языке нормальным типом имени. Если бы определенный член в сирийском языке не утратил значения определенности, можно было бы сказать, что определенность имен в сирийском и арабском языках выражается одинаково — при помощи определенных артиклей, которые в обоих языках грамматически различно оформлены.

Арабский термин *النعته* Илья Тирханский считает соответствующим по значению сирийскому *ܢܥܬܐ*. В грамматике Юшманова¹⁶ термин *النعته* — прилагательное, синоним его *الصفة*. Прилагательное может играть в предложении роль приложения и может быть или „настоящим“ (*حقيقي*), или „причинным“ (*سببي*). Например, в предложении *الرفقاء المرضى* — „больные товарищи“ прилагательное *المرضى* — „настоящее“, а в предложении *لقيت الرفقاء المريضة رؤوسهم* — „Я встретил товарищей, у которых болит голова“, *المريضة* — „причинное“ прилагательное. Древние арабские грамматики собственно прилагательное называли *صفة*: „Так как прилагательные имена выражают свойство или качество существительных, то они называются *صفة*, т. е. описаниями“,¹⁷ но также выделяли способность прилагательного быть приложением и называли его определительным приложением, обозначая термином *الصفة* — „описание“ или *النعته* — „эпитет“, которое „выражает качество или свойство определяемого им имени... Оно бывает двоякого рода: а) действительно определительное (*حقيقي*), когда грамматически и логически относится к определяемому им имени, как *جاءني رجل حسن* — „Ко мне пришел прекрасный муж“, и б) определительное причинное (*سببي*), когда грамматически оно относится к предшествующему определяемому, а логически определяет последующее имя, как: *جاءني رجل حسن ابوه* — „Ко мне пришел муж, отец которого прекрасен“. Здесь *حسن* (— „прекрасный“) грамматически относится к *رجل* (— „муж“), но логически определяет последующее имя *ابوه* (— „отец его“), которое собственно есть причина (*سبب*) придания определительного слова первому имени“.¹⁸

По существу и у древних арабских грамматиков *صفة* и *نعته* значат одно и то же понятие прилагательного, поэтому в грамматике Юшма-

¹⁶ Юшманов. Грамматика, стр. 107.

¹⁷ Гиригас. Очерк, стр. 61.

¹⁸ Там же, стр. 96.

нова *صفة* и *سمة* являются синонимами. Действительно, если судить также по примерам, определительное приложение — это в грамматике Юшманова прилагательное настоящее, а определительное причинное приложение — прилагательное причинное.

Прилагательное как часть речи было выделено греками значительно позднее, чем остальные главные части речи. То же самое было, видимо, у сирийцев. Илья Тирханский отмечает, что понятия прилагательного (*ܟܠܝܢܐ*), так же как сказуемого (*ܟܠܘܢܐ* или *ܟܠܘܢܝܢܐ*), и имени качества (*ܟܠܝܢܐ*) известны сирийцам и не нуждаются в определении. Этим утверждением, а также указанием на существование тех же понятий в арабском языке Илья Тирханский стремится подчеркнуть высокую степень развития сирийской грамматики, так же как и арабской. Определяя отдельные слова как прилагательные, он в подтверждение своих слов ссылается на Аристотеля: „*ܟܠܘܢܐ* — «священник», *ܟܠܘܢܝܢܐ* — «мягкий» и остальные, [подобные им], — определяющие прилагательные, согласно Аристотелю“ (гл. 13).

Аристотелю принадлежит учение о делении на три части речи, но прилагательное, как часть речи, было выделено греками значительно позднее, так что подобная ссылка на Аристотеля неосновательна. Авторитетом Аристотеля Илья Тирханский, видимо, хотел поддержать выделение прилагательного как части речи. Термин *ܟܠܝܢܐ* в значении прилагательного употребляется впервые Илей Тирханским. В индексе Моберга в этом значении он отмечается только в грамматике нашего автора. Это еще раз подтверждает, что категория прилагательного является новой для сирийской грамматики и впервые вводится Илей Тирханским. У Ильи Тирханского нет еще четкого отграничения значения прилагательного от имени существительного. Судя по примерам, он ясно представляет себе, что прилагательное обозначает качество предмета, и если даже в предложении качество предмета выражено существительным, Илья Тирханский определяет его как прилагательное. Это создает некоторую путаницу в рассуждениях Ильи Тирханского об этой категории.

В гл. 13 он включает и прилагательное, и имя качества в категорию имени. Это верно с точки зрения противопоставления этой группы категорий глаголу при уяснении разницы между именным и глагольным предложением, но благодаря этому вносится путаница при определении, к какой категории относится то или иное слово.

Следствием этих двух причин является определение слова *ܟܠܘܢܐ* — „дух“ в предложении *ܟܠܘܢܐ ܝܗܝ ܟܠܘܢܐ* — „Божество есть дух“ как определяющего прилагательного, в то время как *ܟܠܘܢܐ* — существительное, которое в данном предложении является именным сказуемым. То же самое в предложениях *ܟܠܘܢܐ ܟܠܘܢܐ ܟܠܘܢܐ* — „Иеремия был священником“, *ܟܠܘܢܐ* является именной частью, выраженной существительным, именного составного сказуемого, *ܟܠܘܢܐ ܝܗܝ ܟܠܘܢܐ* — „Давид был

пророком“, где ܒܘܚܝܝܠ Илья Тирханский называет определяющим прилагательным, в то время как это слово — существительное, являющееся именной частью именного составного сказуемого. Меркс¹⁹ справедливо указывает на эту путаницу категорий у Ильи Тирханского. Оправданием может служить то, что эти категории (именного предложения, именного сказуемого, прилагательного) не были выделены в сирийской грамматике и исследованы до Ильи Тирханского. Заслугой его является стремление найти их место в сирийской грамматике при помощи наиболее специфического явления для сирийского языка — акцентуации, хотя это было не очень удачно. Илья Тирханский сам сознает путанность своих рассуждений и делает к гл. 13 добавление, поясняя конкретными примерами что он называет именем прилагательным, именем качества, сказуемым. Примеры на прилагательные следующие: ܚܘܫܐ — „правильный“ ܥܕܠܐ — „справедливый“, ܩܝܕܘܫܐ — „превосходный“, ܚܘܫܐ — „хороший“, ܥܠܐ — „нечестный“, ܚܘܫܐ — „мудрый“, ܥܠܐ — „глупый“, ܩܝܕܘܫܐ — „праведный“, ܠܝܘܝܐ — „лживый“. Что понимается под прилагательными в современном русском языке? Имена прилагательные в русском языке обозначают качество предметов непосредственно (свежий человек) или же по отношению к другим предметам (сестрина книга). Илья Тирханский под прилагательными понимает слова, обозначающие качество предметов непосредственно, не подразделяя их на виды, которые мы имеем в русском языке, а именно качественные, относительные, притяжательные. Но мы видим, что Илья Тирханский четко и определенно выделяет эту часть речи и верно понимает ее значение, хотя иногда допускает ошибки.

В 30-й, последней главе своей грамматики при перечислении семи частей речи Илья Тирханский обозначает прилагательное терминами ܚܘܫܐܐ или ܥܕܠܐܐܐܘܬܐ. Это место в тексте рукописи повреждено. Термина ܚܘܫܐܐ нет в тексте, но, судя по предыдущим главам (13, 19), прилагательное может быть обозначено только ܚܘܫܐܐ; ܥܕܠܐܐܘܬܐ является „синонимом и более древним термином“²⁰ сирийского причастия — ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ. Термин ܥܕܠܐܐܘܬܐ обозначает еще предикативное прилагательное. Термин ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ в грамматике Ильи Тирханского (гл. 16) равнозначен термину ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ и в значении предикативного прилагательного, которым он называет глагол с частицей ܐ, например ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ — „тот, который делает“ или „делающий“, что является причастием.

Причастие Илья Тирханский выделяет отдельно как пятую часть речи, использует для его обозначения термин ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ и относит туда как собственно причастия (ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ — „проходящий“, ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ — „начинающий“ и т. д.), так и предикативные прилагательные (ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ — „делающий“, ܥܕܠܐܐܘܬܐܐ — „бывший“).

¹⁹ Merx. Historia, p. 156.

²⁰ Moberg. Buch der Strahlen. Zur Terminologie, pp. 56, 99.

Соотношение терминов **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** и **ܟܠܟܘܢܐܘܫܐ** доказывает колебание Илья Тирханского и недостаточную уверенность при выделении прилагательного как части речи, проявившуюся даже в последней, итоговой главе его грамматики.

Илья Тирханский выделяет функцию прилагательного как определения и способность имени (существительного) иметь не одно, а несколько определений, которые относятся к одному имени. Такие определения он называет **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ**; например: **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „мужи сирийские — превосходные“. Прилагательные-определения могут следовать друг за другом или соединяться союзом **ܘ**, например: **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „мужи-знатные — справедливые и возвышенные“ (гл. 19).

Илья Тирханский объясняет подобную конструкцию следующим образом: „Определение (**ܟܠܝܦܐܘܫܐ**), которое присоединено к первому [имени], [является] именем относительно второго [определения имени], и значение [второго] имени также относится к первому [имени], т. е. **ܟܠܝܦܐܘܫܐ**“ (гл. 19).

Термин **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ** выделяется впервые Ильей Тирханским и отмечается Мобергом только в его грамматике.²¹

Арабский термин **ظروف الزمان و المكان** — сосуды времени и места — Илья Тирханский переводит на сирийский как **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ** и считает соответствующим по значению **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — наречию, синонимы **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ** и **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ**. Арабские грамматики „сосудами времени и места“ также называли наречия: „... к именам причисляются некоторые наречия места и времени, называемые грамматиками **ظروف**, т. е. сосудами, потому что всякое действие происходит в известном месте или времени. Таковы наречия: **قبل** — «прежде», **بعد** — «после», **فوق** — «вверху», **تحت** — «внизу» и др.“²²

Илья Тирханский, приравнивая **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ** или **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ** к арабскому сосуду времени и места, имеет в виду именно только два вида наречия, по-видимому времени и места. Он пишет: „[Вопрос]: зависит ли какое-нибудь изменение гласных в именах от двух видов наречия (**ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ** или **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ**), которые арабы называют сосудом времени и места (**ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ**), т. е. **ܟܠܝܦܐܘܫܐ ܟܠܝܦܐܘܫܐ**“ (гл. 10). Примеры наречий, которые он приводит вслед за этим, таковы: **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „достаточно“, **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „раньше“, **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „потом“, **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „как“, **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „когда“, **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „потому что“, **ܟܠܝܦܐܘܫܐ** — „к“.

Данные примеры, указываемые Ильей Тирханским как наречия, не все могут служить, с нашей точки зрения, наречиями. К категории

²¹ Там же, стр. 89.

²² Гиргас. Очерк, стр. 69.

наречия Илья Тирханский склонен относить, по-видимому, служебные слова, которые на русский язык мы переводим, например, как причинный союз (ܘܢܐ — „потому что“), местоимение (ܟܝܢ — „как“) и т. д. Среди этих примеров он называет также один предлог, объединяя предлоги и наречия, считая их близкими по значению категориями: „Ни глаголы не производят изменений в именах: ни имена в именах: ни предлоги, ни наречия, например: ܐܝܢ — «достаточно», ܕܡܠܥܐ — «раньше», ܟܝܢ — «потом», ܟܝܢ — «как», ܟܝܢ — «когда», ܘܢܐ — «потому что», ܟܝܢ — «к»“ (гл. 10). Приведенные примеры, кроме того, являются примерами более широкого круга наречий (и вообще служебных слов), а не только наречий времени и места.

Илья Тирханский стремился показать в сирийском языке категорию, соответствующую арабскому наречию времени и места, в гл. 18 он обозначает наречия времени и места даже определенными терминами: ܟܝܢ ܟܝܢܐ — „наречие места“, ܟܝܢܐ ܟܝܢܐ — „наречие времени“. Этих терминов нет в индексе Моберга, они, по-видимому, впервые выделены Ильей Тирханским и являются переводами соответствующих терминов в арабском языке. Наречие в целом Илья Тирханский выделяет как отдельную часть речи (гл. 30) и обозначает теми же терминами: ܟܝܢܐ ܟܝܢܐ или ܟܝܢܐ ܟܝܢܐ. Примеры на наречия, приводимые в гл. 30: ܐܝܢ — „также“, ܟܝܢ — „если“, ܟܝܢ — „когда“, ܟܝܢ — „ничего подобного“, ܟܝܢ — „наконец“, ܟܝܢ — „когда“, ܟܝܢ — „еще“, ܘܢܐ — „потому что“, свидетельствуют также о том, что категорию наречия Илья Тирханский понимает очень широко, как категорию служебных слов, помогающих раскрыть смысл предложения.

В современной русской грамматике „наречием называется неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета и выступающая в предложении в роли обстоятельного слова или несогласованного определения“;²³ т. е. это определение подтверждает правильность принципа выделения категории наречий у Ильи Тирханского, но наречия в русском языке выступают в предложении как обстоятельные слова или несогласованные определения. Илья Тирханский не принимает во внимание грамматических значений слов, которые он относит к наречиям, поэтому мы говорим, что к категории наречий он относит многие служебные слова, с точки зрения современной грамматики не являющиеся наречиями.

Последнюю часть речи в сирийском языке: ܟܝܢܐ — „союзы“ и „частицы“ (синоним ܟܝܢܐ) — Илья Тирханский находит соответствующей третьей и последней части речи арабских грамматиков: ܟܝܢܐ. Термином ܟܝܢܐ — „частица“ арабские грамматикологи называют „то, что, выражая какое-либо понятие, не есть ни имя, ни глагол, как: предлог ܟܝܢܐ

²³ Грамматика русского языка, т. I, стр. 604.

и др., هل (— „ли?“), قد (— „уже“).²⁴ К حروف они относят: „... 1) наречия, как: نعم (— «да»), هل (— «ли?»); 2) предлоги, называемые حروف الجر или حروف الخفض, т. е. частицами, требующими родит. падежа, как في (— «в»), على (— «над»); 3) союзы, называемые حروف العطف, т. е. союзными частицами, как: و (— «и»), في (— «то»), и 4) междометия, как: يا (— «о!») и др. Грамматики делят частицы, смотря по значению или управлению их, на множество разрядов. Так, Замахшари ... насчитывает до 27 различных родов частиц; причем одна и та же частица, смотря по управлению своему, относится к разным разрядам“.²⁵

Илья Тирханский не дает определения термина كسرة, но обозначает посредством этого термина прежде всего союзы: كذا — „так как“, ثم — „но“, لـ — „именно“, и т. д. Предлоги он выделяет отдельно, обозначая их другим термином: حروف الجر, хотя как часть речи считает относящимися к союзу. Наречие (كسرة حروف الجر или كسرة حروف الخفض) в грамматике Илья Тирханского выделено как отдельная часть речи.

Некоторые виды частиц: كسرة مقارنة — „частицы сравнения“, كسرة توكيد — „звательные частицы“, كسرة اقرار — „утвердительные частицы“ — Илья Тирханский отличает отдельно. В индексе Моберга этих терминов трех видов частиц нет. Возможно, что они имеются только в грамматике нашего автора и впервые выделены именно им.

Термин كسرة далеко не соответствует широкому и многообразному содержанию термина الحروف.

Арабский термин الجزم Илья Тирханский приравняет сирийскому حسمه ازالة, которым обозначается усечение глаголов. Древние арабские грамматикой этим термином обозначали „опущение конечной гласной, выражающее в глаголах несовершенного времени должноствительное наклонение“,²⁶ т. е. то, что в современной арабской грамматике называется условным наклонением, которое „образуется из сослагательного наклонения заменой окончания َ [= гласная а] окончанием ُ [отсутствие гласной], например نستعملُ“.²⁷

Илья Тирханский воспринял это безгласие — сукун, как легкость (كسرة سهولة) для имен и глаголов при усечении, простоту (كسرة بساطة), краткость (كسرة قصر) и т. д., для избежания тяжести слова (كسرة خفة), излишней долготы (كسرة قصر), затруднения в произношении (كسرة سهولة), он называет термином حسمه не безгласие — сукун, но другие процессы, которые происходят с сирийским глаголом при спряжении, образовании несовершенного вида, повелительного наклонения, причастий и их соедине-

²⁴ Гиргас. Очерк, стр. 52.

²⁵ Там же, стр. 78.

²⁶ Там же, стр. 57.

²⁷ Юшманов. Грамматика, стр. 34.

ний с местоимениями, например особенности спряжения глаголов с начальными κ , ν , μ . В глаголах $\kappa\theta\iota\kappa$, $\lambda\iota\kappa$ в 1-м л. несовершенного вида отсекается один κ : $\kappa\theta\iota\kappa$, $\lambda\iota\kappa$, в глаголах $\kappa\theta\iota\mu$ и $\theta\iota\mu$ отсекается ν : $\kappa\theta\iota\mu$ и $\theta\iota\mu$, в глаголах $\nu\kappa\theta\iota$ и $\nu\theta\iota$ отсекается μ , получается $\nu\kappa\theta\iota$ и $\nu\theta\iota$. В повелительном наклонении в этих глаголах отсекается первая коренная: $\kappa\theta\iota$, $\lambda\iota$, $\kappa\theta\iota$, $\mu\theta\iota$, $\nu\theta\iota$. В причастиях пятой породы действительного залога уничтожается один κ , например: $\kappa\theta\iota\kappa\iota$, $\kappa\theta\iota\iota$, $\lambda\iota\kappa\iota$, а при соединении причастия с местоимением 2-го л. уничтожается κ с μ , например, $\theta\iota\mu\kappa\iota$ и $\theta\iota\mu\iota$, $\theta\iota\mu\kappa\iota$ и $\theta\iota\mu\iota$, $\theta\iota\mu\kappa\iota$ и $\theta\iota\mu\iota$, то же в женском роде. Усечением Илья Тирханский объясняет отпадение конечного μ в глаголах прошедшего времени 3-го л. м. р. мн. ч., в результате чего образуются две параллельные формы одного и того же значения, например $\kappa\theta\iota\mu$ и $\kappa\theta\iota\mu$, $\theta\iota\mu$ и $\theta\iota\mu$ и т. д.

Усечение, или сокращение имен — $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$ Илья Тирханский считает соответствующим арабскому الترخيم . Арабские грамматики объясняли, что „облегчением (الترخيم) звательного падежа называется опущение конечного слога имен собственных в воззвании, как يا فاطمة — «О, Фатима!» вместо полной формы فاطمة “.²⁸ Усечением имен ($\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$) Илья Тирханский называет потерю окончания или сокращение слова при образовании абсолютного или сопряженного состояния и различает несколько видов: 1) когда сокращается κ , например: $\kappa\theta\iota\mu$, $\kappa\theta\iota\mu$, $\kappa\theta\iota\mu$ и т. д.; 2) когда сокращается ν , например в слове $\kappa\theta\iota\mu$ → $\kappa\theta\iota\mu$, в слове $\kappa\theta\iota\mu$ → $\kappa\theta\iota\mu$ и т. д.; 3) когда сокращается κ с θ , например в слове $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$ → $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$, $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$ → $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$. Иногда κ остается и сокращается один θ , например в $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$ → $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$; 4) когда сокращается θ при предыдущем ν , как в словах $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$ → $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$, $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$ → $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$. Когда при образовании множественного числа от слова $\kappa\theta\iota\mu$ отбрасывается κ и присоединяются ν и μ , отбрасывание κ Илья Тирханский тоже называет усечением.

Вообще всякое сокращение слова, отбрасывание буквы, ассимиляцию и прочее Илья Тирханский считает $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$, понимая этот термин в буквальном смысле слова и относя его одинаково ко всем частям речи.

Наряду с глаголом $\mu\theta\iota$ в том же значении очень часто употребляется глагол $\mu\theta\iota\theta\iota\kappa$, иногда $\mu\theta\iota$, например $\kappa\theta\iota\mu\kappa\iota$ $\mu\theta\iota$ — „уничтожение буквы.“

²⁸ Гиргас. Очерк, стр. 88.

Таким образом, понятия *جزم* и *ترخيم* Илья Тирханский постарался углубить и расширить с точки зрения применения к сирийскому языку. Меркс²⁹ видит в этом невероятную путаницу и не оправданную ничем смелость при изложении грамматики. Мы считаем, что это вызвано стремлением автора подчинить сирийскую грамматику определенной системе, которая так восхищает его в арабском языке. Положительным результатом можно считать обращение внимания автора еще раз на причины и формы образования явлений, в применении к которым он говорил о понятии усечения. Бар Эбрей, рассматривая явление усечения (сокращения) (*ܩܫܘܿܬܐ*) в применении к глаголам, употребляет термин *ܕܘܿܫܘܿܬܐ* (арабское *جزم*); таким образом, рассмотрение случаев усечения (сокращения) имен и глаголов у Ильи Тирханского является, по-видимому, не таким уж ничем не обоснованным стремлением подражать арабской грамматике, если оно нашло продолжение в труде Бар Эбрея. До Ильи Тирханского понятие усечения (сокращения) имен и глаголов не употреблялось в сирийской грамматике.

Чего достиг Илья Тирханский сопоставлением арабских грамматических терминов с сирийскими, каковы результаты его исследований для развития сирийской грамматической системы? Благодаря сопоставлению арабского термина *جملة* — „предложение“ с сирийскими терминами *ܕܘܿܫܘܿܬܐ*, *ܕܘܿܫܘܿܬܐ*, *ܕܘܿܫܘܿܬܐ*, благодаря знакомству с арабской грамматикой Илья Тирханский указал на 5 видов сирийского предложения, которые до него не были выделены в сирийской грамматике, именно: *ܩܫܘܿܬܐ* — „повествовательное“, *ܕܘܿܫܘܿܬܐ* — „звательное“, *ܩܫܘܿܬܐ* — „повелительное“, *ܕܘܿܫܘܿܬܐ* — „вопросительное“, *ܕܘܿܫܘܿܬܐ* — „желательное“.

Сопоставлением термина *خبر* — „сказуемое именного предложения“ с сирийскими терминами сказуемого — *ܕܘܿܫܘܿܬܐ* и *ܕܘܿܫܘܿܬܐ* он пытался выделить в примерах предложения с именным сказуемым, а в гл. 7 определил совершенно четко один тип именного сказуемого и обозначил его термином *ܕܘܿܫܘܿܬܐ ܕܘܿܫܘܿܬܐ* — „общее сказуемое“.

В результате выделения прилагательного как части речи в сирийском языке, обозначения его специальным термином — *ܕܘܿܫܘܿܬܐ* и сопоставления с арабским термином *نعت* — „прилагательное“ Илья Тирханский сформулировал понятие и образовал термин *ܕܘܿܫܘܿܬܐ ܕܘܿܫܘܿܬܐ* — „определение определения“.

Сопоставляя наречие (*ܕܘܿܫܘܿܬܐ ܕܘܿܫܘܿܬܐ*, *ܕܘܿܫܘܿܬܐ* или *ܕܘܿܫܘܿܬܐ*) с арабским наречием времени и места, Илья Тирханский перевел арабский термин на сирийский буквально: *ܕܘܿܫܘܿܬܐ ܕܘܿܫܘܿܬܐ* — „сосуд времени и места“ и образовал путем перевода с арабского на сирийский самостоятельные термины наречий времени и места: *ܕܘܿܫܘܿܬܐ ܕܘܿܫܘܿܬܐ* — „наречие места“ и *ܕܘܿܫܘܿܬܐ ܕܘܿܫܘܿܬܐ* — „наречие времени“.

²⁹ Merx. Historia, p. 154.

Сравнение остальных арабских терминов: *فاعل* и *مفعول* с *كلام* и *كلام*, *اضافة* с *كلام*, *كلام* с *حال*, *حرف* с *كلام* является простым сопоставлением терминов, ибо по значению арабские термины значительно шире и многообразнее.

Наиболее простым и точным является сравнение терминов определенности и неопределенности, *معرفة* и *نكرة*, с сирийскими терминами *كلام* и *كلام*. Определенность и неопределенность имени в сирийском и в арабском языках выражается во многих случаях идентичными средствами.

В общей сумме терминов, рассмотренных нами, количество терминов, введенных Ильей Тирханским, невелико, они суть: пять видов предложений — *كلام*, *كلام*, *كلام*, *كلام*, *كلام*, общее сказуемое — *كلام*, прилагательное — *كلام*, определение определения — *كلام*, наречие времени и места — *كلام* и *كلام*.

Следует оговориться, что речь шла только о тех сирийских терминах, параллели к которым в арабской грамматике приводит сам Илья Тирханский. Следовательно, данные вновь образованные сирийские термины являются результатом работы Ильи Тирханского над определенными грамматическими понятиями, выбранными им как идентичные и в сирийском, и в арабском языках. Поскольку новый термин вносит и новое грамматическое понятие, для развитой грамматической системы, которую уже имел сирийский язык в XI в., образование данных новых понятий в грамматике Ильи Тирханского является достаточно значительным.

ПЕРЕВОД

С помощью небесного милосердия переписали мы грамматику сирийского языка, составленную католикосом Мар Ильей, патриархом, — да поможет нам его молитва, — прежде чем он был поставлен епископом, чтобы управлять Тирханой.

Господь наш, помоги мне своим милосердием.

Прежде чем начать со святым духом, я посвятил себя исследованию и изучению сирийского и арамейского языков, не по-детски и не попросту, а в доме изучения наук, и просветила меня сила из обширного дома духовных книг. И в грамматике арабского языка провел я (букв.: было у меня) некоторое исследование, и сирийского. Я закончил сам Логику Аристотеля со многими знаниями, после тяжелых трудов и усилий, телесных и духовных. (Эта книга) Органон, т. е. орудие, ведущее к истине и уточнению обстоятельств, как естественных, так и божественных, и тем более — явлений речи и языка. Я вскрыл некоторые правила грамматики греческого языка, хотя я и не сведущ в греческом языке. Но благодаря традиции, которая существует в сирийском языке, и замечаниям тех или иных ученых, которые знали и изучали этот язык, а также через знающих людей — из уст в ухо — я выяснил [все] о правилах греческого языка. Поэтому я счел необходимым написать руководство для начинающих изучение сирийского языка, следуя тем правильным мыслям, которые я установил. Более всего я согласовывал [свои исследования] с [грамматикой] арабского языка, богатого этим искусством.

Я обнаружил и осветил важные понятия, скрытые в сирийском языке, как в том, которым мы говорим обычно и не по правилам, так и в языке книг. То же самое имело место и у арабов, которые ко времени первоначального христианства говорили правильно, без ошибок, потому что они не общались в среде иноязычных [народов] и их языком не овладела порча. Когда же произошло соприкосновение арабов с персами и другими [народами], знающие язык установили некоторые правила для начинающих и читающих, с тем чтобы с их помощью достигнуть точности в этом языке. То же самое относится и к понятиям сирийского языка, которому сирийцы обучаются без всякого труда, так как он дан [им] от природы. Обычно этот язык считается исключительно бедным и незначительным по [количеству] правил, которые ограничиваются объяснением знаков языка. Я же, если ты бу-

дешь судить по работе, осветил силу, скрытую в нем, и написал книгу.

И я предоставляю любителям истины, которые существуют ныне и войдут в этот скоропреходящий мир в будущем, рассеянные и распыленные мысли, которые я соединил и собрал в одно, с тем чтобы мы со всей полнотой могли судить о правилах сирийского языка, о большой выразительности его имен и глаголов, которые даны с древнейших времен. Обдуманно и последовательно добивались и добиваются знания категорий своего языка как древние, так и современные ученые. Таким образом, назначение или цель грамматики — та, чтобы правильно говорить и оформлять [нашу мысль] в речь.

„Имя“ по-гречески — правильность речи, а по-арабски — объяснение, т. е. объяснение действий при посредстве арабского языка. Следовательно, грамматика является, кратко, наукой об изменениях имен, глаголов и фразовых членов какого-нибудь одного языка или [наукой об изменениях], касающихся многих языков, т. е. наукой о правилах различных изменений имен, глаголов и фразовых членов, обозначающих понятия, скрытые в душе человека. Например, я хочу сообщить, что бог создал небо и землю. Поэтому я говорю: $\text{ܕܗܝܘܢܐ ܕܥܡܠܐ ܕܥܠܡܐ ܕܥܠܡܐ}$ ܕܥܠܡܐ ܕܥܠܡܐ — „Вначале сотворил бог небо и землю“ (Бытие I, 1), если бы не эти ударения, а именно ܕܥܠܡܐ и ܕܥܠܡܐ , которые стоят впереди, мы бы не поняли, что бог создал небо и землю. Также и в речи мы не поняли бы этого.

Таким образом, всевозможными разделами и видами пунктуации мы соединяем те или иные виды (понятия) в сирийском языке, который мы готовы истолковать или объяснить с помощью Христа.

Глава первая

Какими признаками (ܕܥܠܡܐ) мы обозначаем деятеля (ܕܥܠܡܐ или ܕܥܠܡܐ) в сирийском языке, ибо в грамматике арабского языка имеется раздел (ܕܥܠܡܐ) о признаках деятелей (ܕܥܠܡܐ) и объектов действия (ܕܥܠܡܐ), т. е. [по-арабски] ܕܥܠܡܐ [فاعل] и ܕܥܠܡܐ [مفعول].

Мы говорим, что признак первый — отличие по существу, т. е. объективная возможность деятеля (ܕܥܠܡܐ) и объекта действия (ܕܥܠܡܐ). Например, когда мы говорим: ܕܥܠܡܐ ܕܥܠܡܐ ܕܥܠܡܐ — „Ябаллаха ест хлеб“, мы понимаем, что Ябаллаха — деятель (ܕܥܠܡܐ), едок, а хлеб — объект действия (ܕܥܠܡܐ), то, что едят. Второй [признак] — присоединение букв, которые называются ܕܥܠܡܐ , а именно ܥ , ܦ , ܕ . Только с помощью ܕܥܠܡܐ мы должны обозначать объект действия (ܕܥܠܡܐ).¹

¹ Bemien (Syrische Grammatik, p. 8 — немецкого перевода) справедливо полагает, что здесь, видимо, ошибка и должно быть ܕܥܠܡܐ , а не ܕܥܠܡܐ . См. начало главы.

например, мы говорим: יוֹסֵף הָיָה אֶבְרָם — „Иосиф родил Ефрема“, и нам понятно, где родивший и где рожденный. Третий [признак] — порядок [слов] и предшествование имен, так как мы постоянно ставим деятеля (עוֹלָם) вначале, а объект действия (עוֹלָם) в конце, как арабы, которые одинаково поступают с несклоняемыми и определенными именами и дают им артикль; поэтому, когда это случается [т. е. когда из порядка слов ясно, где деятель, а где объект действия], мы не нуждаемся в искусстве грамматики. Например, Давид сказал: הָיָה הַשָּׁמַיִם — „Господь сотворил небо“ (Псалмы 86, 5), т. е. [должно было быть] הָיָה. Если же кто-либо скажет, что в арабском и варварском языках очень глупо приставлять к имени הָיָה, чтобы обозначить объект действия (עוֹלָם), мы ответим, что это [правило], невозможное в арабском языке, свойственно сирийскому, не чуждо ему и не необычно.

Поэтому, когда переводчики читают в Евангелии такие слова: .. הָיָה לֵאלֹהֵי אֵל — „Бога не видал никто никогда“ (Иоанн I, 18), [то] по существу обстоятельства они понимают, где деятель (עוֹלָם) и объект действия (עוֹלָם), так же как слова: הָיָה לֵאלֹהֵי אֵל הָיָה — „на нем печать его отца, бога“ [букв.: положил печать свою отец бог]. (Иоанн 6, 27) — скорее всего многие поймут как: הָיָה לֵאלֹהֵי אֵל הָיָה — „Бог создал сына отцу“, другие [же иначе]: הָיָה לֵאלֹהֵי אֵל הָיָה — „Отец создал сына богу“. Это стало возможным потому, что в этих именах не ясно, где деятель (עוֹלָם), а где объект действия (עוֹלָם). Например, Лука сказал: .. הָיָה — „так как многие пожелали написать повествования о событиях, известных между нами“ (Лука 1, 1).

Из предшествования [слова] הָיָה — „многие“ или из существа обстоятельств нам понятно, что они, т. е. הָיָה — „повествования“, были написаны. Мы определяем, что деятель (עוֹלָם) — многие из них (עוֹלָם הָיָה), а повествования (עוֹלָם) — объект действия (עוֹלָם). А если бы он сказал הָיָה с лямедом (עוֹלָם), стало бы еще яснее отношение глагола к деятелю (עוֹלָם) и объекту действия (עוֹלָם). Деятель (עוֹלָם) определяется еще из единственного и множественного чисел глагола мужского или женского рода.

Мудрец сказал: הָיָה הָיָה הָיָה — „И уменьшились грехи родителей“ (Притчи 14, 34). Нам понятно, что грехи их [родителей] уменьшились, т. е. они [грехи] действующие, родители — подвергающиеся действию (עוֹלָם), так как если бы הָיָה — „родители“ были действующие

щими (ܡܚܩܩܝܢ), то он сказал бы: ܡܚܩܩܝܢ — „они уменьшили“. Поэтому комментаторы исправляют ܡܚܩܩܝܢ ܡܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „Уменьшились грехи родителей“, следовательно, нужно читать так, чтобы деятель (ܡܚܩܩܝܢ) был впереди, а объект действия (ܥܘܢܝܢ) за ним.

Апостол сказал: ܡܚܩܩܝܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „Развращают добрые нравы худые сообщества“ (I Коринфянам 15, 33), т. е. сообщества развращают нравы. Мы понимаем это прежде всего из того, что ܡܚܩܩܝܢ указывает на женский род, ܥܘܢܝܢ же, нравы, — мужского рода, следовательно [по согласованию подлежащего и сказуемого в предложении] они, нравы, — подвергающиеся действию (ܡܚܩܩܝܢ). Лучше всего ты определишь это из возможности действия (ܡܚܩܩܝܢ), как мы читали раньше в примере с Моисеем² и хлебом. Не может хлеб есть Моисея, только Моисей может есть хлеб. Мы еще приведем пример на то, когда деятель (ܡܚܩܩܝܢ) стоит впереди, и имя, подвергающееся действию (ܥܘܢܝܢ), не нуждается в лямеде-связке (ܘܢܝܢܝܢܝܢܝܢ).

Например, в законе Моисея мы читаем: ܡܚܩܩܝܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „и прижала ногу Валаамову к стене“ (Числа 22, 25), — т. е.

ослица прижала его ногу, ܥܘܢܝܢ. Подобное этому мы читаем в Евангелии Марка: ܡܚܩܩܝܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „И он пошел, отсек голову Иоанну в темнице“ (Марк 6, 27), именно ܥܘܢܝܢ, — „его голову“, а пошел палач; у Матфея: ܡܚܩܩܝܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „И он послал отсечь Иоанну голову“ (Матфей 14, 10), т. е. Ирод. У Павла мы читаем, что „господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил“ (I Коринфянам 11, 23 сл.), а также взял чашу и сказал: ܡܚܩܩܝܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию“ (I Коринфянам 11, 26).

Заметьте, что деятель (ܡܚܩܩܝܢ) предшествует и ܥܘܢܝܢ не присоединен к объекту действия (ܥܘܢܝܢ), потому что хлеб не может быть тем, кто ест, а только тем, что едят. Так же в том предложении, которое мы читаем во Второзаконии: ܡܚܩܩܝܢ ܥܘܢܝܢ ܥܘܢܝܢ — „Я бросил прах сей в поток, текущий с горы“ (Второзаконие 9, 21), т. е. я бросил прах, ܥܘܢܝܢ. Я дам всем общее правило: когда местоименный суффикс ܢ [присоединяется к имени, например] ܥܘܢܝܢ — „его голова“, где ܥܘܢܝܢ — имя, ܢ — местоименный суффикс [и к глаголу, например ܡܚܩܩܝܢ, где ܡܚܩܩܝܢ — глагол, ܢ — местоименный суффикс, именно]:

² Т. е. Яблаллахой. См.: *Syrische Grammatik*, p. 10, Nota 1 — немецкого перевода.

ܡܠܝܝܢܐ ܡܡܘܨܐ — „Он отсек его голову“, $\text{ܡܠܝܝܢܐ ܐܢܗܝ ܡܨܝܒܐ ܠܦܨܝܘܬܐ}$ — „Она прижала его ногу“, ܡܨܝܒܐ ܡܡܘܨܐ — „Я бросил прах сей“, — всякий раз [следует] отбрасывать три ܡ , которые стоят в конце этих глаголов; полученное предложение будет очень красиво. Или иначе: когда ты присоединяешь к глаголу ܡ , присоединяя к имени ܐ , чтобы получить предложение, например ܡܠܝܝܢܐ ܡܡܘܨܐ — „Он отсек его голову“, и т. д.; ܡ отбрасывается от этих глаголов следующим образом: ܡܠܝܝܢܐ ܡܡܘܨܐ ܝܬܠܐ — „И он послал отсечь его голову“, ܡܨܝܒܐ ܡܡܘܨܐ ܫܘܒܠܐ — „Я бросил прах сей в поток“, ܡܠܝܝܢܐ ܐܢܗܝ ܡܨܝܒܐ — „Она прижала его ногу“. В Евангелии Луки есть такое предложение: $\text{ܡܢ ܗܝܘܢܐ ܕܥܝܢܐ ܕܝܗܘܐ ܠܝ ܡܨܝܒܐ ܠܦܨܝܘܬܐ ܕܝܗܘܐ ܠܝ ܡܨܝܒܐ}$ — „А она с тех пор, как я пришел, не перестает целовать мои ноги“ (Лука 7, 45). „Ноги“ (ܦܝܝܢܐ) — объект действия (ܡܨܝܒܐ), то, чем управляет [инфинитив] ܡܨܝܒܐ , именно: „Она не перестает целовать мои ноги“, [действующее лицо] — только женщина, та, которая целует, ноги не могут делать этого. [Форма слова] ܡܨܝܒܐ , которая указывает на женский род единственного числа, также устранила бы возможность ошибки. Подобное же предложение в книге Иова: $\text{ܕܡܨܝܒܐ ܠܝ ܦܝܢܐ ܕܝܗܘܐ ܠܝ ܡܨܝܒܐ}$ — „Целовала ли рука моя уста мои?“ (Иов 31, 27). Комментаторы же исправляют [предложение, исходя] из возможности действия, [указывая], что нужно читать: $\text{ܕܡܨܝܒܐ ܠܝ ܦܝܢܐ ܕܝܗܘܐ ܠܝ ܡܨܝܒܐ}$ — „Целовали ли уста мои руку мою“. Таким образом будет разумно, не соответствует же [здравому] смыслу, чтобы рука целовала уста, [должно быть] наоборот.

Глава вторая

Следует знать, что имена в сирийском языке несклоняемы и постоянны, [они] изменяются не как в греческом языке, а при помощи падежных (букв) (ܡܨܝܒܐ ܡܡܘܨܐ), которые присоединяются в начале и конце [имен]. Поэтому сущность мыслей легко постигают те, которые привыкли говорить правильно. У греков пять падежей (ܡܨܝܒܐ ܡܡܘܨܐ) или, как [говорят] другие, четыре. Три [падежа] — в арабских именах. Мы присоединяем к сирийским именам три буквы, которые называются ܡܨܝܒܐ , именно ܡ , ܦ , ܐ , от них немалая польза для понимания сирийского языка. Необходимо знать, что падежи (ܡܨܝܒܐ ܡܡܘܨܐ), которые в греческом языке называются винительным (ܡܨܝܒܐ ܡܡܘܨܐ) и дательным (ܡܨܝܒܐ ܡܡܘܨܐ), мы различаем следующим образом: винительный падеж — когда один человек веряет другому что-нибудь свое, [например] какое-нибудь ученье и здоровье, дательный падеж — когда он отдает несущественное, приобретенное, как [например] орудие, книгу, меч. Арабы получающих [ученье, здоровье, орудие и т. д.] обоих этих видов [падежей] называют объек-

тами действия (כִּי־עָשָׂה). Сирийцы различают [эти падежи] благодаря знакам [буквам] (כִּי־עָשָׂה), о которых было сказано вначале, не изменяя гласные в конце имен получающих (объектов действия).

Глава третья

Вопрос: по каким знакам [буквам, ударениям и т. д.] (כִּי־עָשָׂה) и признакам определяется объект действия (כִּי־עָשָׂה עָשָׂה), [если] деятель (עָשָׂה) не упомянут вместе с ним?

Ответ: мы говорим, что имена не подвергаются изменению, если мысли соединены [в предложения]. Когда мы устанавливаем объект действия (כִּי־עָשָׂה) при помощи глагола, указывающего на действие, мы отличаем объект действия, [если деятель не упомянут вместе с ним] (עָשָׂה), и достаточно. Нам не нужно никакого изменения [гласных] имени, как принято у арабов.

Например, мы говорим: עָשָׂה נֹחַ — „Ной был разбит“. Достаточно изменения глагола, чтобы обозначить, что Ной — [объект, испытывающий] удары. То же можно сказать о [следующих] действиях: עָשָׂה סֵפֶר — „Книга написана“, עָשָׂה דָבָר — „Дело сделано“, עָשָׂה חֵן — „Победа одержана“. У арабов есть обычай: [имена] места и времени ставить в качестве объектов действия. Мы же, сирийцы, обозначаем их с помощью аффиксов (כִּי־עָשָׂה). [Имя] места [мы обозначаем] с помощью связки עָשָׂה, например говорим: עָשָׂה יֵשׁוּעַ — „Иисус вошел в дом“, עָשָׂה שִׁמְעוֹן — „Симеон вошел во двор“, עָשָׂה יְהוָה — „Поднялся господь наш на корабль“. [Если мы хотим обозначить] время, не присоединяя עָשָׂה, мы можем сказать: עָשָׂה יוֹם — „Такой-то шел долгое время“, עָשָׂה יוֹם — „Иисус призывал один день“, עָשָׂה שָׁעָה — „Иосиф молился один час“.

Глава четвертая

Вопрос: по каким правилам в сравнении с арабами сирийцы присоединяют имена друг к другу?

Ответ: что имя присоединено к другому становится ясным благодаря присоединению связки עָשָׂה (עָשָׂה עָשָׂה) или частицы (כִּי־עָשָׂה). Арабы называют это عَظْمٌ كَذَا، например עָשָׂה עָשָׂה — „город такого-то“, עָשָׂה עָשָׂה — „дом такого-то“. Если ты пожелаешь поставить [первое имя] с כִּי или עָשָׂה [на конце], не будет никакой разницы: עָשָׂה עָשָׂה — „книга Моисея“, עָשָׂה עָשָׂה — „лагерь Израиля“, עָשָׂה עָשָׂה — „бог Иакова“.

Правило второе: [присоединение имен происходит] благодаря усечению (כפפה) от имени אֵלֶּךָ или „, который присоединяется к последнему אֵלֶּךָ, например: כְּסוּסוֹתַי הַיְּבֵנִים — „римский город“, אֶלֶּךָ הַבַּיִת — „дом такого“, כְּסוּסֵי מֹשֶׁה — „книга Моисея“, אֶלֶּךָ הַיְּבֵנִים — „лагерь Моисея“, אֶלֶּךָ יַאֲקֹב — „рука Иакова“, אֶלֶּךָ יוֹסֵף — „нога Иосифа“.

Так же во множественном числе: עֵינֵי הַיְּהוָה — „глаза нашего господина“, אֶלֶּךָ הַיְּבֵנִים — „ноги такого-то“, אֶלֶּךָ הַיְּבֵנִים — „книги такого-то“. , [отсекается] следующим образом: אֶלֶּךָ [из אֶלֶּךָ; например] אֶלֶּךָ אֶלֶּךָ — „господин дома“. В священном писании мы имеем следующие примеры: אֱלֹהֵי אֱלֹהִים — „бог богов“ (Псалмы 49, 1), אֶלֶּךָ הַיְּבֵנִים — „величайший из фараонов“, אֶלֶּךָ הַיְּבֵנִים — „город святости“, אֶלֶּךָ הַיְּבֵנִים — „раб царя“, אֶלֶּךָ הַיְּבֵנִים — „царь царей“.

Глава пятая

Вопрос: есть ли в сирийском языке усечение (כפפה) глаголов, которое арабы называют كسب, и если есть, к каким глаголам относится и как [происходит]?

Ответ: усечение касается глаголов в будущем времени (אֶלֶּךָ אֶלֶּךָ), согласно правилу арабов. Оно бывает 2 видов, но не по методу арабов, т. е. или усечением согласной (אֶלֶּךָ אֶלֶּךָ) в начале, которая обозначала бы время глагола, или отбрасыванием (אֶלֶּךָ אֶלֶּךָ) гласной (אֶלֶּךָ אֶלֶּךָ). Усечение относится не ко всякому глаголу в будущем времени, а к тем глаголам, которые имеют в начале א, , или א. Например, в [следующих] глаголах в будущем времени: אֶלֶּךָ — „Он пошел“; если говорить о себе אֶלֶּךָ — „Я пойду“ [אֶלֶּךָ — „Он пошел“, אֶלֶּךָ — „Я пойду“]. Следовательно, от глагола отсекается א. Поэтому, если кто-нибудь скажет: אֶלֶּךָ — „Он сделал“, то для 1-го л. нужно образовать форму אֶלֶּךָ אֶלֶּךָ — „Я сделаю хлеб“. Также от глагола אֶלֶּךָ — „Он сказал“ [первое лицо] אֶלֶּךָ — „Я скажу“. , [отбрасывается] в глаголе אֶלֶּךָ в будущем времени в 3-м и 1-м л. мн. ч.: אֶלֶּךָ — „Мы знаем“. , отбрасывается от глагола следующим образом: [в глаголе] אֶלֶּךָ — „Он взял“, אֶלֶּךָ — „Он возьмет“, אֶלֶּךָ — „Он сидел“, אֶלֶּךָ — „Он сядет“; אֶלֶּךָ следующим образом: אֶלֶּךָ — „Он возьмет“, אֶלֶּךָ — „Он взял“, אֶלֶּךָ — „Он присоединит“, אֶלֶּךָ — „Он присоединил“, אֶלֶּךָ — „Он упадет“, אֶלֶּךָ — „Он упал“, אֶלֶּךָ — „Он принесет“, אֶלֶּךָ — „Он принес“,

יִּי — „Он разгнева^{ет}ся“, יָיָ — „Он разгнева^лся“, יָיָ (אֵ) — „Он оставит“, יָיָ — „Он оставил“, יָיָ — „Он оставляет“, יָיָ — „Я оставляю“. Эти три буквы, י, ו, и א, отсекаются, когда глаголы [стоят] в повелительном наклонении. Например, [глаголы] יָיָ, יָיָ — „Он шел“, יָיָ — „Он знал“, יָיָ — „Он дал“, יָיָ — „Он вышел“, יָיָ — „Он упал“, יָיָ — „Он взял“ в повелительном наклонении произносятся нами так: יָיָ, יָיָ, יָיָ, יָיָ, יָיָ, יָיָ.

Знай, что усечение является обычным для гласных букв и больше относится к глаголам в настоящем времени (וּבְהַיְהוּדָה). Например [в глаголах] יָיָ — „Он бросил“, יָיָ — „Он сделал“ и יָיָ — „Он велел освободить“ (усекается י при образовании причастий действительного залога) — יָיָ — „бросающий“, יָיָ — „делающий“ и יָיָ — „освобождающий“. Это первый вид усечения — уничтожение буквы. Отбрасывание гласной относится только к глаголам в настоящем времени. Например, в [форме] יָיָ — „Ты открываешь“, с יָיָ над יָיָ, мы отбрасываем одну из гласных [гласную י + א местоимения] и проносим יָיָ, т. е. без יָיָ над יָיָ. Так же יָיָ — „ты наполняешь“ → יָיָ, יָיָ — „ты благословляешь“ → יָיָ [где] гласная отбрасывается от יָיָ. [Это правило относится и к глаголам] 2-го л. ж. р. ед. ч., например, [вместо] יָיָ — „Ты [ж. р.] открываешь“ мы говорим יָיָ, [вместо] יָיָ — „Ты [ж. р.] наполняешь“ → יָיָ, [вместо] יָיָ — „ты [ж. р.] благословляешь“ → יָיָ. При усечении произношение глаголов мужского рода не отличается от [произношения] глаголов женского рода.

[Усечение] происходит еще у глаголов в прошедшем времени в 3-м л. м. р. мн. ч., например: יָיָ, [после усечения] יָיָ — „Они сделали“, יָיָ, [после усечения] יָיָ — „Они провозгласили“; [затем] в глаголах повелительного наклонения этого же лица: יָיָ — „молитесь“, [после усечения] יָיָ, יָיָ — „садитесь“, [после усечения] יָיָ. יָיָ — „делайте“, [после усечения] יָיָ; во всех глаголах множественного числа женского рода изъявительного наклонения: יָיָ [и] יָיָ — „Они пришли“, יָיָ и יָיָ — „Они слушали“, יָיָ и יָיָ — „Они сделали“ [и т. д.].

Глава шестая

Вопрос: есть ли в сирийском языке усечение имен, как в арабском, в котором оно называется **كسر الاسم** [الترخيم]?

Ответ: есть, и более обычно [сирийскому языку, чем] арабскому, потому что в арабском оно относится [только] к [некоторым] именам в звательной форме, а в сирийском языке ко всем именам, но не одного вида и [происходит] не по одному правилу. Усечение бывает у имен, подобных [тем], которые мы приводим: **ܐܒܝܐ** → **ܐܒܝ** — „муж“, **ܐܪܥܐ** → **ܐܪܥܐ** — „земля“, **ܐܢܫܐ** → **ܐܢܫܐ** — „человек“, **ܒܝܬܐ** → **ܒܝܬܐ** — „дом“.

Тебе следует знать, что в усеченных именах необходимо менять вокализацию, как в глаголах. И знай, что каждое имя в сирийском языке на конце имеет **ܐܪܥܐ**, нет имени, которое не имело бы **ܐܪܥܐ** на конце, например: **ܫܡܝܐ** — „небо“, **ܐܪܥܐ** — „земля“, **ܐܠܗܐ** — „бог“, **ܐܢܫܐ** — „человек“, **ܐܒܝܐ** — „муж“, **ܐܫܘܪܐ** — „лошадь“, **ܥܠܡܐ** — „мир“, **ܐܝܠܐ** — „лев“, **ܐܫܘܪܐ** — „животное“, **ܐܫܘܪܐ** — „женщина“, **ܐܫܘܪܐ** — „девушка“ и т. д.

Существует три вида имен, в которых происходит усечение.

Первый: тот, в котором к [имени] с последним **ܐܪܥܐ** не присоединяются ни **ܐܠܐ**, ни **ܐܪܥܐ**, например: **ܐܒܝܐ** — „муж“, **ܐܪܥܐ** — „земля“, **ܐܫܘܪܐ** — „книга“.

Второй: тот, в котором к **ܐܪܥܐ**, стоящему в конце [имени], присоединяется **ܐܠܐ**, например: **ܐܒܝܐ** — „избранник“, **ܐܢܫܐ** — „господин“, **ܐܫܘܪܐ** — „чистый“.

Третий: к **ܐܪܥܐ**, [стоящему на конце слова], присоединяется **ܐܫܘܪܐ**, например: **ܐܫܘܪܐ** — „форма“, **ܐܫܘܪܐ** — „явление“. В первом [виде], например: **ܐܒܝܐ** — „муж“, **ܐܪܥܐ** — „земля“, **ܐܫܘܪܐ** — „дело“, **ܐܠܐ** — „голова“, **ܐܠܐ** — „глаз“ — усечению [подвергается] **ܐܪܥܐ**: **ܐܒܝܐ**, **ܐܪܥܐ**, **ܐܫܘܪܐ**, **ܐܠܐ**.

Во втором виде усечению подвергается **ܐܠܐ**; вместо **ܐܒܝܐ** говорят **ܐܒܝܐ** — „избранник“, [то же самое с] **ܐܫܘܪܐ** — „чистый“, **ܐܢܫܐ** — „господин“.

В третьем виде от имени отбрасывается **ܐܫܘܪܐ** с **ܐܪܥܐ**, [вместо] **ܐܫܘܪܐ** — „свидетельство“ говорят **ܐܠܐ**, [так же как] **ܐܠܐ** — „просьба“, **ܐܠܐ** — „дом“ [? **ܐܫܘܪܐ**].

В этом виде **ܐܪܥܐ** иногда сохраняется, а **ܐܫܘܪܐ** отбрасывается, например: **ܐܫܘܪܐ** — „город“ — **ܐܫܘܪܐ**; **ܐܫܘܪܐ** — „корабль“ — **ܐܫܘܪܐ**.

Наконец, четвертый вид, когда к **ܐܫܘܪܐ** присоединен **ܐܠܐ**, например, вместо **ܐܫܘܪܐ** — „явление“ — **ܐܠܐ**; вместо **ܐܫܘܪܐ** — „препятствие“ — **ܐܠܐ**; вместо **ܐܫܘܪܐ** — „деревня“ — **ܐܠܐ**.

Тебе следует знать, что, когда в середине имен стоят три гласные буквы, присоединены ли они в конце [имен], перед согласными буквами,

или находятся в [самой] -середине, вид усечения этих имен отличается от [усечения] остальных. Объяснение, необходимое [для понимания] этих различий, было бы очень длинным.

Глава седьмая

Вопрос: в каких предложениях (כִּי־כֵן) грамматики употребляют усечение имен?

Ответ: во всех предложениях, которые только есть, т. е. в предложениях всех видов: звательном ([כֹּה־יָדָע]), вопросительном ([כִּי־כֵן־יָדָע]), повелительном ([כִּי־תָאֲמַר]), желательном ([כִּי־יִשְׁׁרַח], повествовательном ([כֹּה־יָדָע]).

Тебе следует знать, что [усечение] употребляется в сопряженном состоянии. Когда אֶחָד присоединяется к אֶלֶּךָ [и предшествует ему, усечение] происходит иначе, чем в остальных именах. Например, когда имена: אֶחָד־אֶלֶּךָ — „явление“, אֶחָד־אֶתְּמַר — „свидетельство“, אֶחָד־בַּיִת — „дом“, אֶחָד־בְּיָרֵךְ — „город“, אֶחָד־בְּרִשְׁתְּךָ — „просьба“ — мы произносим [рядом] с другим именем, мы говорим: אֶחָד־אֶתְּמַר, אֶתְּמַר, אֶחָד־בְּיָרֵךְ, אֶתְּמַר, אֶחָד־בַּיִת, соединяя их [в сопряженном состоянии] следующим образом: אֶחָד־בַּיִת — „такой-то дом“, אֶתְּמַר אֶחָד־בְּיָרֵךְ — „солнечный город“, אֶתְּמַר אֶחָד־בַּיִת — „явление нашего господа“, אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „правдивое свидетельство“, אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „просьба твоего почитателя“.

В остальных именах оба вида (сопряженное и неопределенное состояния) не различаются: אֶתְּמַר и אֶתְּמַר — „владелец“, אֶתְּמַר и אֶתְּמַר — „муж“, אֶתְּמַר и אֶתְּמַר — „человек“. Соединяем [их] таким образом: אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „доверенный“, אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „осуждающий, обвиняющий человек“. Причина того, что в этих именах сокращаются две буквы, а именно אֶחָד и אֶלֶּךָ, в том, что אֶחָד и אֶתְּמַר, которые мы оставляем, являются гласными. Поэтому нам достаточно их для озвученного произношения (אֶתְּמַר אֶתְּמַר), например אֶתְּמַר — „свидетельство“, אֶתְּמַר — „просьба“, אֶתְּמַר — „препятствие“, אֶתְּמַר — „явление“.

Мы употребляем усечение и тогда, когда хотим указать на действие, в котором есть общее сказуемое (אֶתְּמַר אֶתְּמַר), например: אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „всякий человек лжив“ (К римлянам 3, 4); אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „Каждый христианин — сильный человек“, אֶתְּמַר אֶתְּמַר — „Всякому мужу глава Христос“ (I Коринфянам 11, 3) и другие, подобные этим.

Глава восьмая

Вопрос: для чего все же мы употребляем усечение имен и глаголов?

Ответ: для простоты (קלה), и легкости (קלילות) имен, например, [сказать] כל עיר — „каждый город“ легче, чем עירי כל, также [сказать] אי — „муж“ проще, [чем] אי, и עירי עיר — „солнечный город“ легче, чем עירי עיר. В глаголах [усечение употребляется] для той же простоты; например, вместо יצא — „Он выйдет“, мы говорим יצא — „выходи“, [вместо] ייקח — „Он возьмет“, יקח — „возьми“. Иногда же [усечение употребляется] потому, что глаголы можно произнести только в сокращенном виде, например, [повелительное наклонение от глагола] הלך — „Он шел“, הלו — „иди“, [причастие 5-й породы глагола], הלוך — הלכו — „ведущий“, [несовершенное время 3-го л. ед. ч. и 1-е л. мн. ч. глагола] לקח („Он взял“) — לקחי. Я сократил один ו и гласную слога на месте второго ו. Поэтому в древних рукописях может быть יקח вместо יקח — „Он забьет ключом“; יקח вместо יקח — „Он проснется“; יקח вместо יקח — „рассветет“. [Повелительное наклонение глагола] לקח — „Он взял“ — לקח, [несовершенное время] — לקח. Также глаголы הלך וקח и הלך וקח, [о которых упоминалось выше], для краткости и устранения тяжести [звучат] וקח — „Ты открываешь“ (м. р.), וקח — „Ты открываешь“ (ж. р.).

Глава девятая

В именах множественного числа также есть усечение. Если [имя в единственном числе кончается на] ל без , ו и ו, [то во множественном числе усекается ל] и к имени присоединяются , ו, например: אבות — „мужи“, אבות — „рабы“, אבות — „милостивые“.

Если же [в имени в единственном числе алефу предшествуют] ו и ו, [то во множественном числе усекаются ל, ו], присоединяется ו, и достаточно; например: אבות — „свидетельства“, אבות — „просьбы“.

Когда [в имени в единственном числе алефу предшествуют] , ו, ו, [множественное число образуется] так же, как в [слове] אבות — „указание“ [אבות], и во всех именах, подобных ему. Если же [в имени] алефу предшествует , соединенный с ним, [например] אבות — „чистый“, אבות — „избранный“ [то множественное число — אבות, אבות].

Нужно знать, что каждое имя, множественное число которого имеет два אבות над ו и ו, мы сокращаем таким образом: אבות → אבות — „реки“, אבות → אבות — „свидетельства“, אבות →

(ее =) одежду“, **ܠܡܘܨܐ ܠܡܘܨܐ** — „он разрубил (его =) ствол дерева“, то эти имена в предложении определенные без всякого сомнения. Сразу известно, какой это дом или город, корабль, гора, ствол дерева, одежда.

Глава двенадцатая

Почему союзы и остальные [частицы] не управляют именами и глаголами, а буквы, именно **ܐ, ܐ, ܐ, ܐ**, управляют именами и прочими [частями речи]. [Например:] **ܕܘܡܐ** — „дом“, **ܕܘܒܐ** — „муж“, **ܕܘܡܝܢܐ** — „суд“, **ܕܘܠܠܐ** — „корона“, **ܕܘܠܡܢܐ** — „ученик“ и **ܕܘܡܝܢܐ** — „Он строит“, **ܕܘܡܝܢܐ** — „Он судит“, **ܕܘܠܠܐ** — „Он совершает“, **ܕܘܠܡܢܐ** — „Он учит“. Когда в этих именах и глаголах начальные буквы, иначе префиксы (**ܕܘܠܡܢܐ**), произносятся твердо, они получают мягкое произношение, если к ним присоединяются четыре буквы, упомянутые выше. [Эти буквы] управляют не только именами и глаголами, но и [всеми] семью частями речи. Когда эти четыре буквы не присоединены, [слова] не изменяются. Действительно, мы ничего не изменяем в словах ни с **ܕܘܡܝܢܐ**, ни с **ܕܘܠܡܢܐ**, ни с **ܕܘܡܝܢܐ**, **ܕܘܠܠܐ** и **ܕܘܠܡܢܐ**, они устанавливают конструкцию [предложения], не больше.³ Это [для того], чтобы отличать буквы [**ܕܘܠܡܢܐ**], которые могут произноситься с придыханием или без придыхания, от букв, не имеющих этого свойства (**ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ**) и не изменяемых (**ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ**), чтобы знать, что [эти] четыре буквы [**ܐ, ܐ, ܐ, ܐ**] присоединенные дают определенный смысл словам и предложениям и разумно приняты в сирийском языке.

Глава тринадцатая

О качестве [качественном определении глагольного действия при помощи наречия] (**ܕܘܠܡܢܐ**), которое арабы называют **ܕܘܠܡܢܐ** [**الحال**], и о сказуемом (**ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ** или **ܕܘܠܡܢܐ**), которое арабы называют **ܕܘܠܡܢܐ** [**الخبر**], которые нужно определить, а также об определяющем прилагательном (**ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ**), которое арабы называют **ܕܘܠܡܢܐ** [**النعت**]

Все эти [понятия] известны сирийцам. Они [т. е. качественное определение, сказуемое, определяющее прилагательное] не нуждаются в изменении вокализации, например: **ܕܘܠܡܢܐ ܕܘܠܡܢܐ** — „Такой-то оратор“,

³ *Bertram (Syrische Grammatik, p. 15, Nota 2) предлагает читать вместо ܕܘܠܡܢܐ — „конструкция, композиция“, ܕܘܠܡܢܐ — „смягчение“. Но ܕܘܠܡܢܐ и ܕܘܠܡܢܐ обозначают гласные в сирийском языке. ܕܘܠܡܢܐ и ܕܘܠܡܢܐ — знаки пунктуации. Они никак не влияют на мягкое или твердое произношение звуков, поэтому мы считаем, что в тексте ошибки нет и нужно читать не ܕܘܠܡܢܐ, а ܕܘܠܡܢܐ.*

קִיפֵּיז אַמֵּל — „Иосиф прекрасный“, מוֹיִשֵׁיז דִּמְלֵכָה קַלֵּל — „Моисей — мягко правящий“, קֹהֵן כִּמְחָה קִיפֵּיז — „Иеремия был священником“. Если мы поставим имена [подлежащие] в конце, мы получим такой смысл: קַלֵּל קֹהֵן אֲדִמְרָה מוֹיִשֵׁיז — „Кротким был Моисей“, אַמֵּל ק(א)וֹן קִיפֵּיז — „Прекрасным был Иосиф“, קַלֵּל קַלֵּל — „Пророчествующий — Исая“. יָדָבֵר יְהוֹנָדָב — „Поющий псалмы Давид“, קַלֵּל מוֹיִשֵׁיז דִּמְלֵכָה — „Славно правящий — Моисей“, קֹהֵן כִּמְחָה קִיפֵּיז — „Священником был Иеремия“. Мы только присоединяем к имени, [когда оно впереди, ударение] קַלֵּל.

Когда [определяемым] именам предшествуют качество [качественное определение], сказуемое и определяющее прилагательное, предложение читается с קַלֵּל, קַלֵּל отбрасывается. דִּמְלֵכָה — „славно“, דִּמְלֵכָה — „мягко“ и остальные, подобные им, — [имена] качества; קַלֵּל — „пророчествующий“ и остальные [подобные] — сказуемые; כִּמְחָה — „священник“, קַלֵּל — „мягкий“ и остальные, [подобные им], — определяющие прилагательные, согласно Аристотелю.

Когда определяющее прилагательное стоит впереди, предложение (קִיפֵּיז אַמֵּל) читается с קַלֵּל. Например, мы читаем у Иоанна: קֹהֵן יְהוָה אֱמֵן קַלֵּל — „Дух есть бог“ (Иоанн 4, 24), где קֹהֵן — имя, קַלֵּל — определяющее прилагательное. Если бы мы поставили впереди имя, мы прочитали бы таким образом: אֱמֵן קַלֵּל יְהוָה קֹהֵן („Бог есть дух“), т. е. с קֹהֵן и קַלֵּל. И далее, мы читаем в Ветхом завете: קֹהֵן אֱמֵן יְהוָה יְהוָה קַלֵּל — „Бог наш есть огонь поедающий“ (Второзаконие 4, 24), где קֹהֵן — имя, קֹהֵן יְהוָה — определяющее прилагательное. У Даниила читаем подобное же: קַלֵּל מֶלֶךְ יְהוּדָה — „Иудеем сделался царь“ (Даниил 14, 28), у апостола: [קַלֵּל] מֶלֶךְ יְהוּדָה אֱמֵן קַלֵּל — „Павел, раб Иисуса Христа“ (К римлянам 1, 1), где [קַלֵּל] — имя, קַלֵּל — определяющее прилагательное; в деянии апостолов: יְהוָה קֹהֵן קַלֵּל — „пророком же будучи“ (Деяния апостолов 2, 30), где קַלֵּל — определяющее прилагательное, קֹהֵן („он был“) — местоимение, которое обозначает Давида; так что предложение таково: יְהוָה יְהוָה קֹהֵן קַלֵּל — „будучи же пророком, Давид“.

Повествование имеет много или мало ударений в зависимости от долготы и краткости мыслей речи, [выраженных в форме] предложения или фразового члена. Читаем ли мы с קַלֵּל или с קַלֵּל, ⁴ קַלֵּל

⁴ Или с קַלֵּל — по Бар Зоби. См.: Syrische Grammatik, p. 23, Nota 2 — немецкого перевода.

присоединяется к трем знакам препинания, которые ставятся в предложении и фразовых членах соответственно мысли, направляющей человека. Имеются в виду не те точки (כְּחֵצֵי־הַדָּבָר), которые ставятся при именах и глаголах [т. е. гласные], а [те, которые ставятся в] предложениях и фразовых членах, [т. е. ударения]. В греческом и арабском языках точки (כְּחֵצֵי־הַדָּבָר) ставятся только при именах; в арабском языке — еще при глаголах. Имя качества присоединяется [к другому слову] как определяющее прилагательное. Если оно предшествует имени и сказуемому, предложение читается с קראם, например: מַלְאָכָא דִּכְרִילְכֹן כִּי־נָתַן מַלְאָכָא, — „Точнее объяснили ему путь Господень“ (Деяния апостолов 18, 26). Если бы предшествовало [слово] אֲלֵאָנִי, было бы так: דִּכְרִילְכֹן כִּי־נָתַן מַלְאָכָא מַלְאָכָא — „Они объяснили ему господнюю дорогу точнее“.

В деяниях апостолов мы читаем: יָד דְּחִידְרָא דִּכְרִילְכֹן כִּי־נָתַן אֵיבָא, יִדְבָּא אֲחִירָא — „Посему я, когда послали за мной, беспрекословно пришел“ (Деяния апостолов 10, 29), иначе: דְּחִידְרָא, יִדְבָּא אֲחִירָא יָד דִּכְרִילְכֹן — „Когда послали за мной, я пришел беспрекословно“, и еще: דִּכְרִילְכֹן אֵיבָא אֲחִירָא אֵיבָא אֲחִירָא דְּחִידְרָא דִּכְרִילְכֹן אֵיבָא אֲחִירָא — „и приказавши темничному стражу стеречь их крепко“ (Деяния апостолов 16, 23), или иначе: אֵיבָא אֲחִירָא דִּכְרִילְכֹן אֵיבָא אֲחִירָא דְּחִידְרָא דִּכְרִילְכֹן — „и приказавши темничному стражу крепко стеречь их“.

Из апостола: דִּכְרִילְכֹן אֵיבָא אֲחִירָא אֵיבָא אֲחִירָא אֵיבָא אֲחִירָא — „О, если бы вы были снисходительны ко мне, потому что я говорю неразумно“ (II Коринфянам 11, 1), иначе: אֲחִירָא אֵיבָא אֲחִירָא אֵיבָא אֲחִירָא אֵיבָא אֲחִירָא דִּכְרִילְכֹן — „О, если бы вы были снисходительны ко мне, потому что неразумно я говорю“.

Относится к этой же главе.

Иначе: есть ли примеры на имена, определяющие прилагательные, [имена] качества, сказуемые?

Ответ: имена следующие: כִּיבָא — „муж“, קראם — „лошадь“, קראב — „человек“; определяющие прилагательные: קרא — „правильный“, קרא.תי — „справедливый“, קראב — „превосходный“, קראב — „хороший“, קראב — „нечестный“, קראב — „мудрый“, קראב — „глупый“, קראב — „праведный“, קראב — „живый“; определение определений (קראב קראב): קראב קראב קראב — „человек свидетельствующий — праведный“; [имя] качества (קרא, т. е. קראב.קרא): קראב — „правильно“, קראב.תי — „справедливо“, קראב — „верно“, קראב.קרא — „истинно“; сказуемое: קראב — „он говорил“, קראב — „он сделал“, קראב — „он был“, קראב — „он написал“.

Четвертая [форма]: $\text{רַחֵם רַחֵם לֵךְ יִרְחַם}$ — „Рассерди эту женщину“. [Глаголы] יִרְחַם — „рассерди“, $\text{שָׁמַע$ — „послушай“, אָהַב — „полюби“, во множественном числе יִרְחַם , שָׁמַעְתֶּם , אָהַבְתֶּם , в изъявительном и повелительном наклонениях читаются одинаково. Неправильно делают [восточные] сирийцы, которые говорят только שָׁמַעְתֶּם или אָהַבְתֶּם , если они употребляют [глагол] в повелительном наклонении. Чтобы отличить глагол, стоящий в повелительном наклонении, от [глаголов в] изъявительном, нужно говорить: $\text{שָׁמַעְתֶּם יִרְחַם}$, $\text{אָהַבְתֶּם יִרְחַם}$, $\text{שָׁמַעְתֶּם יִרְחַם}$.

Пятая [форма]: в глаголах קָדַשׁ — „освятить“, בָּרַךְ — „благослови“, [во множественном числе] קָדַשׁוּ , בָּרַכּוּ [с местоименным суффиксом] שָׁמַעְתֶּם , אָהַבְתֶּם , קָדַשׁוּ יִרְחַם [формы] повелительного и изъявительного наклонений одинаковы. Также в священном писании мы читаем: $\text{שָׁמַעְתֶּם וְשָׁמַעְתֶּם יִרְחַם}$ — „Прославляйте и воспевайте его“, но в повелительном наклонении нужно произносить $\text{שָׁמַעְתֶּם יִרְחַם}$, [так же как] $\text{אָהַבְתֶּם יִרְחַם}$ и קָדַשׁוּ יִרְחַם .

Шестая [форма]: רָאָה יִרְאָה — „возвысь“, פָּחַד יִפְחַד — „испугай“, [во множественном числе] רָאָה יִרְאָה , פָּחַד יִפְחַד , в повелительном и изъявительном наклонениях читаются одинаково. Если ты хочешь различить их, скажи: $\text{רָאָה יִרְאָה יִרְאָה}$, $\text{פָּחַד יִפְחַד יִפְחַד}$ — это собственно [формы] повелительного наклонения.

Седьмая [форма]: [глаголы] דַּבֵּר — „скажи“, בָּרַח — „уйди“, עָשָׂה — „сделай“, אָהַב — „полюби“, נִסֶּה — „попробуй“, נָשָׂא — „неси“, שָׂא — „оставь“, קָנָה — „купи“ все одинаковым образом присоединяют [местоименный суффикс] 3-го л.: דַּבֵּרְתֶּם , בָּרַחְתֶּם , עָשׂוּתֶם , אָהַבְתֶּם , נִסֶּהְתֶּם , נָשְׂאוּתֶם . Так же присоединяется соответствующий אֵל : אֵל דַּבֵּרְתֶּם , אֵל בָּרַחְתֶּם , אֵל עָשׂוּתֶם .

Восьмая [форма]: נָחַם — „пачкай“, נָחַם — „утешь“, נָחַם , נָחַם , נָחַם , נָחַם и нужно еще читать נָחַם נָחַם и נָחַם נָחַם , потому что первые [формы] одинаковы и в изъявительном, и в повелительном наклонениях. Один из учителей чтения читал נָחַם נָחַם , чтобы отличить от изъявительного наклонения נָחַם ; он должен был поэтому соответственно читать נָחַם . Но у пророка Исаии повелительное наклонение נָחַם — „утешайте“, поэтому мы читаем נָחַם .

Девятая [форма]: в глаголах רָאָה — „смотри“, רָגַע — „радуйся“, רָאָה —

[3]. Времени (כֹּחַ): כֹּחַ הָיָה לְחִירָם — „Хирам жил во времена Давида“.

[4]. Целого (כֶּלֶל): מְחֻסָּר כֶּלֶל מֵהַיָּד — „Рука — часть тела“.

[5]. Частей [целого] (כְּחֵצֵיהֶם): מְחֻסָּר מִכְּחֵצֵיהֶם כֶּלֶל — „Тело состоит из членов“.

[6]. Рода (כְּמִינֵהוּ): אִישׁ וְחֵמָה כְּמִינֵהוּ אִישׁ — „Человек и лошадь — живые существа“.

[7]. Вида (כְּלִי): מְחֻסָּר מִכְּלֵי כְּחֵצֵיהֶם — „Живое существо — человек“.

[8]. Деятеля (כְּתַבְּוֹ): כֹּסֶם כֶּלֶל מְחֻסָּר — „Кресло [сделано] плотником“.

[9]. Вида или образа (כְּחֵצֵיהֶם מִצֵּד כְּלִי): מְחֻסָּר מִכְּחֵצֵיהֶם מְחֻסָּר — „Кресло [соответствует] своему виду“.

[10]. Цели (כְּמִטְּוֹ): מְחֻסָּר מִכְּמִטְּוֹ מְחֻסָּר — „Кресло для сидения“.

[11]. Типа (כְּמַעֲלָה): מְחֻסָּר כֹּסֶם כֶּלֶל מְחֻסָּר — „Кресло [сделано] по мысли плотника“.

[12]. Инструмента (אִישׁ יָדָיו): כֹּסֶם מִיָּדָיו מְחֻסָּר אִישׁ יָדָיו מְחֻסָּר — „Инструментом, или орудием действия, было [сделано] кресло“, или — „Мечом был убит преступник“.

[13]. Материи (כְּחֵצֵיהֶם): כְּחֵצֵיהֶם מְחֻסָּר מִכְּחֵצֵיהֶם — „Вид или образ [суть] состоят из материи“.

[14]. Субъекта (מִיָּדָיו), который определяет событие, например: מְחֻסָּר מִיָּדָיו — „черноволосый [человек]“, מְחֻסָּר מִיָּדָיו — „соленость — в море“.

Теперь о י. Он указывает на принадлежность (כְּמִינֵהוּ) всевозможных видов и [употребляется] в сопряженном состоянии для присоединения, например: כְּמִינֵהוּ הַבַּיִת — „дом бога“, יִשְׂרָאֵל מִיָּדָיו — „род Израиля“, הַגִּבּוֹר מִיָּדָיו — „господин раба“, הַמֶּלֶךְ מִיָּדָיו — „учитель ученика“, מְחֻסָּר מִיָּדָיו הַיָּד — „жена мужа“.

ל указывает на пассивность (כְּחֵצֵיהֶם), место [направления], например: מְחֻסָּר לְבַיִת — „Иисус вошел в дом“; время, например: מְחֻסָּר לְבַיִת — „Иисус пришел утром“; сопровождение, например: מְחֻסָּר לְבַיִת — „Валак взял Валаама“ (Числа 22, 41); לְבַיִת מְחֻסָּר — „Я взял тебя, чтобы проклясть врагов моих“ (Числа 23, 11),

т. е. [здесь] это причина. Иногда ל присоединяется вместо חֵצֵיהֶם, например: מְחֻסָּר לְבַיִת מְחֻסָּר — „Он послал к Валааму и к знатым, которые с ним“, т. е. מְחֻסָּר — „к ним“. Иногда ל присоединяется вместо י, например: מְחֻסָּר לְבַיִת — „Они пытались схватить

арамейских языков, одна согласная движущаяся, другая в покое, или наоборот, например: **ܘܫܝܥ** — „услышал“, **ܘܩܝܒ** — „приблизился“, **ܘܩܝܡ** — „был“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „поднялся“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „был святым“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „приди!“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „повернись“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „вылечил“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Я люблю“. **ܘ** и **ܘܘ**, тяжелые, [т. е. долгие гласные] в следующих примерах: **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они встанут“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они знающие“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они будут поститься“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они сделают“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они оставили“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они постыющиеся“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Они любили“. Эти же **ܘ** и **ܘܘ**, являются тяжелыми, [т. е. долгими], благодаря ударению в конце глаголов перед **ܘܩܝܡܝܢ**. Жителю Эдессы потребовалось отнести к согласным буквам алфавита [**ܘܩܝܡܝܢ**] **ܘ** и **ܘܘ**, подобные этим [вышеназванным], а не каждые **ܘ** и **ܘܘ**, так же, как у арабов. Так же [в формах]: **ܘܩܝܡܝܢ** — „повернись“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „приблизься“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „опустоши“ — нужно считать, что **ܘܩܝܡܝܢ** движущийся, а не [буква], которая предшествует ему. Слушателю кажется, что буквы, которые стоят перед этими **ܘ** и **ܘܘ**, движутся из-за соединения слогов (**ܘܩܝܡܝܢ**) или звуков (**ܘܩܝܡܝܢ**)⁵ и последовательного расположения букв в языке, но вернее всего из-за того, что эти буквы (**ܘ** и **ܘܘ**) являются гласными (**ܘܩܝܡܝܢ**), сирийцы дают им движение.

Поэтому, если кто-нибудь скажет, что, когда говорят **ܘܩܝܡܝܢ** — „человек“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „раб“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „бог“, движутся не **ܘܩܝܡܝܢ**, **ܘܩܝܡܝܢ**, **ܘܩܝܡܝܢ**, а **ܘܩܝܡܝܢ**, которому вы назначили находиться в покое, мы ответим, что **ܘܩܝܡܝܢ**, как гласная буква, всецело дает движение другим буквам и главенствует среди остальных (**ܘ** и **ܘܘ**).

ܘ и **ܘܘ**, гласные, как **ܘܩܝܡܝܢ**. Поэтому не нужно смешивать гласную с другими [буквами] и непоследовательно, как было сказано, писать **ܘ** и **ܘܘ**, не так, как **ܘܩܝܡܝܢ**.

[В словах]: **ܘܩܝܡܝܢ** — „муж“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „прыгающий“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „слушание“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „противодействующий“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Он приблизился“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Он любил“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „Он поднял“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „царь“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „господин“ — все [буквы] движущиеся, **ܘܩܝܡܝܢ** — нет. Следовательно, **ܘ** и **ܘܘ**, не являются движущими в словах, которые были упомянуты выше, их можно удалить из знаков шрифта, так, как **ܘܩܝܡܝܢ** в [словах]: **ܘܩܝܡܝܢ** — „разделенный“, **ܘܩܝܡܝܢ** — „стоящий“ [вместо **ܘܩܝܡܝܢ** и **ܘܩܝܡܝܢ**] — всякий раз, когда они легкие, [т. е. краткие]. Только не все сирийцы делают это. Поэтому есть вокализация (**ܘܩܝܡܝܢ**) над **ܘ** и **ܘܘ**, а не над остальными буквами, когда они произносятся с **ܘܩܝܡܝܢ** или **ܘܩܝܡܝܢ**. [В словах]: **ܘܩܝܡܝܢ** — „раб“ и **ܘܩܝܡܝܢ** — „бог“ — огласованы **ܘܩܝܡܝܢ** и **ܘܩܝܡܝܢ**, а не **ܘܩܝܡܝܢ**, так же как есть **ܘܩܝܡܝܢ**, **ܘܩܝܡܝܢ** или **ܘܩܝܡܝܢ**, а **ܘܩܝܡܝܢ** не [огласован] в **ܘܩܝܡܝܢ** — „царь“,

⁵ См.: *Syrische Grammatik*, p. 31, Nota 4 — немецкого перевода.

ܠܝܐ — „прыгающий“, ܠܝܢ — „господин“. Эти гласные составляют половину ܠ (ܠ ܡܢܠܐ).

Следовательно, [восточные] сирийцы и арабы, которые придерживаются правил и соблюдают истину в своем языке, более правы, чем жители Эдессы. Если они отбрасывают иногда ܐܠܐ, ܐ и , также [отбрасываются]. Половину ܠ, ܐ, , они [арабы] называют гласными, которые ставятся над согласными буквами. Араб гласные буквы ܠ, ܐ называют слабыми буквами (ܠܫܘܢܝܐ ܠܫܘܢܝܐ), слабость которых будто бы не способствует никакому движению имен и глаголов, в которых они имеются наряду со всеми другими [буквами]. Мне кажется, им [арабам] нужно называть слабыми все буквы, кроме ܠ, ܐ, ,, потому что они слышны, а те [согласные] не слышны. Следовательно, только из-за движения, которое происходит благодаря гласным, они [остальные буквы] сильные.

Глава восемнадцатая

Почему в грамматическом искусстве греческого и арабского языков есть продолжительность и широта, в сирийском же языке оно [искусство] краткое и ограниченное? Мы говорим [об этом] — потому, что имена и глаголы в сирийском языке определенные и несклоняемые, они не получают никакого изменения гласных и не испытывают воздействия частиц и наречий времени и места. Глаголы не управляют именами, так же как имена [не управляют] именами. Звательные и утвердительные частицы и частицы сравнения также не управляют именами или глаголами, только придают и добавляют смысл, не изменяя гласных в именах и глаголах, как это принято в арабском языке согласно законам и правилам, которые в нем имеются. Также нет пяти падежей (ܠܫܘܢܝܐܝܗܘܢ или ܡܘܬܐܝܒܐ и ܠܫܘܢܝܐ), которые употребляются в греческом языке.

Изменения (ܠܫܘܢܝܐܝܗܘܢ) [слов] в сирийском языке есть, но только благодаря первым буквам [слов], как мы упоминали выше.

Другая причина того, что грамматическое искусство в сирийском языке не совершенно, [состоит] в том, что каждый из [грамматиков], излагая что-нибудь, не упоминает о других [грамматиках]; [в то время как если бы] соединить их [сведения] в одну ткань, грамматика, или наука об усовершенствовании сирийского языка (ܠܫܘܢܝܐܝܗܘܢ) приобрела бы совершенство.

Иаков Эдесский и другие упоминали о частях речи, о их связи, говорили о формах [слов]. Хонейн бар Исхак [писал] относительно сказуемого и подлежащего, предложения, которое является заключительной частью высказывания; Иосиф Хузайя, Рамишо и остальные восточные [грамматики] — о видах пунктуации, о различных [ее] значениях и о всех ее подразделениях.

В восточных школах по традиции получают и передают друг другу [все правила о ударении], а именно: ܠܝܐ, ܠܝܢ, ܠܝܐܝܢ, ܠܝܐܝܢܐ.

правила, [касающиеся] глаголов и их спряжений, имен, их корней, согласных букв, которые сокращаются без ущерба, и тех, которые не сокращаются, предшествуют [словам]. Ясно, что если бы все это было объединено в одну ткань, грамматика сирийского языка стала бы большим искусством. Если бы это было не так, [то] как были бы понятны цель и возникновение книг, не только священных, но также логических и медицинских.

Глава девятнадцатая

Имеет ли определяющее прилагательное (ܐܘܪܘܚܐ) или наречие (ܐܘܪܘܚܐ) какой-нибудь вполне законченный смысл (ܐܘܪܘܚܐ) без сказуемого или глагола, указывающего на время? Никогда, если действие не раскрывается словом, соответствующим [глаголу] по силе и значению. Потому что, если мы скажем: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Моисей славно“, ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Илья справедливо“, [то] ничего не добьемся. Следовательно, нужно продолжить: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Моисей славно говорил“, ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Илья справедливо указал“. Если мы скажем: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Моисей-пророк“, ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Илья-священник“, не добавляя ܐܘܪܘܚܐ — „был в качестве священника“ или ܐܘܪܘܚܐ — „действовал как пророк“, [полноты смысла не получится]. Так же, когда комментаторы читают в псалмах: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „свет, который сияет праведным“ (Псалмы 97, 11) — глагол ܐܘܪܘܚܐ из-за частицы, которая поставлена [в начале], становится определяющим прилагательным (ܐܘܪܘܚܐ), а именно: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „сияющий свет“. Следовательно, частица ܐܘܪܘܚܐ изменяет смысл [слова], и из предложения (ܐܘܪܘܚܐ) ничего не понятно. Поэтому нужно, чтобы предложение [выглядело] так, как сказал Мар Ефрем: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Свет сияет праведным“. Мар Нарсай дополнил и присоединил заключительную часть предложения: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Свет, который излучал Христос, радовал землю и небо“. Ты должен знать, что если определяющее прилагательное следует за глаголом или предшествует ему, ничего вредного нет, например: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Мужи свидетельствовали правдивые“, и еще: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „[Правдивые] мужи свидетельствовали“. Примеры на определение определений (ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ): ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Мужи свидетельствующие — праведные“, ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Мужи сирийские — справедливые“, ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Мужи сирийские — превосходные“.

Но бывает еще так, что определение скрывается в [слове, которое является именем], например: ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Мужезнатные — справедливые и возвышенные“, ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ ܐܘܪܘܚܐ — „Муж-некий — пророк, жрец и царь“. Определение (ܐܘܪܘܚܐ), которое

присоединено к первому [имени], [является] именем относительно второго [определения имени], и значение [второго] имени также относится к первому [имени], т. е. כִּי־בָּא .

Благодаря силе соединения [возможно также] предложение, как например: כִּי־בָּא מֹשֶׁה — „Моисей — пророк“, т. е. [подразумевается] есть или был. Так же соединяется мысль, если глагол предшествует имени и определяющему прилагательному; как например: $\text{כִּי־בָּא אֲנָשִׁים צְדִיקִים}$ — „Свидетельствовали мужи праведные“, $\text{כִּי־בָּא אֲנָשִׁים צְדִיקִים}$ — „Говорили мужи справедливые“, $\text{כִּי־בָּא אֲנָשִׁים מְשֻׁבְּבִים}$ — „Священнодействовали мужи превосходные“, $\text{כִּי־בָּא אֲנָשִׁים מְשֻׁבְּבִים}$ — „был сделан пророком муж возвышенный“.

Глава двадцатая

Почему, когда женский и мужской род объединяются в одном слове во множественном числе, мы считаем, [что это слово] — мужского рода. Потому, что мужской род более высок, чем женский. Так, вследствие превосходства мужского рода глагол, который [указывает] на нечто мужского рода в прошедшем времени, обозначает женский род множественного числа, например: כָּבַד — „Он сделал“.

То же в арабском языке. Соединенные в одно имена мужского и женского рода во множественном числе (كُتِبُوا) — мужского рода, как [например] в Евангелии от Луки: $\text{كَلِمَاتُ تِلْكَ السَّنَةِ لَمْ يَكُنْ يَسْمَعُهَا أَحَدٌ مِّنْ أَهْلِ يَهُدَا}$ — „а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых“ (Лука 20, 35), т. е. [лица] мужского и женского рода, ибо оба рода воскресают. Признаком того, что он (Лука) соединил [два рода в одном слове, является глагол] $\text{لَمْ يَكُنْ يَسْمَعُهَا}$ — „не женятся...“, т. е. мужчины, так же как „женщины не выходят замуж“. Такими словами⁶ он [Лука] истолковал первое предложение. Тебе следует знать, что каждый глагол единственного числа мужского рода, будь он в активном или пассивном залоге, может обозначать множественное число женского рода, например: $\text{تَنْتَظِرُ عَيْنَا لِنَجَاتِكَ}$ — „Очи мои, ожидая спасения твоего“

(Псалмы 118, 123), $\text{تَقْتَرِبُ قَلْبِي إِلَىٰ رَبِّي}$ — „Скорби сердца моего умножились“ (Псалмы 25, 17). В Евангелии написано: $\text{وَبَعْضَاتُ بَنَاتِ يَهُدَا كُنَّ يَسْمَعْنَ مِنْهُنَّ كَلِمَاتُ تِلْكَ السَّنَةِ لَمْ يَكُنْ يَسْمَعُهَا أَحَدٌ مِّنْ أَهْلِ يَهُدَا}$ — „и некоторые женщины, которые исцелились от злых духов и болезней“ (Лука 8, 2). Глагол يَسْمَعْنَ в пассивном, а не в активном залоге. В псалмах Давида мы читаем так: $\text{وَتَرْتَفِعُ سَائِجَاتُ جَبَلِ يَهُدَا}$ — „Дрогнули и подвиглись основания гор“ (Псалмы 18, 8).

⁶ Илья Тирханский имеет в виду дальнейший текст Евангелия от Луки.

ܠܫܘܢܐ — „Да будут с вами мир и любовь“. Если же несколько понятий относятся к одному виду, глагол стоит во множественном числе, [независимо от того], предшествует он [имени] или следует [за ним], например: ܩܘܡܝ ܕܥܡܝܢܝܢ — „Пришли мужи“, ܩܘܡܝܢܝܢ ܕܥܡܝܢܝܢ — „Совершили священники“, ܩܘܡܝܢܝܢ ܕܥܡܝܢܝܢ — „Говорили люди“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „пришли женщины“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Они молились“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Они слушали“.

Глава двадцать третья

Постоянно существует различие между глаголом, стоящим в женском роде множественного числа, в изъявительном [наклонении, и глаголом] в повелительном наклонении [этого же рода и числа]. Это правило относится и к глаголу, стоящему в мужском роде, например: ܩܘܡܝ — „Он сделал“ в изъявительном наклонении, в повелительном: ܩܘܡ — „сделай“. Во множественном числе женского рода: ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Сделали женщины“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Сделайте, девушки“. В этих [примерах] глаголы в изъявительном наклонении отличаются от глаголов в повелительном наклонении. Они одинаковы в следующих примерах: ܩܘܡܝܢܝܢܐ ܕܥܡܝܢܝܢܐ — „Тот, который освятил бога“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ ܕܥܡܝܢܝܢܐ — „Прославил Самуил господу“; эти [глаголы стоят] в изъявительном наклонении. Когда глагол должен быть в повелительном наклонении, ты скажешь так: ܩܘܡܝܢܝܢܐ ܕܥܡܝܢܝܢܐ... ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „О, человек, прославь Христа..., благослови господу“. В женском роде в изъявительном наклонении: ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Прославляют женщины“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Благославляют женщины, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Боготворят девушки“, иначе: ܩܘܡܝܢܝܢܐ, ܩܘܡܝܢܝܢܐ [эти формы тоже являются] формами изъявительного наклонения. Когда глагол должен стоять в повелительном наклонении, [его формы следующие]: ܩܘܡܝܢܝܢܐ, ܩܘܡܝܢܝܢܐ, ܩܘܡܝܢܝܢܐ. В изъявительном наклонении [имеются] две формы, а в повелительном наклонении одна форма, и достаточно.

Глава двадцать четвертая

Которая указывает на спряжение (ܩܘܡܝܢܝܢܐ) глаголов, а также на путанность сирийского языка

Да будет тебе известно, что каждый глагол, который произносится с ܩܘܡܝܢܝܢܐ внизу в изъявительном наклонении, в форме повелительного наклонения изменяет [гласную] на ܩܘܡܝܢܝܢܐ, например: ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Он отдыхает“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „отдыхай“, ܩܘܡܝܢܝܢܐ — „Он согнулся“,

אָפּוּ — „сгибайся“, **בָּיִתָּהּ** — „Он был посажен“, **בָּיִתָּהּ** — „садись“, **בָּיִתָּהּ** — „Он наклонился“, **בָּיִתָּהּ** — „наклонись“, **בָּיִתָּהּ** — „Он доверился“, **בָּיִתָּהּ** — „доверься“, и остальные, подобные этим.

Те [глаголы], которые произносятся не с **אָפּוּ**, в изъявительном и повелительном наклонении читаются одинаково, например: **אָפּוּ** — „Он изменился“, **אָפּוּ** — „Он стал несчастным“, **אָפּוּ** — „Он насладился“, **אָפּוּ** — „Он томился“, **אָפּוּ** — „Он намазал ровно“, **אָפּוּ** — „Он жадно захватил“. Если же кто-нибудь будет против этих [примеров], потому что в священном писании [есть предложения], которые не следуют этому правилу, как то, что написано в 25 главе пророка Исайи: **אָפּוּ** — „Отряси с себя прах“ (Исайя 52, 2),

и в житии апостолов в главе 11: **אָפּוּ** — „опояшься“ (Деяния апостолов 12, 8), то пусть он знает, что эти [глаголы] поставлены в повелительном наклонении и мы не изменяем их чтение из-за общей традиции.

Можно привести еще и другие доказательства: **אָפּוּ** — „откажитесь“.

В 12-й главе книги чисел [есть глаголы] в повелительном наклонении, и среди них [глагол] **אָפּוּ**, а также **אָפּוּ** — „опояшься“, **אָפּוּ** — „бросайся“, **אָפּוּ** — „дрожи“, **אָפּוּ** — „брось вниз“. Если кто-нибудь [глагол] **אָפּוּ** — „он отказался“, прочтет [в повелительном наклонении] (как) **אָפּוּ** ... **אָפּוּ** — „Откажись ... от выкупа“, то он прочтет правильно. Так же **אָפּוּ** — „Поверни с пути“, **אָפּוּ** — „Вернись смиренным“ и еще **אָפּוּ** — „смирись“.

Если же кто-нибудь возьмет другие глаголы, как **אָפּוּ** — „открой“, **אָפּוּ** — „разверни“, **אָפּוּ** — „послушай“, **אָפּוּ** — „дрожи“, чтобы упразднить это правило, пусть он узнает сначала, что эти буквы [אָפּוּ] не примыкают к остальным, потому что, когда они стоят в конце глаголов, согласная, которая предшествует им, не может произноситься с **אָפּוּ**. Поэтому мы не говорим **אָפּוּ**, **אָפּוּ**, **אָפּוּ** и изменяем [гласную] в повелительном наклонении: **אָפּוּ** — „будь радостным“, **אָפּוּ** — „будь дрожащим“, **אָפּוּ** — „будь выслушанным“.

Еще о глаголе, который читается с **אָפּוּ** в изъявительном наклонении. В том, что он образуется по [примеру глаголов]: **אָפּוּ** — „Он грабил“, **אָפּוּ** — „Он встал“, нет никакого недостатка. Причина та, что **אָפּוּ**

более гласная буква, чем **ا**, поэтому мы говорим не **فام**, а **فام**. Всякий раз, как [встречается] **فام**, мы находим повод разделить [глагол алефом] и разделяем его без всякого труда и усилия. Всякий раз, когда это разделение невозможно, мы не запрещаем [оставлять глагол без изменения], если [в этом] нет ущерба.

[Мы говорим] **فام** — „Он встанет“ и **فام** — „Он будет грабить“, чтобы показать, что корни (**فام**) [этих 2 глаголов], так же как сами глаголы, отличаются от остальных [глаголов]. При спряжении [форма] **فام** из-за [своей] тяжеловесности подвергается сокращению, [сокращается] **فам**, [в форме же] **فам** в этом **فам** нет тяжеловесности и [не происходит] затруднения [при произношении]. **فам** — „смотри“, **فам** — „встань“, **فам** — „побрызгай“, **فам** — „грабь“ [являются примерами] разделения. Иногда в сокращенном виде мы отбрасываем **فам**, например, [в словах]: **فам** — „грабящие“, **فам** — „страдающие“, **فам** — „брызгающие“.

[Иаков] Эдесский и Хонейн [ибн Исхак] писали [глагольные формы] **فам**, **فам** с **فам** [например] так: **فам** — „приходящие“, **فам** — „брызгающие“, **فам** — „постаревшие“. Так читается и пишется; так и я [пишу и читаю], потому что это истина и более [всего] соответствует точному правилу.

Глава двадцать пятая

Почему [глаголы в будущем времени] во множественном числе: **فам** и **فам** — „Они вытащат“, **فам** и **фам** — „Они позовут“, **фам** и **фам** — „Они ответят“, и **фам** и **фам** — „Они увидят“ — мы читаем с **фам**, а не с **фам**?

Потому что в конце всех сирийских имен стоит буква **фам**; когда мы присоединяем какое-нибудь имя к другому, будет **фам**, а не **фам**, например, [во множественном числе] **фам** читают **фам** — „их рабы“, **фам** [читают] **фам** — „их боги“, **фам** — „их господа“. Поэтому, когда эти глаголы [стоят] во множественном числе, из-за того что они подобны именам благодаря конечной букве, мы ставим звуковое изображение сверху. Когда [формы, подобные] **фам** — „радующий“, **фам** — „освобождающий“, **фам** — „добывающий“, мы произносим во множественном числе, мы затемняем **фам** так, что глагол уподобляется глаголу единственного числа, [например]: **фам** — „Мы развязываем“, **фам** — „мы видим“, **фам** — „мы клянемся“, что то же самое, когда мы говорим **фам** и **фам** и т. д. [В глаголах]

ܘܒܐ — „Он считал“, ܘܒܝܘܢ — „Он развязал“, ܘܒܝܘܢ — „Он видел“, ܐ — ясный слог, не такой, как в остальных глаголах, потому что мы отсекаем от глагола гласную ܘ и прибавляем вместо нее гласную ܐ, которую мы заставляем звучать также ясно, чтобы не отсекать от глагола два члена. Мы произносим [глаголы] с ܘܒܐ — ܐܘܒܐ, ܐܘܒܝܢ, в единственном числе ܘܒܝܘܢ, ܘܒܝܘܢ, чтобы отличить эти глаголы, которые следуют с ܘܒܐ, от других, которые следуют с остальными буквами.

[Почему] мы сопровождаем [глаголы во множественном числе] ܐܐ, а не другой буквой?

Первая причина та, что, даже если [ܐܐ] не произносится, мы можем и в данный момент, и постоянно делать его ясным, например: ܘܒܐܘܒܐ и ܘܒܐܘܒܐ — „Они сделали“, ܐܘܒܝܢܐ и ܐܘܒܝܢܐ — „Они объявили“, ܐܘܒܝܢܐ и ܐܘܒܝܢܐ — „Они сказали“, то же в повелительном наклонении: ܘܒܐܘܒܐ — „Делайте“, ܐܘܒܝܢܐ — „Объявляйте“, ܐܘܒܝܢܐ — „Говорите“.

Сирийские грамматики сокращают эти ܐ и ܐܐ из-за тяжеловесности [получаемой формы].

Вторая причина та, что, когда мы придаем какую-нибудь [грамматическую] категорию глаголу, [стоящему во] множественном числе, связанную с [конечной] буквой [глагола], как [например] к ܘܒܐ [присоединяем] ܐܐ [получается] ܘܒܐܘܒܐ, к ܐܘܒܝܢܐ [присоединяем] ܐܐ, [получается] ܐܘܒܝܢܐܐ, [тогда ܐܐ становится ясно произносимым].

Третья причина та, что, когда в глаголах с конечным ܘ появляется ܐ, [при образовании множественного числа, то] необходимо также и в других [глаголах] образовывать множественное число при помощи этой [буквы].

Четвертая причина: так как гласную букву ܘ сирийцы употребляют с каждым именем, [стоящим] в единственном и множественном числе, правильно было, что они решили [присоединить] гласную букву ܐ глаголам во множественном числе, [но поставив ее] в конце, а не в начале, как определяющий признак для имени и глагола, [позволяющий] не смешивать [их] с другими [формами]. Так как ܘ — самая первая [буква], а имя превосходит по степени значения глагол, потому что оно обозначает сущность, а глагол — действие сущности, то ܐ [сирийцы] дают [глаголу] во множественном числе, хотя буквы ܐ нет по природе в конце глаголов во множественном числе в прошедшем времени, обозначающих мужской род. Глагол в единственном числе мужского рода может обозначать множественное число женского рода, например: ܘܒܐܘܒܐ — „Услышали женщины“, ܐܘܒܝܢܐ — „Говорили женщины“, ܐܘܒܝܢܐ — „и почтили“.

Нам не требуется [буква] $\overline{\text{לא}}$ [в конце глаголов во множественном числе 3-го л. ж. р.], как пишут другие, [мы пишем] $\overline{\text{לך}}$ [без ,] из-за ничтожного значения женского рода. Достаточно одного глагола, обозначающего мужской род, чтобы ты обозначил множественное число [женского рода]. Это [относится] к глаголам прошедшего времени и только, но не к глаголам в повелительном наклонении и не к глаголам в настоящем и будущем времени. У [сирийцев] есть специальная форма [для 3-го л. ж. р. мн. ч.]: $\overline{\text{עבדתם}}$ — „Они сделали“, $\overline{\text{שמעתם}}$ — „Они слушали“. Кратко мы говорим: $\overline{\text{עבדך}}$, $\overline{\text{שמעך}}$. Глаголы, которые имеют на конце $\overline{\text{ך}}$ [в форме мужского рода единственного числа], не могут обозначать женский род множественного числа, например: $\overline{\text{שכחך}}$ — „Он ослабел“, $\overline{\text{ראהך}}$ — „Он увидел“, $\overline{\text{הלךך}}$ — „Он пошел“. Мы говорим не $\overline{\text{שכחך}}$, а $\overline{\text{שכח}}$, $\overline{\text{ראה}}$ или $\overline{\text{הלך}}$, для отличия от других глаголов. Когда гласная сокращается у $\overline{\text{שכחך}}$, [то тогда] присоединяется , , такой же гласный или полугласный, именно: $\overline{\text{שכח}}$, $\overline{\text{ראה}}$. Каждый глагол в изъявительном наклонении, который имеет эту форму, например: $\overline{\text{שלחך}}$ — „Он отправил прочь“, $\overline{\text{אףך}}$ — „Он разгневал“, $\overline{\text{עשהך}}$ — „Он сделал“, $\overline{\text{ילדך}}$ — „Он родил“, в повелительном наклонении имеет ту же самую [форму], но с ударением, которое мы ставим над $\overline{\text{אל}}$, [например в слове] $\overline{\text{ילדאל}}$ — „Он родил“.

В изъявительном наклонении мы совершенно не употребляем [ударение] $\overline{\text{אל}}$. Таким образом, в [следующих формах]: $\overline{\text{היהך}}$ — „Будь поработленным“, $\overline{\text{היהך}}$ — „Будь несчастным“, $\overline{\text{היהך}}$ — „Будь покинутым“ — мы ставим над одной из букв $\overline{\text{אל}}$, с тем чтобы было различие между изъявительным и повелительным наклонениями. Почему мы снимаем $\overline{\text{לא}}$ в глаголах 1-го л., если в конце глаголов стоит $\overline{\text{ך}}$, например: $\overline{\text{חשבך}}$ — „Он считал“, $\overline{\text{שלך}}$ — „Он тянул“ или $\overline{\text{ראהך}}$ — „Он видел“? Для того чтобы было отличие от глаголов, которые имеют на конце $\overline{\text{לא}}$, например: $\overline{\text{שחרך}}$ — „Я освободил“, $\overline{\text{שחרך}}$ — „Я бросил“, $\overline{\text{הביך}}$ — „Я принес“.

В глаголах $\overline{\text{היהך}}$, $\overline{\text{היהך}}$ мы присоединяем , взамен гласной $\overline{\text{אל}}$, [так как] $\overline{\text{אל}}$ или $\overline{\text{אל}}$ есть полугласная.

Глава двадцать шестая

Почему, когда в конце глаголов [стоят] четыре согласные, именно $\overline{\text{שכח}}$, над предшествующими согласными, связанными с ними, нет $\overline{\text{אל}}$ или $\overline{\text{אל}}$, например: $\overline{\text{היה}}$ — „Он прошел“, $\overline{\text{היה}}$ — „Он сказал“,

ܐܫܦܫܚ — „Он обрадовался“, ܫܝܥ — „Он услышал“, ܫܦܫܚ — „Он оценил“, из-за чего во многих случаях необходимость вынудила сирийцев читать одинаково глаголы в прошедшем времени и в повелительном наклонении.

Нужно знать, что эти буквы исходят из гортани, поэтому они называются гортанными (ܫܘܬܢܝܬܝܢ), говорящему стоит большого труда их произношение, речь затруднена, особенно когда [эти буквы] находятся в конце [слов]. Когда они в середине, при произношении их выпускают. Если им предшествует ܟܝܘܝܝܢ, человек затрудняется произносить их, например: ܫܝܥ — „Он слышал“, ܫܝܥ [без ܟܝܘܝܝܢ] легче для языка, тоже относится к остальным [буквам].

Следует знать, что знаменитый Хонейн в работе по грамматике сирийского языка, излагающей правила о точках, установил особые глаголы; к ним он отнес те, которые обозначают настоящее время и имеют следующие формы [ܟܠܝܠ], например: ܝܫܝܥ — „Он прошел“, ܫܝܥ — „Он услышал“, ܫܘܫܥ — „Он открыл“, ܫܦܫܚ — „Он удивился“, и сравнил их с остальными [глаголами], которые не подчинены этому правилу: ܫܝܥ — „Он сформировал“, ܫܝܥ(ܝܘܝܝܢ) — „Он сделал“.

Иаков Эдесский и другие относят это [правило] и к другим формам [глагола], не только активного залога. Я добавляю, что это правило относится к каждому глаголу, обозначающему действие, как бы он ни произносился, например: ܫܦܫܚ — „Он удивился“, ܫܦܫܚܝܢ — „удивляющий“, ܫܘܫܥ — „Он открыл“, ܫܘܫܥܝܢ — „открывающий“, ܫܝܥ — „Он слышал“, ܫܝܥܝܢ — „слышащий“, ܫܝܥ — „Он сделал“, ܫܝܥܝܢ — „делающий“ — и ко всем словам, которые обозначают пассивность (ܟܠܝܠ), какие бы формы они не имели, например: ܫܦܫܚܝܢ — „удивленный“, ܫܘܫܥܝܢ — „раскрытый“, ܫܦܫܚܝܢ — „выслушанный“, ܫܦܫܚܝܢ — „обрадованный“, ܫܦܫܚܝܢ — „названный“.

Я добавлю также, что если имена, в которых букве ܟ, конечной букве сирийских имен, предшествует одна из этих четырех букв, получают сокращение, то первая согласная, присоединенная к ним, произносится с ܟܝܘܝܝܢ, а не с ܟܝܘܝܝܢ, например: ܟܝܘܝܝܢ — „сын“, — [после сокращения] мы говорим ܝܘܝܝܢ.

В [нижеследующих] именах [различных] форм и видов мы сокращаем (ܟ) таким образом: ܟܝܘܝܝܢ — „вид“ [ܟܝܘܝܝܢ] и еще ܟܝܘܝܝܢ — „земля“ → ܝܘܝܝܢ, ܟܝܘܝܝܢ — „страна“ → ܝܘܝܝܢ, ܟܝܘܝܝܢ — „человек“ → ܝܘܝܝܢ, ܟܝܘܝܝܢ — „веревка“ → ܝܘܝܝܢ, ܟܝܘܝܝܢ — „жирный“ → ܝܘܝܝܢ.

Не старайтесь одинаково читать глаголы из-за трудности, с которой [это] соединено для говорящего.

Из последовательности того, что предшествует и следует, мы понимаем, стоят ли глаголы в прошедшем времени или указывают на повелительное наклонение.

Глава двадцать седьмая

Откуда взяли различные произношения имен и глаголов, т. е. اَمْرًا , كَلِمًا и остальные?

Нужно знать, что гласных букв три, это ا , اَ , اِ , остальные согласные, которые соединяются ими [гласными]. Эти согласные [служат] для образования имен или глаголов, которые указывают на действие. Гласные буквы изобретены, чтобы произвести из этих трех гласных [другие:] из $\text{ا} \rightarrow \text{اَمْرًا}$ [например], ا [над] ر [в слове] رَجُلًا — „кто“, и كَلِمًا , [например], ا [над] سَلَّمَ ..., затем كَلِمًا или كَلِمًا , [например], كَلِمًا — „Он пошел“. Из اَ образуются две гласные: اَ سَلَّمَ اَ и другой اَ , который называется اَ и اَ . Из اِ образуется одна гласная. Остальным буквам, из-за того что сами по себе они не имеют движения, предназначаются كَلِمًا или اَمْرًا и كَلِمًا , которые произведены от ا , первой гласной буквы.

Эти [знаки гласных], т. е. اَمْرًا , كَلِمًا , كَلِمًا , присоединяются также к اَ и к اِ , поэтому некоторые считают اَ , اَ , اِ гласными наполовину, в то время как они полные гласные. Следовательно, ты должен знать, что, когда мы читаем رَجُلًا — „господин“, اَمْرًا , которое стоит над رَجُلًا , ты должен считать за половину ا . Так же, когда ты читаешь رَجُلًا — „целый“, где ر снабжен كَلِمًا , كَلِمًا половина ا ; в слове رَجُلًا — „слух“, с كَلِمًا над ر , كَلِمًا половина ا .

Так ты поймешь и остальные буквы. Мудро придумали грамматики и дали два произношения, т. е. اَمْرًا и كَلِمًا шести другим буквам, чтобы полностью обозначить категории, [а] именно [буквам]: اَمْرًا . Поэтому в رَجُلًا — „молоко“ اَمْرًا произносится с اَمْرًا — мягко, а в رَجُلًا с كَلِمًا — твердо, в رَجُلًا — „собака“ [اَمْرًا произносится] с كَلِمًا — твердо, а в رَجُلًا с اَمْرًا — мягко. То же относится и к остальным [вышеупомянутым] буквам. Когда رَجُلًا читают с كَلِمًا над ر , [то] тем самым ставят [слово в определенной форме]. Этому также помогают كَلِمًا и اَمْرًا , особенно при спряжении глаголов [رَجُلًا или رَجُلًا] и изменениях форм [глагола] [при обозначении] мужского и женского рода, единственного и множественного числа,

например: ܕܝܢܐ — „Ты сделал“, где твердый ܕ обозначает 2-е л., а ܕܝܢܐ , где ܐܕܝ произносится мягко, [обозначает] 1-е л. — „Я сделал“. [В глаголе] ܐܢܝܢܐ — „Я спас ее“ ܐܢܝ произносится твердо, [что обозначает] 1-е л., а ܐܢܝܢܐ — „Она спасла ее“ — 3-е л. ж. р. [где ܐܢܝ произносится мягко].

Для [буквы] ܦ [грамматики] дают три произношения. [В слове] ܦܝܢܐ — „тело“ ܦ среднее [между мягким и твердым произношением], в ܦܝܢܐ — „душа“ ܦ смягченное, а в ܦܝܢܐ — „лицо“ ܦ взрывное и твердое. Следовательно, знаки, различающие [произношение букв], необходимы и полезны в сирийском языке.

Нужно знать, что в этом языке мы начинаем [слова] как с покоящихся букв, которые не имеют [звучания] гласных, так и с гласных, которые мы все начинаем постоянно с движением, но заканчиваем в покое, кроме ܝ и ܐ , которые мы заканчиваем в движении, например: ܕܝܢܐ — „ты [женский род], которая“. Почему мы не начинаем с [буквы, которая произносится с] ܦܝܢܐ ? Во-первых, из-за традиции. Так нам передали и завещали аккуратные сирийцы. Во-вторых, из-за того, что это произношение появилось позднее, после классификации букв. Следует знать, что глаголы нужно спрягать соответственно правилам. Корни (ܦܝܢܐ) их [глаголов] или имена действия (ܦܝܢܐ) имеют свои формы соответственно правилам, произношение их звуков соответствует [произношению] глаголов, а глаголы, [соответственно, произносятся] соответственно [произношению корней и имен действия]. [Относительно] других имен [сирийцы] передали по традиции, чтобы они читались так, а не иначе; например, чтобы мы читали ܦܝܢܐ — „бог“ с ܦܝܢܐ над ܦܝܢܐ , а не с ܦܝܢܐ ; ܦܝܢܐ — „веревка“, где над ܦܝܢܐ [есть] ܦܝܢܐ , с ܦܝܢܐ смягченным, и не иначе. Следует знать, что форма глагола, которую Аристотель назвал самой высшей в этом [произведении], сопровождая [свою мысль] пояснениями, обозначает настоящее время, например: ܦܝܢܐ — „Он есть“, ܦܝܢܐ — „говорящий“, ܦܝܢܐ — „переходящий“, поэтому в этой форме глагола никогда не смешиваются лица, ни в единственном, ни во множественном числе, так же, как ни в женском, ни в мужском роде. Глаголы двух остальных времен имеют общие [формы], иногда единственное число с множественным, мужской род с женским. Например, мы говорим ܦܝܢܐ , это [может значить] 3-е л. м. р. [ед. ч.] — „он скажет“ и 1-е л. мн. ч. — „Мы скажем“.

ܦܝܢܐ и ܦܝܢܐ ⁷ [могут значить] 2-е л. м. р. — „Ты будешь“ и

⁷ ܦܝܢܐ — форма причастия без выражения лица, по-видимому, в качестве примера в данном месте — случайная форма.

3-е л. ж. р. — „Она будет“. Настоящее время различается во всех лицах.⁸

	[Единственное число]		[Множественное число]
[1-е л.] [м. р.]	1. אני עושה — я делаю	2.	אנחנו עושים — мы делаем
[ж. р.]	11. אני עושה — я делаю	12.	אנחנו עושים — мы делаем
[2-е л.] [м. р.]	3. אתה עושה — ты делаешь	4.	אתם עושים — вы делаете
[ж. р.]	5. אתה עושה — ты делаешь	6.	אתם עושים — вы делаете
[3-е л.]	7. הוא עושה — он делает	8.	הם עושים — они делают
	9. היא עושה — она делает	10.	הם עושים — они делают

Глава двадцать восьмая

О значении черт [линий], которые употребляют восточные сирийцы, т. е.

◦ אֲנִי , אֲנִי , אֲנִי , אֲנִי или אֲנִי .

Я знаю, что, говорят, есть два вида пунктуации (אֲנִי). Один [вид] — для различия произношения имен, глаголов и остальных частей речи в языке, это אֲנִי , אֲנִי , אֲנִי и т. д. Другой вид несет [определенное] значение и позволяет ориентироваться [в предложении], например אֲנִי , אֲנִי , אֲנִי и остальные знаки. Кроме того, одни из этих линий относятся то к тому виду, то к этому, например אֲנִי , которая иногда имеет значение разделяющей (אֲנִי), например: אֲנִי אֲנִי אֲנִי — „Сказал Христос ученику“, где אֲנִי снабжено אֲנִי , так, чтобы можно было⁹ прочесть остаток предложения. [Еще] пример: $\text{אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי}$ — „Без притчи же не говорил им“ (Марк 4, 34), где אֲנִי [второе] мы снабдили אֲנִי , чтобы сделать ясными два אֲנִי . Пунктуацией же связывается мысль, например, когда мы приказываем кому-нибудь: אֲנִי אֲנִי — „Скажи твоему господину“; $\text{אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי אֲנִי}$ — „Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные“ (Матфей 11, 28).

אֲנִי в противоположность אֲנִי [принадлежит к числу тех черт (линий)], которые связывают мысль; например, мы говорим אֲנִי אֲנִי אֲנִי — „столица“, мы соединяем אֲנִי с אֲנִי [благодаря אֲנִי] для того, чтобы обозначить сопряженное состояние понятия. אֲנִי относится к обоим видам [пунктуации], мы ставим [אֲנִי], когда имеются две буквы одного вида и одного и того же рода,

⁸ Разбивка по лицам и числам наша. Порядковые номера принадлежат Илье Тирханскому.

⁹ После этой паузы — примечание Бетгена: *Syrische Grammatik*, p. 48 — немецкого перевода.

одну мы снабжаем **𐤀𐤀** и отбрасываем, а другую произносим **𐤀𐤀** при букве обозначает то же, что и удвоение букв в греческом и арабском языках. То же у сирийцев; например, [в слове] **ܘܢܘܚܘܢܐ** мы снабжаем [р] **𐤀𐤀**, и нам не нужно произносить [один р]. Это для легкости и плавности речи. **ܘܢܘܚܘܢܐ** противоположность **𐤀𐤀**, мы употребляем его иногда для легкости глагола, иногда чтобы отличить имена и глаголы с **𐤀𐤀**, например: **ܘܢܘܚܘܢܐ** — „увиденные“, **ܘܢܘܚܘܢܐ** — „Они совершат“, **ܘܢܘܚܘܢܐ** — „Они увидят“.

Сирийцы, которые не употребляют **𐤀𐤀**, совершают ошибку, ибо в глаголе постоянно имеется густота, и тяжесть сковывает их речь. Также и другие, совершенные языки, используют **𐤀𐤀**. Нужно знать, что для семи частей речи сирийского языка и объяснения отбрасывания [букв], для правил о формах имен, значения союзов и остальных частиц, для рассуждений о лицах и буквах, присоединяющихся и не присоединяющихся к другим, указывающих на будущее, настоящее и прошедшее время, (для обозначения) мужского рода в единственном и множественном числе, а также женского рода, вид (**ܘܢܐ**) и раздел (**ܘܢܐܘܐ**) пунктуации (**ܘܢܐܘܐ**) имеют значение.

Если кто-нибудь спросит, почему традицией не упоминаются [в алфавите] буквы, имеющие смягчение, так, чтобы было тридцать сирийских букв, а не двадцать две, считая от **ܘܢܐ** и т. д., увеличивая это количество, как арабы, которые считают полных двадцать восемь букв от **ܘܢܐ**, **ܘܢܐ**, **ܘܢܐ** и т. д., [то] мы ответим, что это смягчение [произошло] позднее, чем [возникла] традиция. В сирийском языке смягчение не было [отражено] в письме. Ученикам достаточно было научиться от учителей чтению этой [буквы] со смягчением, а этой буквы — без смягчения и т. д. [Смягчение букв] существовало путем [устной] передачи, без письменной традиции.

Глава двадцать девятая

Следует знать, что пунктуация бывает двух видов, [она служит] или для произношения слов, т. е. имен, глаголов и т. д., например [в слове] **ܘܢܐܘܐ** — „бог“ первый **ܘܢܐ**, согласно традиции, с **ܘܢܐܘܐ**, так же как буква **ܘܢܐ** в слове **ܘܢܐܘܐ** — „тот, который сказал“, [или для выражения] разнообразных значений, [что собственно] должно называться пунктуацией, [знаки ее] ставятся для точности [выражения] мыслей и установлены для изысканности и чистоты сирийского языка и речи. Следовательно, требуется усердие, чтобы изучить виды, указывающие на [то или иное] значение. Например, **ܘܢܐܘܐ** обозначает завершенность мысли предложения, **ܘܢܐܘܐ** — ничтожность говорящего и совершенство того, к кому обращено слово.

Я нашел в одной рукописи, написанной Иаковом Эдесским и посвященной точкам [пунктуации], указывающим на значения, что он назвал их **קטל** — „знаки“, твердо ограничив семью видами.¹⁰

Первый [вид]: **קלל**. [Пример]: **קטל קטל קטל קטל קטל קטל קטל** — „родословие Иисуса Христа“ (Матфей 1, 1). [**קלל**] поставлена позади последней буквы последнего члена [предложения], сверху.

Второй [вид]: **קלל**. Он [Иаков Эдесский] назвал [этот вид] также подобным **קלל קלל**.

Третий [вид]: **קלל**, т. е. **קלל**.

Четвертый вид: **קלל**, [например]: **קלל קלל קלל קלל קלל קלל קלל** — „Первую книгу написал я [к тебе], о Феофил!“ (Деяния апостолов 1, 1).

Пятый [вид]: **קלל**, [например]: **קלל קלל** — „Хлеб, который укрепляет“ (Псалмы 104, 15).

Шестой [вид]: **קלל** или **קלל**, обращение к богу: **קלל קלל** — „Учитель! Умоляю тебя“ (Лука 9, 38). Этот [вид] восточные сирийцы назвали **קלל**.

Седьмой [вид]: ставятся две одинаковые точки, а именно **קלל**, чтобы быстро раскрыть вторую часть периода предложения, [например]: **קלל קלל קלל קלל קלל קלל קלל** — „И увидел господь (бог), что велико развращение человек на земле“ (Бытие 6, 5).

Восьмой [вид]: **קלל**, мы называем его **קלל קלל**, например: **קלל קלל קלל קלל קלל קלל קלל** — „Образовавший глаз не увидит ли?“ (Псалмы 94, 9). В виде предостережения: **קלל קלל** — „Он видит сокровенное“.

Девятый [вид]: **קלל**, [например]: **קלל קלל קלל קלל קלל קלל קלל** — „[Сущий над всем бог] прославляемый и благословенный во веки, аминь“ (К римлянам 9, 5). [Это ударение] одинаково с предыдущим по расположению точек, но оно ставится в конце высказывания.

Десятый [вид]: **קלל**, [например]: **קלל קלל קלל קלל קלל קלל קלל** — „призри (господи) и посмотри на поругание наше“ (Плач 5, 1). Это мы называем **קלל**.

Одиннадцатый [вид]: **קלל**. [Пример]: **קלל קלל קלל קלל קלל** — „Смерть! Где твое жало (I Коринфянам 15, 55).

Двенадцатый [вид]: **קלל**. [Пример]: **קלל קלל קלל קלל קלל** — „Вот агнец божий“ (Иоанн 1, 29). Это мы называем [еще] **קלל** и **קלל**.

¹⁰ Илья Тирханский дает 23 вида в своей грамматике.

Тринадцатый [вид]: $\kappa\lambda\kappa\epsilon$. [Пример]: $\kappa\lambda\kappa\epsilon\theta\epsilon\omega\kappa\kappa\alpha$ — „Где вы положили его“ (Иоанн 11, 34).

Четырнадцатый [вид]: $\kappa\alpha\iota\iota$, [например]: $\kappa\alpha\iota\iota\lambda\alpha\delta\epsilon\theta\alpha\iota\alpha\theta$
 $\alpha\delta\alpha\mu\kappa\kappa\alpha\kappa\alpha\kappa\alpha\kappa\alpha\kappa\alpha\kappa\alpha\kappa\alpha\kappa\alpha$ — „Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас“ (Матфей 11, 28).

Пятнадцатый [вид]: $\kappa\lambda\alpha\epsilon$. [Пример]: $\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha\iota\kappa\alpha\iota\kappa\alpha\iota\kappa\alpha\iota\kappa\alpha\iota\kappa\alpha\iota$ — „Беги, ищи стрелы, которые я пускаю“ (I Самуила 20, 36).

Шестнадцатый [вид]: $\kappa\lambda\epsilon\omega$. [Пример]: $\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha$
 $\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha$ — „прими меня в число наемников твоих“ (Лука 15, 19).

Семнадцатый [вид]: $\kappa\lambda\epsilon\omega$ или $\kappa\alpha\iota\iota$. [Пример]: $\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha$
 $\kappa\alpha\kappa\kappa\alpha$ — „Блаженны нищие духом“ (Матфей 5, 3).

Следует знать, что эти [последние] пять видов [ударений] очень похожи друг на друга, и поэтому нужно ставить их и называть по значению.

Восемнадцатый [вид]: $\kappa\iota\iota\iota$. [Пример]: $\kappa\iota\iota\iota\alpha\lambda\alpha\kappa\kappa\alpha$ — „как пали сильные“ (II Самуила 1, 27). Ставятся две точки над первой буквой.

Девятнадцатый [вид]: $\kappa\omega\omega$. [Пример]: $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$ — „починивающих сети (их)“ (Марк 1, 19). $\kappa\iota\iota\iota$. [Пример]: $\kappa\iota\iota\iota\kappa\iota\iota\iota$
 $\kappa\iota\iota\iota$ — „Вначале было Слово“ (Иоанн 1, 1).

Двадцатый [вид]: $\kappa\iota\iota\iota$ или $\kappa\omega\omega$. [Например]: $\kappa\iota\iota\iota\kappa\iota\iota\iota$
 $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$ — „не рожденный и неизменный“. [Когда это ударение] показывает, что [соединены] два члена или две мысли, мы называем его $\kappa\iota\iota\iota$ и [ставим] вместо $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$. [Например]: $\kappa\iota\iota\iota\kappa\iota\iota\iota$ — „явился во плоти“ (I Тимофею 3, 16).

Двадцать первый [вид]: $\kappa\iota\iota\iota$ и $\kappa\lambda\alpha\epsilon$, которое выше он называет $\kappa\omega\omega$. [Пример]: $\kappa\iota\iota\iota$ — „иудей“. Я думаю, что [здесь ударение] $\kappa\lambda\alpha\epsilon$, выше он называл его $\kappa\omega\omega$. [Пример]: $\kappa\iota\iota\iota\kappa\iota\iota\iota$
 $\kappa\iota\iota\iota$ — „Молодой лев Иуда“ (Бытие 49, 9).

[Двадцать второй вид]: $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$. [Пример]: $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$
 $\kappa\omega\omega$ — „Сеется в тлении, восстает в нетлении“ (I Коринфянам 15, 42). Это мы называем $\kappa\omega\omega$.

[Двадцать третий вид]: $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$. [Например]: $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$ — „ни смерть“ (К римлянам 8, 38). Это преимущественно $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$ называются все знаки в конце предложения.

В одной проповеди Мар Нарсая я нашел [следующие формы]: $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$ — „Ты разделишь его“, $\kappa\omega\omega\kappa\omega\omega$ — „Ты оставишь его“,

ܘܡܘܕܘܕܐ — „Ты напишешь ему“, ܘܡܘܕܘܕܘܐ — „Ты очистишь его“. Каждый глагол, в котором есть **ܐ** и который имеет подобное произношение, удобно протянуть таким образом.

Так же ܘܡܘܕܘܕܘܐ — „Я оставлю его“, ܘܡܘܕܘܕܘܐ — „Я разделю его“, ܘܡܘܕܘܕܘܐ — „Они оставят его“, ܘܡܘܕܘܕܘܐ — „Они разделят его“.

Глава тридцатая

Которая кратко излагает острое слов (ܘܕܘܐ) в сирийском языке

В сирийском языке семь частей речи: имя (ܘܕܘܐ), например: ܘܕܘܐ — „бог“, ܘܕܘܐ — „человек“, ܘܕܘܐ — „святой“, ܘܕܘܐ — „камень“, ܘܕܘܐ — „животное“, ܘܕܘܐ — „лошадь“, ܘܕܘܐ — „бык“, ܘܕܘܐ — „собака“, ܘܕܘܐ — „орел“, ܘܕܘܐ — „лев“; глагол (ܘܕܘܐ), например: ܘܕܘܐ — „Он сделал“, ܘܕܘܐ — „Он делает“, ܘܕܘܐ — „Он сделает“; местоимение (ܘܕܘܐ), прилагательное [ܘܕܘܐ?] ¹¹ или ܘܕܘܐ, например: ܘܕܘܐ — „святой“, ܘܕܘܐ — „справедливый“, ܘܕܘܐ — „святой человек“, ܘܕܘܐ — „справедливый“ [в неопределенном состоянии], ܘܕܘܐ — „преступный“ [в неопределенном состоянии], ܘܕܘܐ — „злой“, ܘܕܘܐ — „злой“ [в неопределенном состоянии]; причастие (ܘܕܘܐ), например: ܘܕܘܐ — „думающий“, ܘܕܘܐ — „проходящий“, ܘܕܘܐ — „начинающий“, ܘܕܘܐ — „говорящий“, ܘܕܘܐ — „делающий“ и еще: ܘܕܘܐ — „делающий, или тот, который делает“, ܘܕܘܐ — „тот, который был“, ܘܕܘܐ — „будущий, или тот, который будет“. Каждый глагол, к которому присоединены **ܐ** и **ܐܘܐ**, будет причастием (ܘܕܘܐ); предлог (ܘܕܘܐ), или примыкающий к союзу (ܘܕܘܐ), например: ܘܕܘܐ — „потому что“, ܘܕܘܐ — „только“, ܘܕܘܐ — „нет бытия“, ܘܕܘܐ — „нет“, ܘܕܘܐ — „мой“, ܘܕܘܐ — „с“, ܘܕܘܐ — „к“. Признак предлогов — присоединение пяти букв-местоимений: **ܐ, ܐܘܐ, ܐܘܐ, ܐ, ܐ**, например: ܘܕܘܐ — „для меня“, ܘܕܘܐ — „для тебя“, ܘܕܘܐ — „для него“, ܘܕܘܐ — „для нас“, ܘܕܘܐ — „для вас“, ܘܕܘܐ — „для них“, ܘܕܘܐ — „для них“ [ж. р.]; наречие (ܘܕܘܐ) или примыкающий к предложению (ܘܕܘܐ): ܘܕܘܐ — „также“, ܘܕܘܐ — „если“, ܘܕܘܐ — „когда“, ܘܕܘܐ — „ничего подобного“, ܘܕܘܐ — „наконец“, ܘܕܘܐ — „когда“, ܘܕܘܐ — „еще“, ܘܕܘܐ — „потому что“; союзы (ܘܕܘܐ): ܘܕܘܐ — „так как“,

¹¹ Этот термин поставлен мною предположительно, в тексте его нет. См.: *Syrische Grammatik*, p. 55 — немецкого перевода.

рой **та** произносится, такая: **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** → **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Они говорили“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** → **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Они рассматривали“. В каждом слове, в котором на конце нет **ܐܠܦ**, произносится **та**.¹³

И знай, о читатель, что в каждом глаголе, на конце которого **та** или **ܐܠܦ**, **та** скрывается, как в **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он выбирает“ → **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он скрывает“ → **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ**, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он хочет“ → **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он грешит“ → **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ**.

Но в каждом глаголе, на конце которого нет ни **та**, ни **ܐܠܦ** [в 3-м л. ж. р. мн. ч. перфекта], **та** произносится, как в **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** [глагола] **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он говорил“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** [глагола] **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он обманул“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** [глагола] **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он отрезал“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** [от] **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он ел“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** [от] **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Он носил“ и во всех [глаголах] этого вида. Когда **ܐܠܦ** в начале слова, а за ним согласная, не имеющая гласной, слово произносится с **та**, например: **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Мы умножили“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Мы открыли“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Мы выбрали“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Мы отказали“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Мы выпили“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Мы отвернулись“, **ܘܗܘܢ ܗܘܘܪܘܢ** — „Мы отстранились“.

Если после этих четырех букв (**ܘܗܘܢ**), когда они в начале глагола, [стоит **та**], они указывают на настоящее и будущее время.¹⁴

Знай, о господин мой, что каждый глагол из трех букв, одна из которых **ܘܗܘܢ**, не произносится ни мягко, ни твердо. И знай, что в каждом глаголе, в котором есть **ܘܗܘܢ** над первой и последней согласной, первую **ܘܗܘܢ** подчеркни, вторую **ܘܗܘܢ** оставь [без внимания]. Каждый **ܐܠܦ**, которому предшествует **ܐ**, произносится как **а**.

Знай, что в каждом имени, в котором есть точки множественного числа (**ܘܗܘܢ**) и **та**, впереди которого согласная, снабженная **ܐܠܦ**, затем **ܘܗܘܢ**, **ܘܗܘܢ** произносится твердо, т. е. [как в] **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ** — „ваши толпы“, **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ** — „ваши тела“, **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ** — „ваши члены“, **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ** — „ваши ряды“, и в [других словах], подобных этим.

Читай: **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ**, **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ**, **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ**, **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ**, **ܘܗܘܢ ܘܗܘܢ**; [в этих и] остальных, подобных им, **ܐܠܦ** [произносится], **ܐܠܦ**, как правило, скрывается.

Произноси каждый **ܐܠܦ** в конце слова, когда в начале слова, следующего за ним, **ܐܠܦ**, и скрой **ܐܠܦ**, как **ܘܗܘܢ ܐܠܦ**¹⁵ — „если вы“,

¹³ Во множественном числе. См.: *Syrische Grammatik*, p. 57 — немецкого перевода.

¹⁴ Тогда подавляется **та**. См.: там же.

¹⁵ Произносится: *e-nattun*, — прим. Бетмена. См.: *Syrische Grammatik*, p. 58 — немецкого перевода.

מִתְּנוּחָאֵי — „от его подушки“, מִתְּנוּחָאֵי — „из общества“, מִתְּנוּחָאֵי — „[В грехе] зачала меня мать моя“ (Псалмы 51, 7).

Каждый раз, когда הַיָּ and הַיָּ находятся в середине слова [рядом] и им предшествует огласованная согласная, первый [из них] пропускается при произношении, будь то י или ה, как в הַיָּ — „Вы схватили“, הַיָּ — „Вы охотились“. В каждом слове, которое в женском роде [имеет формы], подобные הַיָּ — „приходите“, הַיָּ — „смотрите“, הַיָּ — „зовите“, и во всех словах такого вида הַיָּ читается как הַיָּ. Каждый הַיָּ, которому предшествует הַיָּ, читается как הַיָּ.

הַיָּ, которому предшествует הַיָּ, читается как הַיָּ, например: הַיָּ — „Самуил“, הַיָּ — „Иезекиил“, הַיָּ — „Гавриил“. Везде, где сталкиваются два הַיָּ, второе [הַיָּ] также [произносится], например: הַיָּ — „Он назвал“, הַיָּ — „Он создал“. Каждый הַיָּ, которому предшествует הַיָּ, не произносится, как הַיָּ в הַיָּ — „борода“ и הַיָּ — „плод“. Каждая буква הַיָּ, которая предшествует [другой букве] הַיָּ и имеет הַיָּ, произносится как הַיָּ. Всякий раз из двух согласных, находящихся в середине слова, когда за ними следует огласованная согласная, одна опускается, как в הַיָּ — „Он раскаялся“, הַיָּ — „рассказано“, הַיָּ — „им было пройдено“. Каждый הַיָּ, который находится в середине слова, а за ним огласованный הַיָּ, когда ему [алефу] предшествует гласная, обязательно опускается, как: הַיָּ — „смотрящий на меня“, הַיָּ — „просящий меня“, הַיָּ — „звущий меня“, הַיָּ — „ненавидящий меня“.

Всякий раз, когда הַיָּ הַיָּ в середине имени, а после него одна из пяти [букв] הַיָּ с הַיָּ или הַיָּ, она [одна из этих букв] произносится мягко, как הַיָּ — „взятый“, הַיָּ — „кричащий“, הַיָּ — „преклоняющий колени“, הַיָּ — „создание“, הַיָּ — „звание“ и тому подобные.

Если же согласная, которая предшествует этому הַיָּ по этому правилу имеет הַיָּ или הַיָּ, [согласная], которая следует после הַיָּ, обязательно произносится твердо, например: הַיָּ — „келья“, הַיָּ — „дальний“ и им подобные.

Если же на месте этого הַיָּ הַיָּ или הַיָּ, который следует за ним, читается мягко, как [в] הַיָּ — „молитва“, הַיָּ — „кипарис“, הַיָּ — „состояние“, הַיָּ — „глупость“, הַיָּ — „свидетельство“, הַיָּ — „учение“, הַיָּ — „действие“.

Когда [в слове] **אָז** — „тогда“ **אָז** написан слитно с **אָז**, **אָז** указывает на время, которое прошло, а когда **אָז** и **אָז** [написаны] раздельно, **אָז** указывает на женский род или некую сущность. Когда в [слове] **אָז** — „вместе“ **אָז** с **אָז** написаны слитно, оно [это слово] указывает на (одновременность), общность, например: **אָז אָז** — „Мы съели обед вместе“ (Псалмы 55, 14), **אָז אָז** — „Они бежали оба вместе“ (Бытие 2, 6). Когда **אָז** — „как“ и **אָז** — „один“ разделены, [они служат] для указания единичности вещи; например, кто-нибудь скажет: **אָז אָז** — „часть такого-то как одна из частей такого-то“. Если [в слове] **אָז** написан слитно с **אָז**, оно [это слово] употребляется как указание, что вследствие, мол, этого, нечто подобно тому-то и тому-то...

Когда **אָז** отделен от **אָז**, [как]: **אָז אָז**, [это служит] как указание, подобно тому что кто-нибудь скажет: **אָז אָז** — „Нужно, чтобы мы вели себя с людьми, с каждым человеком соответственно его виду, т. е. обычаю, существующему у него“.

Какая разница между **אָז** — „гордый“, **אָז** — „тщеславный“, **אָז** — „высокомерный“, **אָז** — „надменный“?

אָז — тот, кто гордится тем, что у него есть, как богатый своим богатством, а ученый ученостью.

אָז — тот, кто хвастается тем, чего у него нет, подобно слуге, хвастающему славою своего господина.

אָז — тот, у кого нет причины возвышаться ни благодаря сердцу, ни благодаря уму, ни благодаря устам.

אָז — тот, в ком много спеси, презирающий всех в мыслях и на словах.

אָז — „гордый“, также и **אָז** — „надменный“.

Какая разница между **אָז** — „неправда“, и **אָז** — „ложь“?

אָז — то, что кто-нибудь соврет просто, как придется.

אָז — то, что заложено в сердце, [когда человек действует] при помощи уловок и хитростей, что переработано сначала в уме, а затем высказано.

Какая разница между **אָז** — „радость“, **אָז** — „бодрость“, **אָז** — „ликование“, **אָז** — „праздник“?

קִּוּיָּהוּ находится в сердце, קִּוּיָּהוּ — на лице, קִּוּיָּהוּ — в ногах, קִּוּיָּהוּ выражается в делах; например, какой-нибудь человек устраивает большой пир и праздник для своих друзей или праздник жениха и невесты в день свадьбы.

Какая разница между קִּוּיָּהוּ — „приближающийся“ и קִּוּיָּהוּ — „склоняющийся“?

קִּוּיָּהוּ — приближение [одной] сущности к другой, קִּוּיָּהוּ — иметь склонность мысли к чужому учению.

Какая разница между קִּוּיָּהוּ — „горе“, קִּוּיָּהוּ — „беспокойство“ и קִּוּיָּהוּ — „скорбь“?

קִּוּיָּהוּ [продолжается] долгое время, как [горе] Иакова об Иосифе.

קִּוּיָּהוּ [длится] короткое время, как [беспокойство] человека, который видит тех, которые раздеты и бедны, и печалится о них.

קִּוּיָּהוּ — боль сердца, нет ей конца до самой смерти, как скорби святых.

Какая разница между [глаголами] קִּוּיָּהוּ — „Он ждал“, קִּוּיָּהוּ — „ожидание“, קִּוּיָּהוּ — „длится“?

קִּוּיָּהוּ мы употребляем иногда в ожидании слов, קִּוּיָּהוּ [указывает], что ожидание [длится] долгое время, как [сказал] Павел Тимофею:

קִּוּיָּהוּ קִּוּיָּהוּ קִּוּיָּהוּ קִּוּיָּהוּ — „Ты пребывай в том, чему научен“ (II Тимофею 3, 14) и т. д.

קִּוּיָּהוּ среднее между קִּוּיָּהוּ и קִּוּיָּהוּ.

Какая разница между קִּוּיָּהוּ — „недостаток“, קִּוּיָּהוּ — „аскетизм“, קִּוּיָּהוּ — „отшельничество“.

קִּוּיָּהוּ — недостаток всего, что требуется человеку, чтобы удовлетворить свои потребности.

קִּוּיָּהוּ — исключительное терпение во всех бедах, как [терпение] отца Арсения и товарищей.

קִּוּיָּהוּ — отказ и удаление от всех, которые [принадлежат] к этому миру, подобно [удалению] Иоанна Крестителя и отца Марка Тармакийского.

Какое различие между קִּוּיָּהוּ — „действие“ и קִּוּיָּהוּ — „дело“?

קִּוּיָּהוּ — не сохраняется, [после того как] его закончил его создатель, подобный играющему на флейте, танцору, бегуну или валяльщику.

קִּוּיָּהוּ остается, после того как его сделал его творец, долгое время, как дом, построенный архитектором, кресло плотника.

Какая разница между קִּוּיָּהוּ — „спасение“, קִּוּיָּהוּ — „сохранность“, קִּוּיָּהוּ — „освобождение“, קִּוּיָּהוּ — „бегство“, קִּוּיָּהוּ — „избавление“?

קִּוּיָּהוּ, например, [спасение] сыновей Израиля Моисеем от египетского рабства.

כָּפָרוֹת подобно тому, как Иона спас ниневитян от гибели тем, что они основали Ниневию благодаря молитве [Ионы].

כְּפִירָא — средство, которое делается человеком, чтобы помочь [себе] в испытаниях, подобно Ноеву ковчегу, который был причиной сохранения человеческого рода.

כְּפִירָא — переход от горя к избавлению и от нужды к богатству; например, купцы носились на судне среди бушующего моря, достигли с помощью бога спокойного места и остались невредимы.

כְּפִירָא — переход от состояния [жизни] телесной к состоянию [жизни] души и от [состояния] жизни души к [состоянию] жизни духа благодаря отшельническому образу жизни.

Вопрос: в чем разница между כָּפַר — „упрек“, כָּפַרְתִּי — „вина“, כְּפִירָא — „предостережение“, כִּפּוּרָא — „выговор“?

Ответ: כָּפַר — мысленный упрек, когда обвиняемого нет рядом, а словами כְּפָרְתִּי, כְּפִירָא, כִּפּוּרָא порицание выражается, когда одно лицо к другому близко. Но כְּפִירָא — более сильное [выражение порицания], чем כְּפָרְתִּי, потому что כְּפָרְתִּי [говорится] любовно и завуалированно, כְּפִירָא твердо и открыто, в лицо человеку. כִּפּוּרָא — более сильное [выражение], чем כְּפִירָא, потому что оно огорчает ум и причиняет боль сердцу. Оно подобно слову апостола Тимофея: אֵלֶּיךָ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ מְבָרָךְ לְכָל הַיּוֹמִים — „Согрешающих (мол) обличай пред всеми и порицай“. (I Тимофею 5, 20). Далее: וְעַתָּה אֲנִי מְבַרְכְּךָ אֵלֹהֵינוּ יְהוָה לְכָל הַיּוֹמִים כְּפִירָא כְּפִירָא

כָּפַר מַלְאָכָא וְשְׁמַרְתִּי כְּפִירָא — „Обличи согрешающего перед двумя и тремя свидетелями, и если он не отвратится от пути зла, сделай ему порицание перед всем обществом“ (Матфей 18, 15 сл.).

Какая разница между כָּפַר — „порицание“, כְּפִירָא — „обвинение“. כָּפַר — стыд за то, что было сделано или сказано. Это [слово] в большинстве случаев [употребляется], когда порицаемый находится далеко, כְּפִירָא — наоборот, когда обвиняемый близко.

Какая разница между כְּפִירָא — „суждение“ и כְּפִירָא — „мнение“? Мы считаем, что כְּפִירָא ближе к истине, чем כְּפִירָא.

Какая разница между כָּפַר — „открытый“ и כָּפַר — „указанный“? Мы говорим כָּפַר о том, что было скрыто и обнаружилось, כָּפַר употребляется для того, что открыто.

כְּפִירָא, כְּפִירָא, כְּפִירָא — многие и разные языки, כְּפִירָא — некто говорящий, кто [сам по себе] не имеет изменений, как арамей или еврей.

כְּפִירָא — (при жизни) свидетельствовавшие, т. е. умершие.

ḥṣḥṣḥṣḥ — открывшие, т. е. книги, глаза и уши.

ḥṣḥṣḥ — бросающие, т. е. [бросающие] долгое время.

ḥṣḥṣḥ — свидетельствующие от себя, не призывая никого для свидетельства.

ḥṣḥṣḥ — свидетельствующие от других, призывая в свидетели.

ḥṣḥṣḥ — радующие себя и радующие других.

ḥṣḥṣḥ — подобный человеку, единственному по своей учености в своем веке.

ḥṣḥṣḥ — расположенный один раз, ḥṣḥṣḥ и ḥṣḥṣḥ — расположенный много раз.

ḥṣḥṣḥ — они были закрыты один раз, ḥṣḥṣḥ — они были закрыты много раз.

ḥṣḥṣḥ — быть упомянутым много раз.

ḥṣḥṣḥ — быть упомянутым один раз.

ḥṣḥṣḥ — дошло до меня, нечто, что было близко мне и коснулось меня, как одежда тела. ḥṣḥṣḥ — достигло меня, нечто, что было далеко и было доведено до меня, как ожидаемая награда или молва.

ḥṣḥṣḥ [значит], что человек что-то выбрасывает из рук или из сердца, ḥṣḥṣḥ — переход от общего к частному.

ḥṣḥṣḥ — нуждающийся в других, нуждающийся потому, что у него нет своего знания.

ḥṣḥṣḥ — завернутый один раз, ḥṣḥṣḥ — много раз заворачиваемый в одежды.

Конец грамматики, написанной Мар Ильей, католикосом.

ИНДЕКС ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В ГРАММАТИКЕ

Настоящий индекс грамматических терминов составлен по следующему принципу: термин, написанный по-сирийски, затем его перевод (если нет указаний на синонимы в сирийском и арабском языках) и перечень глав, в которых он встречается в данном значении. В скобках перевод термина на немецкий язык, данный Бетгеном (следует за буквой **В.**, что сокращенно значит Бетген), и*страница, на которой он имеется в списке грамматических терминов Моберга¹ (следует за буквой **М.**, что сокращенно значит Моберг). Если значение термина у Моберга совпадает с нашим переводом, дается только номер страницы, если не совпадает, приводится его значение в понимании Моберга. Если же этого термина в индексе Моберга не имеется, это обозначается простым пропуском упоминания Моберга.

В индексе грамматических терминов Моберга для каждого термина даны имена сирийских грамматиков с указанием страницы и строки грамматик, в которых они имеются. В тех случаях, когда Моберг не дает ссылки на грамматику Ильи Тирханского, это отмечается (без ссылки на И. Т.). Также отмечается тот факт, если Моберг упоминает только грамматику Ильи Тирханского (ссылка только на И. Т.). Термины расположены по корням в алфавитном порядке.

ܘܠܬܐ вид: 7, 16, 22, 28 (**В. Art, Species; М. 9, 1** — без ссылки на И. Т.).

ܘܠܬܐܘܠܬܐ виды предложений: 7 (**В. Arten von Sätzen; М. 9, 2**).

ܘܠܬܐܘܠܬܐ (син. сир. ܘܠܬܐ, араб. الجمال) (имя) качества: 13 (**В. Qualität; М. 11**).

ܘܠܬܐܘܠܬܐ (син. сир. ܘܠܬܐܘܠܬܐ, араб. جملة) речь: 13; предложение: 1, 5, 7, 11, 13, 14, 29, 30 (**В. Satz; М. 14**); проповедь: 29 (**В. Homilie**).

ܘܠܬܐܘܠܬܐ связывать: 22, 30 (**В. Verbinden; М. 15**). ܘܠܬܐܘܠܬܐ (син. араб. حرف) союз: 10, 12, 28, 30 (**В. Konjunktion**); частица: 18 (**В. Konjunktion; М. 15, 1**) Partikel, dritter und letzter Redeteil; 2) σύνδεσμος der griechischen Grammatiker, Konjunktion). ܘܠܬܐܘܠܬܐܘܠܬܐ утвердительные частицы: 18 (**В. Bedingungskonjunktionen**). ܘܠܬܐܘܠܬܐܘܠܬܐ звательные частицы: 18 (**В. Rufkonjunktionen**).

¹ Moberg. Buch der Strahlen. Zur Terminologie. p. 163.

- כֹּלֵיךְ долгота (длительность, протяженность): 13, 15, 18 (B. Länge).
אִתִּיךְ, אִתְּךָ (син. אִתִּי, אִתְּךָ) связка: 1, 3, 4 (B. Artikel — 1, Bindeglied — 3, 4); частица: 16, 19 (B. Bindeglied — 16; Bindeglied (Relativum) — 19; M. 17); связывающие члены: 16 (B. Bindeglieder).
- כֹּתֹבֵךְ буква: 1, 2, 5—7, 12, 16, 17, 22, 24—30 (B. Buchstabe, Konsonant — 27); согласная: 5, 17, 26, 27, 30 (B. Konsonant); союз: 22 (B. Konjunktion; M. 17, 1) Buchstabe als Schriftzeichen; 2) (wie ar. حرف auch): Partikel). כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ движущаяся согласная: 17 (B. Bewegte Konsonant). כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ движущаяся буква: 17 (B. Bewegte Buchstabe, bewegte Konsonant); огласованная согласная: 30 (B. Mit einem Vokal versehener Buchstabe; M. 34 כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ (כֹּתֹבֵךְ) mit Vokal gesprochener Buchstabe). כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ буква, претерпевающая руккаху или кушайю: 12 (B. Leidende Buchstabe; M. 43). כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ слабые буквы: 17 (B. Kranke Buchstaben; M. 52). כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ активные буквы: 30 (B. Bildungsbuchstaben). כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ гласные буквы: 5, 17, 25, 27 (B. Vokalbuchstaben; M. 88, 2). כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ буквы, имеющие смягчение: 28 (B. Buchstaben, welche weich ausgesprochen werden). כֹּתֹבֵךְ כֹּתֹבֵךְ покоящаяся буква, согласная буква, не имеющая гласной: 27, 30 (B. Vokalloser Konsonant).
- כֹּס согласовывать: 10 (B. Konstruieren, M. 21 — *ссылка только на И. Т.*).
- כֹּס несклоняемый: 1, 2, 18 (B. Indeklinabel; M. 21 (ar. مَبْنِيّ) flexionlos — *ссылка только на И. Т.*).
- כֹּס כֹּס слово: 10, 12, 29 (B. Wort); звук: 27 (B. Vokal).
- כֹּס כֹּס сокращенный: 18 (B. Verkürzt; M. 22 (verkürzt; von Buchstaben) nicht ausgesprochen — *ссылка только на И. Т.*).
- כֹּס כֹּס слово: 25 (B. Deutlich ausgesprochen wird (כֹּס כֹּס כֹּס)); звук: 25 (B. Laut); звуковое изображение: 25 (B. Laut); ударение: 25 (B. Akzent; M. 22, 1) Laut, Lautgebilde; 2) von einer Stimmulation, Akzenten. *Во втором значении ссылка только на И. Т.*).
- כֹּס כֹּס гортанные (буквы): 26 (B. Kehlbuchstaben; M. 23).
- כֹּס случайность: 30 (B. Akzidenz).
- כֹּס כֹּס раскрытый, произнесенный, обнаруженный, открытый: 19, 25, 28, 30 (B. Äusserlich, sichtbar ist, ausgesprochen wird, vernehmbar ist, deutlich hervortreten; M. 24). כֹּס כֹּס произносится (о букве): 25 (B. Ausgesprochen wird; M. 24).
- כֹּס כֹּס быть выпущенным при произношении: 26, 30 (B. Verscheuckt, unterdrückt; M. 24). כֹּס скрытый: 17 (B. Verstoehlen; M. 25).

כֶּסֶל род: 16, 28, 30 (B. Genus; M. 25). כֶּסֶלִים родительный падеж: 16 (B. Genetiv; M. 26, 4).

כֵּסֶל сосуд: 16 (B. Gefäss).

כִּיּוּר название ударения: 29 (B. Gârûrâ; M. 26).

כֶּסֶפֶת написанный слитно: 30 (B. Verbunden ist; M. 26).

כְּבוֹד место (направления): 16; (имя) места: 3 (B. Ort).

כְּבֻלָּה свойство: 30 (B. Qualität).

כִּיָּא, כִּיָּאֵל, כִּיָּאֵלֵת, כִּיָּאֵלֵת мужской род: 1, 5, 15, 20, 23, 25, 27, 28 (B. Masculinum; M. 27).

כְּבִישׁוֹת образ: 16 (B. Bild; M. 27 Form (eines Wortes)). כִּישׁוֹת подобный: 25, 29, 30 (B. Gleiche, ähnliche; M. 27 כִּישׁוֹת 1) ähnlich; 2) bildlich, metaforisch (vom Epithet)).

כִּיָּמֶרֶתוֹ название ударения: 29 (B. Metdamrânâ; M. 28).

כְּדִלְהָה (у вост. сир. син. כִּדְלָה, כִּדְלָהוֹ) название ударения: 29 (B. Dathlâthâ).

כֶּסֶל, כֶּסֶלֵת снабженный линией כֶּסֶלֵת: 2, 8 (B. Versehen mit Hegjâna; M. 28, 3) mit der Linie כֶּסֶלֵת versehen). כֶּסֶלֵת слог: 8, 17, 25 (B. Silbe); название линии: 28 (B. Hegjâna; M. 28, 1) Aussprache eines Buchstaben mit einem Vokale; 2) Die Linie, der sonst כֶּסֶלֵת heißt). כֶּסֶלֵת название линии: 28 (B. Mhagjîânâ; M. 29, 2).

כְּסִילֵת член (в значении части целого, части речи); член предложения: 16, 25, 29 (B. Glied, Satzglied; M. 29); частица: 28 (B. Partikel).

כְּסִילֵתֵי субъект: 16, 30 (B. Subjekt — 16, Substrakt — 30; M. 29).

כֹּבֵד время: 3, 5, 10, 16, 19, 22, 27, 30 (B. Zeit; M. 30 Zeit, Zeitstufe). (כֹּבֵדֵי) כֹּבֵדֵי прошедшее время: 5, 15, 20, 25, 26, 28, 30 (B. Perfekt, Praeteritum — 20, 26, 28, Vergangenheit — 30; M. 30 כֹּבֵדֵי Vergangenheit, כֹּבֵדֵי כֹּבֵדֵי Perfectum). כֹּבֵדֵי настоящее время: 5, 25, 26, 27, 28 (B. Präsens, Präsensformen — 5, 26; M. 30 כֹּבֵדֵי Gegenwart, כֹּבֵדֵי כֹּבֵדֵי Partizip). כֹּבֵדֵי будущее время: 5, 25, 28 (B. Futurum; M. 30 כֹּבֵדֵי (כֹּבֵדֵי) Zukunft, כֹּבֵדֵי כֹּבֵדֵי Imperfektum).

כֶּסֶל название ударения: 13, 18, 28, 29 (B. Zaugâ; M. 32). כֶּסֶלֵת название ударения: 29 (B. Zaugâ 'elâjâ).

כֶּסֶלֵת, כֶּסֶלֵת находящаяся в движении (о букве): 17 (B. Lautbare Aussprache, bewegt; M. 32 כֶּסֶלֵת Aph. mit Vokal sprechen (von einem Buchstaben), Vokalausssprache bewirken). כֶּסֶלֵת, כֶּסֶלֵת, כֶּסֶלֵת вокализованный, быть вокализованным, огласованным: 16, 17 (B. Bewegt — 16, 17, vokalisieren — 17, gesprochen werden — 17). כֶּסֶלֵת гласная: 17 (B. Vokal); движение (гласной): 17, 27 (B. Bewegung, Vokalbewegung); изменение (гласной): 3, 10, 16; изменение по падежам:

- 16 (В. Vokalveränderung — 3, 16, Vokalbewegung — 10, Vokal — 16); название ударения: 29 (В. Zau'â; М. 32 Bewegung 1) der einen Konsonanten begleitende Vokallaut; 2) von der Aussprache mit einem Akzente; 3) Name eines westsyр. Akzentes (osts. **ܙܘܐܝ**); 4) gr. *σοφορία* (?).
- ܙܘܐܝܘܬܐ** движение: 2, 27 (В. (Vokal) bewegung); вокализация: 6, 17 (В. Vokalisation — 6, Vokalbewegung — 17, Vokalität — 17); изменение (гласной): 2, 10, 18 (В. Vokalveränderung — 2, Vokalbewegung — 10, Bewegung (d. i. Veränderung der Worte) — 18); изменение (имен, глаголов и фразовых членов, по-видимому любое изменение их форм): предисловие (В. Satzglied); ударение: предисловие, 13, 16 (В. Akzent, Bewegung — 16); произношение: 27 (В. Aussprache); точки (*т. е. знаки препинания*): 13 (В. Interpunktionszeichen (eig. Bewegungen)); гласная: 5, 8, 16—18, 27, 30 (В. Vokal, Vokalbewegung — 16, Vokal (veränderung) — 16, Bewegung — 17, Vokalbuchstabe — 27); падежная буква, падеж: 2 (В. Vokalbewegungen (Kasus); М. 32—34 Bewegung 1) Aussprache eines Konsonanten mit Vokal; 2) Aussprache eines Konsonanten mit Rukkâk^hâ oder Quššâja; 3) die durch einen Akzent bezeichnete Stimm-Modulation (Vortragsweise)). **ܙܘܐܝܘܬܐ** — движущийся: 17 (В. Bewegt). **ܙܘܐܝܘܬܐ** название ударения: 13, 29, 30 (В. Mzî'ânâ; М. 32, 2). **ܙܘܐܝܘܬܐ** название ударения: 29 (В. Mzî'ânâ rabbâ; М. 32, 2).
- ܙܘܐܝܘܬܐ** название ударения: 29 (В. Mzahrânâ).
- ܙܘܐܝܘܬܐ** наречие: 19 (В. Modus); вид: 2, 5—7, 10, 13, 16, 21, 26, 28—30; падеж: 2; образ: 15 (В. Art, Weise — 13, Gruppe — 29, Regel — 30); форма: 15, 23, 24 (В. Form); качество (син. сир. **ܙܘܐܝܘܬܐ**, араб. **الحال**): 13 (В. Modus); имя качества: 13 (В. Modus; М. 35, 1) Qualität; 2) Art und Weise, daher Ausdrucksweise, oft soviel als Form). **ܙܘܐܝܘܬܐ** сопряженное состояние: 7, 16 (В. Statuskonstruktusverbindung; М. 52). **ܙܘܐܝܘܬܐ** вид пунктуации: предисловие, 18 (В. Art der Punctuation, Interpunktion). **ܙܘܐܝܘܬܐ** в сокращенном виде: 24 (В. Art von Elision; М. 82 — ссылка только на И. Т.). **ܙܘܐܝܘܬܐ** в форме повелительного наклонения: 24 (В. Imperativ). **ܙܘܐܝܘܬܐ** звательная форма: 6 (В. Anrede; М. 91 Ausruf, Anruf — ссылка только на И. Т.).
- ܙܘܐܝܘܬܐ** произносить с zeqâpâ: 25 (В. Versehen mit Zkâfâ; М. 36). **ܙܘܐܝܘܬܐ**, **ܙܘܐܝܘܬܐ**, **ܙܘܐܝܘܬܐ** гласный zeqâpâ: 9, 12, 17, 24, 27—30 (В. Zqâfâ, mit Zqâfâ versehenes (**ܙܘܐܝܘܬܐ**); М. 36 **ܙܘܐܝܘܬܐ** der Vokal Z^oqâp^hâ, **ܙܘܐܝܘܬܐ** mit Z^okâp^hâ gesprochen u. s. w.).
- ܙܘܐܝܘܬܐ** название ударения: 29 (В. Zâqûrâ; М. 36).
- ܙܘܐܝܘܬܐ** название гласной: 17, 27 (В. Ḥbhâšâ; М. 37). **ܙܘܐܝܘܬܐ** вав х̣бй̣стâ (вав, произнесенный с х̣евâçâ): 24, 25 (В. Vau Ḥbhîštâ; М. 37). **ܙܘܐܝܘܬܐ**, йод х̣бй̣стâ (йод, произнесенный с х̣евâçâ): 30 (В. Jûd Ḥbhîštâ; М. 37).

- 𐎠𐎡𐎢, 𐎠𐎡𐎢𐎣, 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 единственное число: 1, 5, 20—22, 25, 27, 28 (B. Singular; M. 38 Singularisch, Singular). 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 единичность: 30 (B. Vereinzlung; M. 38 Singularität, Eigenschaft singularisch zu sein).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣 название ударения: 29 (B. Mḥajdânâ; M. 38).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 название ударения: 29 (B. Mḥawjânâ; M. 38).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 сильная буква: 17 (B. Gesund; M. 39).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 изменение (глагола): 3, 6 (B. Flexion (des Verbums)—3, Veränderung; M. 39 Veränderung überhaupt).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 местоимение: 13, 15, 30 (B. Pronomen, Pronomen (suffixum)—15); местоименный суффикс: 1 (B. Pronomen suffixum; M. 39 Pronomen).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 пассивность: 26 (B. Leiden; M. 43 Leiden als Bedeutung passivischer Verbal — und Nominalformen). 𐎠𐎡𐎢𐎣, 𐎠𐎡𐎢𐎣, 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 подвергающийся действию, испытывающий воздействие, претерпевающий: 1—3, 18 (B. Leidende, erleiden; M. 43 𐎠𐎡𐎢𐎣 leidend, Patiens). 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤, 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 объект действия: 1 (B. Patiens); пассивный залог: 20 (B. Passivisch; M. 43, 1) (von Wortformen) passivisch, von Nomen (N. patientis); 2) (ar. اللفعل) Patiens; 3) (von den Buchstaben 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤 als) Quššâjâ bzw. Rukkak^ha erleidend). 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥 пассивность: 16 (B. Leiden; M. 44).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏀𐏁𐏂𐏃𐏄𐏅𐏆𐏇𐏈𐏉𐏊𐏋𐏌𐏍𐏎𐏏𐏐𐏑𐏒𐏓𐏔𐏕𐏖𐏗𐏘𐏙𐏚𐏛𐏜𐏝𐏞𐏟𐏠𐏡𐏢𐏣𐏤𐏥𐏦𐏧𐏨𐏩𐏪𐏫𐏬𐏭𐏮𐏯𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) конечная (буква): 6, 26 (B. Schluß(alaf)—26, Schliessende Buchstabe—6; M. 44—ссылка только на И. Т.).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) сказуемое (син. сир. 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿, араб. الخبر: 13 (B. Enuntiativus; M. 44 Predicät).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) порядок: 1, 14 (B. Ordnung; M. 45 Stellung der Buchstaben oder der Vokale im Worte). 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) классификация: 27 (B. Ordnung; M. 45 Stellung des Wortes im Satze).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) название линии (сокращения): 28 (B. Mtarjânâ; M. 45).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) пример, образец, тип: 1, 13, 16 (B. Beispiel, Typus; M. 45 Form (eines Wortes). Bildungsform—без ссылки на И. Т.).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) скрывать, быть скрытым: 25, 30 (B. Verbergen, unterdrücken; M. 46 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿 Pa. verbergen). 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) скрытая, опущенная (буква): 30 (B. Unterdrückt; M. 46 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿 P^o. (Part. pass.), Et^hpa. Pass. 2) von Buchstaben, wohl als Reminiszenz älterer Ausdrucksweise und in der Regel durch 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿 ersetzt).
- 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) знак, признак: 2, 3, 27, 30 (B. Merkmal, Anzeichen, Zeichen, Erkennungszeichen; M. 46 Zeichen, besonders von Vokal- und Akzentzeichen). 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) (син. араб. معرفة), 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) (син. араб. نكرة) определенное (имя), неопределенное (имя): 11 (B. Bestimmt, unbestimmt; M. 47). 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) обозначение: 3 (B. Anzudeuten). 𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿) признак,

- обозначение, значение: 1, 3, 27, 28 (В. Mittel, Bezeichnung, Erkennungsmittel, Merkmal, auszudrücken, bezeichnet; М. 47, 1) Hinweisung; 2) (ar. خبر) Predicat).
- ܐܘܨܘܢܐ дательный падеж: 2, 16 (В. Dativ; М. 47 gr. δοτικῆ (πτῶσις)).
- ܐܘܒܐܢܐ название ударения: 29 (В. Jáheb Ṭúbe; М. 47 — без ссылки на И. Т.).
- ܐܘܒܘܢܐ присоединение (букв ܐ, ܝ, ܐ к именам при связывании имен в предложении): 4 (В. Hinzufügung; М. 48 Zusatz jeder Art zu einem Worte — без ссылки на И. Т.).
- ܐܘܒܘܢܐ (син. ܐܘܒܘܢܐ, ܐܘܒܘܢܐ) тяжесть, усилие (при произношении слова): 8, 15, 24, 25, 28 (В. Schwere, Beschwerde; М. 49). ܐܘܒܘܢܐ тяжелая (т. е. долгая гласная, звук): 17 (В. Schwer (d. i. lange Vokale), Schwestern Laut; М. 49 Schwer, unbequem (für die Aussprache)).
- ܐܘܒܘܢܐ краткая (гласная), противоположность ܐܘܒܘܢܐ: 17 (В. Leichten (d. i. Kurzen Vokal)).
- ܐܘܒܘܢܐ образовывать множественное число: 25 (В. Plural bilden; М. Et^hp. in Pluralform gesetzt, gebraucht werden). ܐܘܒܘܢܐ множественное число: 21 (В. Plural; М. 51, 2) (nach ar. جمع Pluralis). ܐܘܒܘܢܐ ܐܘܒܘܢܐ (И. Т. сопоставляет это с той же категорией в арабском языке, но арабского термина не дает) множественное число множественных чисел: 21 (В. Plural des Plural; М. 51 (ar. جمع الجمع) — ссылка только на И. Т.).
- ܐܘܒܘܢܐ слабость (букв): 17 (М. 52 ܐܘܒܘܢܐܐ Schwäche (eines Buchstaben; ar. علة)).
- ܐܘܒܘܢܐ (син. ܐܘܒܘܢܐ ܐܘܒܘܢܐ) название вида пунктуации: 29 (В. Kârtâ).
- ܐܘܒܘܢܐ знак чтения, который ставится для выделения обращения в предложении: 18, 29 (В. Methkašfânâ; М. 52 syn. ܐܘܒܘܢܐ Bitte als Satzart — без ссылки на И. Т.).
- ܐܘܒܘܢܐ знаки шрифта: 17 (В. Schrift); согласные буквы алфавита: 17 (В. Konsonantenschrift; М. 52).
- ܐܘܒܘܢܐ (син. ܐܘܒܘܢܐ) затруднение (при произношении слова): 24 (В. Schwere).
- ܐܘܒܘܢܐ сопровождение (значение частицы ܐ): 16 (В. Begleitung).
- ܐܘܒܘܢܐ слово: 30 (В. Wort; М. 52 ܐܘܒܘܢܐ (λέξις) 1) Wort; 2) Sprache).
- ܐܘܒܘܢܐ произносить: 28 (В. Auszusprechen; М. 53 ܐܘܒܘܢܐ. Pa. aussprechen, Et^hp. pass. — без ссылки на И. Т.). ܐܘܒܘܢܐ язык: предисловие, 17, 18, 26—28, 30 (В. Sprache, Zunge — 26, Munde — 28; М. 53 Aussprache — без ссылки на И. Т.). ܐܘܒܘܢܐ (ܐܘܒܘܢܐ) (явления) языка: предисловие (В. Sprache).
- ܐܘܒܘܢܐ ܐܘܒܘܢܐ (перевод арабского термина ظروف الزمان والمكان) сосуд времени и места: 10 (В. Gefässe der Zeit und des Orts; М. 54 — ссылка только на И. Т.).

ܠܘܠܐ цель („ܘ для выражения цели“): 16, 30 (B. Zweck; M. 54, 1) Aussageform (des Verbs); 2) ܠܘܠܐܬܐ ܠܘܠܐܬܐ Buchstaben der Vervollständigung werden die Buchstaben ܠ, ܘ, ܐ, ,, ܘܦ, ܦ, ܐ genannt als Endung des Stat. Emph. bzw. als Suffixe beim Nomen (und Affixe beim Verb)).

ܠܘܠܐ глагол: предисловие, 1, 3, 5, 8, 10, 12—20, 22—30 (B. Verb, (verbal) form, Zeitwort — 22); выражение: 1 (B. Ausdrück); объяснение: 6, 28 (B. Auseinandersetzung — 6, Abschnitt — 28); предложение: 1, 13, 19 (B. Satz, Nachsatz (ܠܘܠܐ ܘܘܘܐ) — 19, Verb — 19); слово: 12, 14, 17, 20, 29, 30 (B. Wort — 14, 17, 29, 30, Verb — 12, 20, Syntax (ܠܘܠܐ ܘܘܘܐ) — 30); форма глагола: 27 (B. Form des Verbi); учение: 14 (B. Wort; M. 55, 1) Wort; 2) Verb als zweiter Redeteil; 3) Rede, Satz). ܠܘܠܐ ܘܘܘܐ (син. ܠܘܠܐܘܘܘܐ) причастие: 16, 30 (B. Participium; M. 56).

ܠܘܠܐ (син. сир. ܠܘܠܐܘܘܘܐ, ܠܘܠܐܘܘܘܐ, араб. جملة) речь, предложение: предисловие, 11, 14, 18, 28, 29 (B. Rede, Satz, Redeganzes — 14, Vordersatz (ܠܘܠܐ ܘܘܘܐ) — 18); язык: предисловие, 17 (B. Rede, Sprache; M. 56 — без ссылки на И. Т.). ܠܘܠܐܘܘܘܐ законченная речь: 10, 14 (B. Vollkommene Rede — 14, verschiedene Sätzen — 10 (ܠܘܠܐܘܘܘܐ); M. 55 ܠܘܠܐܘܘܘܐ 1) Vollständig: vom Sätze).

ܠܘܠܐ множественное число: 20 (B. Plural; M. 57, 1) Numerus; 2) Zahlwort). ܠܘܠܐ часть: 16, 30 (B. Teil). ܠܘܠܐܘܘܘܐ ܠܘܠܐ часть речи: 12, 18, 28, 30 (B. Redeteil, Wortart — 12, (sieben) Teil(e) der (Syrischen) Sätz(e) — 28; M. 57).

ܠܘܠܐ среднее произношение (между твердым и мягким): 27 (B. Middle; M. 58, 1 — без ссылки на И. Т.).

ܠܘܠܐܘܘܘܐ состояние: 30 (B. Stufe).

ܠܘܠܐ долгая (гласная): 17 (B. Gedehnten Laut).

ܠܘܠܐ снабженный знаком ܠܘܠܐ: 28 (B. Versieht mit Nâgûdâ; M. 59. Binden (Wörter beim Lesen)). ܠܘܠܐ название знака чтения: 28, 29 (B. Nâgûdâ; M. 59).

ܠܘܠܐ название ударения: 29 (B. Mnâhtâ; M. 59 — без ссылки на И. Т.). ܠܘܠܐܘܘܘܐ название ударения: 29 (B. Schuḥlâf Mnahtâ).

ܠܘܠܐ вид: предисловие, 1, 30 (B. Ziel, Termini, ähnlich gebildeten); цель: предисловие, 18 (B. Absicht, Ziel); знак, ударение: 29 (B. Zeichen); форма: 30 (B. Anweisung; M. 59).

ܠܘܠܐ (син. ܠܘܠܐܘܘܘܐ, ܠܘܠܐ) префикс: 12, 16 (B. Anfangsbuchstaben (d. h. Kasus), Fall); (син. ܠܘܠܐܘܘܘܐ, ܠܘܠܐܘܘܘܐ) падеж: 18, 27 (B. Fall; M. 62 Syn. ܠܘܠܐܘܘܘܐ 1) Kasus als Akzidens des Nomens; 2) die vier Partikeln („Kasusbuchstaben“) ܘܘܘܐ, ܘܘܘܐ, ܘܘܘܐ, ܘܘܘܐ). ܠܘܠܐܘܘܘܐ,

- ḥāwāw префиксы (падежные буквы ܘ, ܝ, ܝ): 16 (B. Fall; M. 63—*ссылка только на И. Т.*).
- ḥaww произношение: 5, 7, 26—29 (B. Aussprache; M. 64, 2). ḥaww ḥaww произношение: 26 (B. Aussprache). ḥaww ḥaww озвученное произношение: 7 (B. Vokalische Aussprache). ḥaww произношение: 15, 27 (B. Aussprache; M. 64). ḥaww (ḥ ḥaww) произношение: 15 (B. Aussprache). ḥawwaww присоединение: 16 (B. Verbindung; M. 64 Aussprache—*без ссылки на И. Т.*).
- ḥaww женский род: 1, 5, 20, 23, 25, 27, 30 (B. Femininum, Femininformen; M. 65). ḥawwaww в женском роде: 30 (B. Femininformen; M. 65). ḥawwaww, ḥawwaww женский род: 1, 5, 15, 20, 27, 28 (B. Feminin, Femininum, Femininformen, weiblichen (Nominibus); M. 65).
- ḥaww точка: 26, 29 (B. Punkt; M. 66); знак: 29 (B. Akzent). ḥaww ḥaww одинаковые точки: 29 (B. In senkrechter Linie stehende Punkte).
- aww (причастие, инфинитив, в породах Et^hpaal, Aphel, Ettap^hal) *самые различные оттенки значений этих форм, а главным образом — быть соединенным, присоединенным, связанным, последовательным, отнесенным, поставленным, продолженным: 3, 5—7, 9, 13, 15—17, 19, 22, 23, 25—28 (B. Gebraucht werden, trifft, verbinden, versehen (das Nomen), hinzufügen, setzen ist, zu ergänzen, erstreckt, vorhanden, zusammenfügt, gilt, anhängen, bezieht, setzen in Verbindung, folgerichtig; M. 66). ḥaww аффикс: 3 (B. Zusatz); дополнение: 30 (B. Anhängsel); связь: 18 (M. 67 Anhängsel, Zusatz). ḥawwaww присоединенный: 13 (B. Hinzutritt; M. 67 Anhängsel, angehängt — *без ссылки на И. Т.*). ḥawwaww присоединение: 15, 17 (B. Zusammenschluß—17); последовательность: 26; сопряженное состояние: 28 (B. Zusammengehörigkeit; M. 67 Anhängung überhaupt; 2) Annexion, Annexionsverhältnis; 3) Akzidens). ḥawwawwaww присоединение: 16 (B. (Status-konstruktus) verbindung; M. 68 Anhängung, Annexion; Suffigierung, Annexion an Suffixe).*
- ḥawwaww, ḥawwaww, ḥawwaww, ḥawwaww, ḥawwawwaww, ḥawwawwaww, ḥawwawwawwaww множественное число: 1, 4, 5, 9, 15, 20, 22, 23, 25, 27, 28 (B. Plural; M. 69).
- ḥawwaww точки множественного числа: 30 (B. Pluralzeichen; M. 70, 2). ḥawwawwawwaww расположение точек: 29 (B. Setzung der Punkte; M. 70 ḥawwaww 1) Setzung der Punkte).
- ḥawwawwaww a, ḥawwawwaww a (син. ḥawwawwaww a) название вида гласной w: 27, 30 (B. Masâqâ, Vau masaqtâ; M. 71, 1).
- ḥawwaww название ударения: 13, 16, 29 (B. Sâmkâ; M. 72 — *без ссылки на И. Т.*). ḥawwawwaww название ударения: 29 (B. Sâmkâ gnîbnâ).
- ḥawwawwawwaww название ударения: 29 (B. Schuhlâf Sâmkâ; M. 72 — *без ссылки на И. Т.*).

עֲשֵׂה дело, действие: предисловие, 1—3, 7, 27, 30 (**B.** Thatsache, Leiden—3, Handlung, Etwas—7, Ding—27); (здравый) смысл: 1 (**B.** Sinn); категория: предисловие, 25, 27 (**B.** Ding—предисловие, Etwas, Sinn); обстоятельство: предисловие, 1. (**B.** Thatsache); объект действия: 1 (**B.** Patiens); понятие: 22, 28 (**B.** Begriff; **M.** 72, 1) Tätigkeit, Abstraktum; 2) Realität, Ding). **עוֹשֵׂה** (син. сир. **עוֹשֵׂה**, араб. **فَاعِل**) деятель: 1 (**B.** Handelnde, Agens; **M.** 72—*ссылка только на И. Т.*); создатель: 30 (**B.** Handelnde). **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה** действие: 25 (**B.** Handeln; **M.** 73 Tätigkeit). **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה** (син. араб. **مَنْعُول**) объект действия: 1—3 (**B.** Patiens, leiden; **M.** 73). **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה** объект действия, деятель которого не упомянут вместе с ним: 3 (**B.** Passiven Sätzen; **M.** 73 Leiden—*ссылка только на И. Т.*).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה сталкиваться (о буквах): 30 (**B.** Zusammenstossen).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה изысканность (языка и речи): 29 (**B.** Eleganz).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה линия, знак чтения: 28 (**B.** Linie).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה спрягать: 27 (**B.** Flectieren; **M.** 73 **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה** ableiten. Et.^hpass.).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה спряжение: 18, 24 (**B.** Flexion; **M.** 73 Ableitung, Abwandlung).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה густота (о трудности произношения при удвоенности букв в глаголе): 28 (**B.** Dick; **M.** 73).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה (причастие) управлять (в грамматическом смысле): 1, 12, 18 (**B.** Regieren, grammatisch beeinflussen; **M.** 74—*ссылка только на И. Т.*);

производить: 10 (**B.** Hervorbringen). **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה** действующий (подразумевается деятель, носитель действия): 1 (**B.** Handelnde); дело, действие: 26, 30 (**B.** Handlung, Tat; **M.** 74 **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה** Tätigkeit, Prädicat eines Verbalsatzes—*без ссылки на И. Т.*).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה (син. **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה**) деятель: 1, 3, 16, 30 (**B.** Agens, Thäter; **M.** 74, 2). **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה** (глагол) активного залога: 26 (**B.** Aktiv).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה активный залог: 20 (**B.** Aktivisch); активный (о букве): 30 (**B.** Bildungs(buchstaben)); винительный падеж: 2 (**B.** Akkusativ; **M.** 74—*ссылка только на И. Т.*).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה действие: 19 (**B.** Wirksamkeit; **M.** 74—*без ссылки на И. Т.*).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה объект действия: 1, 3 (**B.** Patiens; **M.** 74).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה (син. **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה**) примыкающий к союзу: 30 (**B.** Zur Konjunktion gehörig; **M.** 76).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה наречие: 10, 16 (**B.** Adverb; **M.** 76); примыкающий к предложению: 30 (**B.** Zum Satz gehörig).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה наречие места: 18 (**B.** Örtlichen Adverb).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה наречие времени: 18 (**B.** Zeitliches Adverb).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה (син. сир. **עוֹשֵׂה עֲשֵׂה**, араб. **ظُرُوفِ الزَّمَانِ وَالْمَكَانِ**) наречие: 10, 30 (**B.** Adverb; **M.** 76).

עוֹשֵׂה עֲשֵׂה название ударения: 12, 13, 16, 18, 28, 29 (**B.** 'Elâjâ; **M.** 76—*без ссылки на И. Т.*).

- ح (причастие действительного залога, инфинитив, Arhel) присоединять, соединять: 9, 12, 13, 16, 19, 25, 30 (В. Hinzutreten, verbinden, brauchen, vorkommen, hinzufügen; М. 76). **ح** присоединение (букв): 1 (В. Grund der Buchstaben; М. 76). **ح** артикль: 1 (В. Grund); причина: 7, 16, 18, 24, 25, 30 (В. Grund, Ursache; М. 77 Stammwort — без ссылки на И. Т.). **ح** причинный падеж: 16 (В. Akkusativ; М. 77, 3) (**ح**) gr. αἰτιατικῆ (πτῶσις)).
- ح** название ударения: 18, 29 (В. 'Esjânâ; М. 78 — без ссылки на И. Т.).
- ح** знак чтения: 29 (В. 'Asîsâ; М. 79).
- ح** корень: 18, 24, 27 (В. Wurzel; М. 79).
- ح** (общая) связь предложения: 15 (В. Gewebe des Satzes; М. 79 — ссылка только на И. Т.).
- ح** будущее время: 25 (В. Futurformen; М. 79). См. **ح**.
- ح** (Pael, причастие) быть подобным, относиться, сравнивать: 9, 14, 26, 27 (В. Ähnliche, gleichen, vergleichen, bilde die Analogie; М. 80 Pa. Punktieren — без ссылки на И. Т.). **ح** пунктуация, знаки пунктуации: 28, 29 (В. Punctuation, Interpunctuation, Interpunktionszeichen); быть огласованным: 30 (В. Vokalisirt werden; М. 80, 1) Punctuation; 2) Punktzeichen). **ح** знаки препинания: 13 (В. Interpunktionszeichen; М. 34).
- ح** падеж: 16, 18 (В. Kasus, Fall); (син. **ح**) спряжение (глаголов): 27 (В. Kasus; М. 81, 1) von den „Kasusbuchstaben“ **ح**, **ح**, **ح**, **ح**; 2) Flexionsform). **ح** прямой падеж: 16 (В. Geraden Kasus).
- ح** название ударения: 29 (В. Mîsânâ; М. 81, 2 — без ссылки на И. Т.).
- ح** половина **ح**: 17 (В. Halbe Alaf). **ح** полугласная: 25 (В. Halber Laut; М. 87, 2). **ح** полугласная (буква): 17, 25, 27 (В. Halbvokalisch (Buchstab), halb Vokalbuchstab; М. 88, 2).
- ح** (Ethpeel, причастие) отсекать, сокращать: 5, 7—9, 12, 15, 26 (В. Abschneiden, abstossen, verkürzen, fortgenommen wird, abwerfen, arokopieren; М. 81 — без ссылки на И. Т.). **ح**, **ح**, **ح** (син. араб. الترخيم) сокращение, усечение имени: 4, 6—9, 26 (В. Abschneiden, Verkürzung der Nomina, Verkürzung; М. 81). **ح**, **ح** (син. араб. الجزم) сокращение, усечение глагола: 5, 8, 24 (В. Verkürzung der Verben, Verkürzung, Abschneiden, Ausstossung; М. 81). **ح** название ударения: 13, 29 (В. Der Satz ein enuntiativer — 13, Pâsûqâ); повествовательное (предложение): 7 (В. Enunciativ; М. 81). **ح** ограниченный: 18 (В. Beschnitten ist; М. 81

- abgekürzt — без ссылки на *И. Т.*). **ḥḥḥḥ** сокращенный вид: 8 (B. Verkürzt); краткость: 8 (B. Kürze).
- ḥḥḥḥ** название ударения: 25, 29 (B. Paqûdâ); повелительное предложение: 7 (B. Imperativ; M. 82, 1, 3). **ḥḥḥḥ** повелительное наклонение: 5, 15, 25 (B. Imperativ; M. 82, 2). **ḥḥḥḥ** в повелительном наклонении: 5, 15, 23—25 (B. Imperativ, Imperativform, im Imperativ; M. 82). **ḥḥḥḥ**, **ḥḥḥḥ** повелительное наклонение: 5, 15, 23, 26 (B. Imperativ; M. 82 **ḥḥḥḥ**).
- ḥḥḥḥ** взрывное произношение (буквы): 27 (B. Hervorgestossen).
- ḥḥḥḥ** заключительная часть (периода предложения): 18, 19 (B. Nachsatz; M. 82). **ḥḥḥḥ ḥḥḥḥ** вторая часть периода предложения: 29 (B. Nachsatz).
- ḥḥḥḥ** лицо (в местоимениях и глаголах: 1-е, 2-е, 3-е): 5, 10, 15, 25, 27, 28, 30 (B. Person; M. 83).
- ḥḥḥḥ** (причастие, Ethpeel, Ethpaal) отличать, различать, разделять, обозначать, устанавливать: 15, 17, 24, 27, 29 (B. Unterscheiden, auszeichnen, trennen, bestimmen). **ḥḥḥḥ** (диакритические) знаки: 17 (B. Diakritische Zeichen); различие, отличие, разделение, разница: 15, 23—25, 28, 30 (B. Unterscheidung, Unterschied; M. 84). **ḥḥḥḥ** (знак), различающий (произношение букв), разделяющий (слова при чтении предложения): 27, 28 (B. Unterscheidende, Trennung; M. 85). **ḥḥḥḥ** написанный раздельно: 30 (B. Getrennt).
- ḥḥḥḥ** фразовый член: предисловие, 13, 14 (B. Satzglied, Glied, Pethgâmâ — 14); слово: 1, 20, 30 (B. Wort, Glied — 20); предложение: 1, 12, 19, 28, 29 (B. Wort — 1, Satzglied — 12, Satz; M. 86).
- ḥḥḥḥ** название гласной а: 12, 17, 27, 28 (B. Pthâhâ; M. 86). **ḥḥḥḥ** название гласной петâḥâ: 24 (B. Pthâhâ; M. 86). **ḥḥḥḥ** (согласная буква), снабженная гласной **ḥḥḥḥ**: 27, 30 (B. Pthâhâ, mit Pthâhâ versehen ist; M. 86). **ḥḥḥḥḥḥ** (буква) произносится с **ḥḥḥḥ**: 17, 26, 29 (B. Mit Pthâhâ ausgesprochen wird).
- ḥḥḥḥ** желательное предложение: 7 (B. Predicativen); название ударения: 29 (B. Msaljânâ; M. 86). **ḥḥḥḥḥḥ** (син. **ḥḥḥḥḥḥ**, **ḥḥḥḥḥḥ**) падеж: 2, 18 (B. Flexionsform, Flexion); изменение флексии (глагола): 27 (B. Flexion; M. 86).
- ḥḥḥḥ** форма: 30 (B. Zeichnung).
- ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ** (син. сир. **ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ**, араб. ظروف الزمان والمكان) наречие: 10 (B. Adverbien; M. 87 — ссылка только на *И. Т.*).
- ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ** предлог: 10, 30 (B. Präposition; M. 87).
- ḥḥḥḥ** голос: 17 (B. Stimme; M. 87, 1) Laut, Laut der Buchstaben; Tonfall, Stimmodulation; 2) Selbstlaut der Vokale). **ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ** — см. **ḥḥḥḥḥḥ**.

- كلمة, كالملة, كالملة كالملة гласная (буква): 6, 7, 17, 24, 25, 27 (B. Vokalbuchstab, vokalisch — 17, Vokal — 27, für sich lautbar sind — 27; M. 88). كالملة كالملة см. كالملة; كالملة كالملة см. كالملة (كالملة.ك) كالملة уничтожение (буквы при сокращении глаголов): 5 (B. Unterdrückt wird).
- كالملة (син. араб. نعت) определяющее прилагательное: 13, 19 (B. Qualificativ; M. 89 Prädicat). كالملة كالملة определение определения: 13, 19 (B. Qualificativ des Qualificativ; M. 89 — не дает перевода термина, ссылка только на И. Т.). كالملة كالملة общее сказуемое: 7 (B. Ganze Kategorie).
- كالملة краткая (гласная): 17 (B. Leichten (d. i. Kurzen Vokal); M. 89). كالملة легкость (произношения слов): 28 (B. Leichtigkeit; M. 89). كالملة легкая (гласная): 17 (B. Leicht (d. i. Kurz)).
- كالملة название ударения: 29 (B. Mqalsânâ; M. 89 — без ссылки на И. Т.).
- كالملة звательное (предложение): 7 (B. Vokativen); название ударения: 29 (B. Qârûjâ; M. 91 — без ссылки на И. Т.). كالملة звательный падеж: 16 (B. Vokativ; M. 91, 2 — ссылка только на И. Т.).
- كالملة произносить (букву): 26 (B. Hörbar machen; M. 91).
- كالملة, كالملة сильный (о произношении): 30 (B. Hart; M. 92, 1) Hart, mit Quššâjâ gesprochen (Buchstabe)). كالملة твердо произносимая (буква): 12, 27 (B. Hart; M. 92). كالملة твердо (произнесенная буква): 30 (B. Mit Härte). كالملة твердое произношение (буквы), знак, указывающий на это произношение: 27, 28 (B. Quššâjâ; M. 92). كالملة, كالملة твердое произношение буквы (с كالملة): 27, 30 (B. Hart (ausgesprochen)). كالملة произносится твердо (о букве): 30 (B. Hart ausgesprochen).
- كالملة, كالملة произносится с كالملة (о букве): 24, 26 (B. Ausgesprochen wird mit Rbhâšâ; M. 93 — ссылка только на И. Т.). كالملة название гласной: 12, 17, 25—27 (B. Rbhâšâ; M. 93). كالملة разновидность гласной w: 25 (B. Vau rbhištâ; M. 93); знак гласной كالملة: 27 (B. Rbhâšâ).
- كالملة كالملة название ударения: 29 (B. Raḥtâ dphâseq; M. 93 — без ссылки на И. Т.). كالملة كالملة كالملة название ударения: 29 (B. Raḥtâ dlâ Phâseq; M. 94 — без ссылки на И. Т.). كالملة كالملة название знака чтения: 28 (B. Marḥtânâ; M. 94, 2).
- كالملة название гласной (разновидности w): 27 (B. Rwaḥtâ; M. 94). كالملة a, كالملة a a, произнесенный с гласной كالملة: 25 (B. Vau rwiḥtâ; M. 94).
- كالملة (причастие, Ethreel, причастие, Arhel) отбрасывать, сокращать (букву): 5, 6, 12, 13, 15, 17, 24, 25, 28 (B. Fortnehmen — 5, 13, 15, 25; ver-

- loren — 5, wegnehmen — 5, elidieren — 6, entfernen — 12, 17, 24, weglassen — 17, fortlassen — 25, unterdrücken — 28; **М.** 94). **𐤊𐤍** отбрасывание (буквы): 5, 28 (**В.** Wegnehmen, Aufhebung; **М.** 94 — *ссылка только на И. Т.*). **𐤊𐤍𐤌** отбрасывание (гласной): 5 (**В.** Fortnehmen).
- 𐤊𐤍𐤍** образование (имен и глаголов): 27 (**В.** Zusammensetzung); построение (слов): 30 (**В.** Syntax, Zusammensetzung; **М.** 96).
- 𐤊𐤍𐤎** мягкое (произношение): 12 (**В.** Weich; **М.** 96). **𐤊𐤍𐤏** смягчение (буквы при произношении), знак, обозначающий смягчение: 12, 27, 28 (**В.** Erweichung, Rukâkhâ; **М.** 96). **𐤊𐤍𐤐** (произносится) мягко: 30 (**В.** Weich ausgesprochen; **М.** 96). **𐤊𐤍𐤑** мягко (произносимая буква): 27, 30 (**В.** Weich (aspirirt)). **𐤊𐤍𐤒** смягченное (произношение буквы): 27 (**В.** Weich). **𐤊𐤍𐤓** смягченная (буква, т. е. произнесенная с **𐤊𐤍𐤏**): 28 (**В.** Weich auszusprechen sei).
- 𐤊𐤍𐤔** название ударения: предисловие (**В.** Rethma; **М.** 98 — *без ссылки на И. Т.*).
- 𐤊𐤍𐤕** название ударения: 29 (**В.** Mšajlânâ); вопросительное предложение: 7 (**В.** Interrogativen; **М.** 98).
- 𐤊𐤍𐤖** изменение: 2, 3, 16 (**В.** Veränderung). **𐤊𐤍𐤗𐤍𐤕𐤓** **𐤍𐤖** изменение вокализации, гласной: 13, 18 (**В.** Veränderung der Vokale). **𐤊𐤍𐤗𐤍𐤕𐤓** **𐤌** не изменяемые (буквы, т. е. не претерпевающие **𐤊𐤍𐤖** или **𐤊𐤍𐤏**): 12 (**В.** Nicht veränderlichen). **𐤊𐤍𐤗𐤍𐤕𐤓** измененная (гласная): 18 (**В.** Geändert wurden).
- 𐤊𐤍𐤗𐤍𐤕** общая (форма): 27 (**В.** Gemeinsam); соприкосновение (народов и языков): предисловие (**В.** Berührung; **М.** 98 gr. μετοχή — *без ссылки на И. Т.*). **𐤊𐤍𐤗𐤍𐤕𐤓** (син. **𐤊𐤍𐤗𐤍𐤕**) предикативное прилагательное; 16 (**В.** Adjektivum; **М.** 98 (gr. μετοχή) von dem **𐤊𐤍𐤗𐤍𐤕**). **𐤊𐤍𐤗𐤍𐤕𐤓** прилагательное: 30 (**В.** Adjectiv; **М.** 99 (gr. μετοχή) — *ссылка только на И. Т.*).
- 𐤊𐤍𐤘** быть в покое: 17 (**В.** Ruhen; **М.** 99). **𐤊𐤍𐤙**, **𐤊𐤍𐤚** безгласная (неподвижная) буква, находящаяся в покое: 16, 17 (**В.** Ruhend, Ruht, vokalloser Buchstabe, ruhender Konsonant, ruhen, ruhender sei); покой: 17, 27 (**В.** Ruhe; **М.** 99). **𐤊𐤍𐤛** **𐤊𐤍𐤜** см. **𐤊𐤍𐤜**. **𐤊𐤍𐤝** находящаяся в покое: 17 (**В.** Ruhen (d. h. vokallos)).
- 𐤊𐤍𐤞** слово: 1, 17 (**В.** Nominibus, wort); имя (как часть речи): предисловие, 1—4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 16—22, 25—30 (**В.** Nomina, Nomen, Nominibus, Wort—30); ударение: 17 (**В.** Betonung); название: 30 (**В.** Name, Benennung; **М.** 100). **𐤊𐤍𐤟** (**𐤊𐤍𐤠**) (имена) места: 3 (**В.** Ort.). **𐤊𐤍𐤡** **𐤊𐤍𐤢** несклоняемые имена: 1 (**В.** Indeklinabel).
- 𐤊𐤍𐤣** **𐤊𐤍𐤤** имя, подвергающееся действию: 1 (**В.** Patiens). **𐤊𐤍𐤥** **𐤊𐤍𐤦** (син. араб. معرفة) определенное имя: 11 (**В.** Bestimmte... Nomen). **𐤊𐤍𐤧** **𐤊𐤍𐤨** (син. араб. نكرة) неопределенное имя:

- 11 (В. Unbestimmte... Nomen). **ῥηοῖα** имена действия: 27 (В. Nominibus Aktionis; М. 73). **ῥηοῖα** объект действия: 3 (В. Patiens). **ῥηοῖα** имена получающие (т. е. объекты действия): 2 (В. Empfangenden Nominibus). **ῥηοῖα** название: 30 (В. Benennung; М. 102 (ar. صفة) Qualifikativ — без ссылки на И. Т.).
- ῥηοῖα** (син. сир. **ܪܗܘܐ**, араб. **الحرر**) сказуемое: 13, 18, 19 (В. Enuntiativus, Prädicat); изъявительное наклонение: 15, 23, 25 (В. Praeteritum, Form von Praeteritum, Perfekt); высказывание: 18, 29 (В. Nachsatz (**ῥηοῖα ῥηοῖα**) — 18, Aussage — 29); повествование: 13, 14 (В. Erzählung (d. i. Darstellung); М. 102). **ῥηοῖα** изъявительное наклонение: 15, 25 (В. Praeteritum; М. 102). **ῥηοῖα** в изъявительном наклонении: 5, 15, 23—25 (В. Praeteritum — 5, 15, 23, 24, Perfektum — 24, Perfektform — 25; М. 103).
- ῥηοῖα** звук: 17 (В. Laut); форма (слова): 18, 25—28 (В. Paradigma — 18, 25, 27, Form — 26, 28, Conjugation — 26; М. 103, 1) Silbe; 2) Form. Во втором значении ссылка только на И. Т.).
- ῥηοῖα** название ударения: 29 (В. Schräjä; М. 104, 2 — без ссылки на И. Т.). **ῥηοῖα** подлежащее: 18 (В. Vordersatz); возникновение, начало (слова): 2, 18, 25, 30 (В. Anfang; М. 104). **ῥηοῖα** буквы **ϝ**, **ϗ**, **ϛ**: 1, 2 (В. Artikel); (син. **ῥηοῖα**, **ῥηοῖα**) частицы (**ϝ**, **ϗ**, **ϛ**): 4, 16 (В. Casus); падеж: 16 (В. Casus; М. 104). **ῥηοῖα** начальные буквы: 12 (В. Anfangbuchstaben; М. 105 — ссылка только на И. Т.).
- ῥηοῖα** выразительность, ударение: предисловие (В. Festen Regeln; М. 105 (ar. **تأكيد**) Verstärkung — без ссылки на И. Т.). **ῥηοῖα** основа предложения: 30 (В. Grundlage des Satzes).
- ῥηοῖα** (= **ῥηοῖα**) название гласной: 25—27 (В. Schislä; М. 105).
- ῥηοῖα** (син. **ῥηοῖα**) определенный (об имени): 1, 11 (В. Determinirt, bestimmt); постоянный (в значении твердо установленный): 2, 18 (В. Fest, feststehend; М. 106).
- ῥηοῖα** название ударения: предисловие, 12, 13, 16, 28, 29 (В. Tahtjä; М. 106 — без ссылки на И. Т.).
- ῥηοῖα** название ударения: 29 (В. Tksa; М. 106 — без ссылки на И. Т.).
- ῥηοῖα** (син. **ῥηοῖα**) наука об усовершенствовании языка: 18 (В. Sprachverbesserung). **ῥηοῖα** правильность речи: предисловие (В. Orthoepie; М. 109 **ῥηοῖα** (**ῥηοῖα**) Sprachrichtigkeit).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Грамматика Ильи Тирханского — древнейшая дошедшая до нас грамматика сирийского языка. До нее мы не располагаем произведениями, посвященными изложению всех вопросов грамматической системы сирийского языка. Возможно, это объясняется не только тем, что подобные труды не сохранились до наших дней и мы не имеем о них сведений в более поздних сочинениях; по-видимому, у сирийцев на самом деле не существовало всеобъемлющего труда по вопросам грамматики.

В предисловии и в тексте своей грамматики Илья Тирханский высказывает соображения относительно истории развития сирийской грамматики и как бы подводит итоги предшествующему изучению сирийского языка. Он пишет: „Обычно этот язык считается исключительно бедным и незначительным по [количеству] правил, которые ограничиваются объяснением знаков языка. Я же, если ты будешь судить по работе, осветил силу, скрытую в нем, и написал книгу. И я предоставляю любителям истины, которые существуют ныне и войдут в этот скоропреходящий мир в будущем, рассеянные и распыленные мысли, которые я соединил и собрал воедино, с тем чтобы мы со всей полнотой могли судить о правилах сирийского языка, о большой выразительности его имен и глаголов, которые даны с древнейших времен. Обдуманно и последовательно добивались и добиваются знания категорий своего языка как древние, так и современные ученые“ (предисловие).

В описании Ильи Тирханского труды по грамматике сирийского языка до него не имели законченного характера, так как каждый из грамматиков, сосредоточиваясь на каком-либо вопросе, не упоминал своих предшественников, не использовал их сведения. Вследствие этого все вопросы грамматики не были соединены „в одну ткань“ и грамматика сирийского языка не имела законченного, заверщенного характера, не „приобрела совершенства“ (гл. 18).

Далее, в этой же главе, сирийский ученый называет имена известных сирийских грамматиков и рассказывает кратко об их вкладе в развитие сирийской грамматики: „Иаков Эдесский и другие упоминали о частях речи, о их связи, говорили о формах [слов]. Хонейн бар Исхак [писал] относительно сказуемого и подлежащего, предложения, которое является заключительной частью высказывания; Иосиф Хузайа, Рамишо и остальные восточные [грамматики] — о видах пунктуации, о различных

[ее] значениях и о всех ее подразделениях. В восточных школах по традиции получают и передают друг другу [все правила] об ударении, а именно: *Qal, Kal, Kasabab, Kaḥ*, — правила, [касающиеся] глаголов и их спряжений, имен, их корней, согласных букв, которые сокращаются без ущерба, и тех, которые не сокращаются, предшествуют [словам]. Ясно, что если бы все это было объединено в одну ткань, грамматика сирийского языка стала бы большим искусством“.

Короче говоря, Илья Тирханский отмечает, что: 1) грамматика сирийского языка разрабатывалась с древнейших времен; 2) на основе глубокого и всестороннего изучения языка еще древними учеными были установлены правила по всем вопросам грамматической системы; 3) ученые-грамматики посвящали свои труды главным образом уточнению и объяснению чтения и произношения и разработке отдельных вопросов, а не категориям грамматической системы языка в целом, в результате чего 4) ко времени Ильи Тирханского не существовало грамматического сочинения, которое содержало бы полный свод всех грамматических правил сирийского языка.

По-видимому, Илья Тирханский объясняет такое состояние грамматической науки сирийцев отчасти тем, что они неправильно понимали значение грамматики, поэтому в предисловии дает следующее ее определение: „...грамматика является, кратко, наукой об изменениях имен, глаголов и фразовых членов какого-нибудь одного языка или [наукой об изменениях], касающихся многих языков, т. е. наукой о правилах различных изменений имен, глаголов и фразовых членов, обозначающих понятия, скрытые в душе человека“.

Это определение поднимает изучение грамматики сирийского языка на новую ступень.

К решению задачи составления грамматики сирийского языка автор подошел очень серьезно. Он пишет в своем предисловии, что прежде чем начать писать свою книгу, он занялся изучением языков. Основное внимание было им обращено на исследование и изучение сирийского и арамейского языков, и, „не попросту“, а в „доме изучения наук“, затем на арабский язык, в грамматике которого он „провел некоторое исследование“. Греческого же языка Илья Тирханский не знал, но все же изучил „Органон“ Аристотеля, который считает необходимым „орудием“ для изучения всех наук, а особенно для изучения „явлений речи и языка“. „Поэтому, — пишет он, — я счел необходимым написать руководство для начинающих изучение сирийского языка, следуя тем правильным мыслям, которые я установил. Более всего я согласовывал [свои исследования] с [грамматикой] арабского языка, богатого этим искусством“.

Илья Тирханский сообщает, что он не знал греческого языка, факт, который был бы совершенно невозможен для грамматика более раннего периода. Но в XI в., когда эпоха греческого влияния на развитие сирийской грамматической науки отошла уже в прошлое, это было обычным явлением. В грамматике нашего автора следы греческой науки

о языке можно отметить, с одной стороны, как результат предыдущего развития сирийской грамматики, а с другой стороны — как черты, характерные для всей средневековой науки о языке, которая во многом следовала античным грамматикам.

Древнейшее учение¹ греков о делении звуков на согласные, гласные и полугласные было освоено сирийскими учеными и имеется в грамматике Ильи Тирханского без особых пояснений. Он понимал значение этих терминов, только под влиянием теории арабских грамматиков о гласных и знаках гласных предлагал обозначать термином полугласная (ܟܘܠܘܠܐ ܕܥܘܠܐ) знак гласного.

Выделение двух частей речи — имени и глагола и объяснение различия между ними посредством логических рассуждений, с привлечением их функции в предложении как субъекта и предиката, которое впервые было сделано Платоном в Кратиле,² подобно определению имени и глагола у Ильи Тирханского.

Можно предположить, что рассуждения Ильи Тирханского о происхождении мужского рода над женским, связанные с анализом форм глаголов в мужском и женском роде, объясняются не только знакомством с трудами арабских грамматиков, но являются следствием „путаницы рода в отношении естественного пола и грамматической формы“,³ которая присуща древнейшим рассуждениям греков о языке. А конец гл. 30 его грамматики, который содержит объяснение значения отдельных форм и слов, можно объяснить стремлением автора соблюсти каноны античной науки о языке, для которой были характерны рассуждения на грамматические темы и развито искусство правильного употребления слов.⁴ Следует отметить, что все упомянутые вопросы учения греков о языке являются результатом доаристотелевского, т. е. древнейшего, периода развития греческой грамматики.⁵

Следующее важное отличие изучаемой нами грамматики от предшествующих заключается в том, что Илья Тирханский — первый сирийский грамматик, который поставил себе целью изложить грамматику сирийского языка по арабскому образцу. Но он не стремился перевернуть все основы, а опирался на достижения предыдущих поколений сирийских грамматиков, себе он приписывает роль только „собирателя правил“, которые известны издавна, но не были компактно и последовательно изложены. Содержание его грамматики тесно связано с сирийской грамматической традицией. Так, вопросы усовершенствования сирийского алфавита и обозначения произношений букв ܕܘܠܘܢܐ раз-

---

¹ Fischer. The origin of tripartite division of speech in semitic grammar, p. 131.

² Там же, стр. 138.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Также еще до Аристотеля в учении греков отмечаются рассуждения о подлежащем и сказуемом, о числах, наклонениях и временах. См. там же.

рабатывались почти всеми сирийскими грамматиками. Илья Тирханский подчеркивает в своей грамматике первоначальную грамматическую направленность несторианской системы пунктуации. Выделяя в сирийском языке семь частей речи, он следует сирийской грамматической традиции. Категории имени существительного (и прилагательного, изложенные на примерах слов, относящихся к имени существительному), вся система глагола, имеющиеся в грамматике Ильи Тирханского, представляют результат многовекового изучения языка сирийскими учеными. Однако в изложении и объяснении образования почти всех форм имени и глагола он применил правила арабской грамматики об усечении некоторых имен (в звательной форме — *الترخيم*) и глаголов (в условном наклонении — *الجزم*) и считал усечение одним из основных грамматических особенностей как имен, так и глаголов. Практически для развития сирийской грамматики это не имело никакого значения, кроме того, может быть, что дополнительно обращало внимание на формо- и словообразование в сирийском языке.

Много места Илья Тирханский посвятил сопоставлению некоторых арабских грамматических понятий и их терминов с сирийскими. Не всегда эти сопоставления были удачными и полезными, но они имели и положительные результаты. Так, например, определение грамматики, данное в предисловии, также является отчасти результатом его работы по сравнению арабского и сирийского языков в основном с терминологической стороны.

Илья Тирханский старался использовать в своем труде многие положения арабской грамматики, но, к сожалению, основные достижения арабской грамматической мысли: „Грамматические категории, отражающие взаимосвязи морфологических явлений в разных синтаксических единицах, а также глубокий анализ и четкое определение отдельных, взятых вне синтаксических связей, явлений словоизменения и словообразования и, наконец, разработка понятий корня и флексии“⁶, так же как „методические основы их исследований“⁷ — остались не до конца понятыми. Как справедливо заметил еще П. К. Коковцов, Илья Тирханский „не додумался до, казалось бы, простой мысли использовать основной принцип арабской системы — закон трехбуквенности корней для разработки сирийской грамматики“⁸.

В эпоху Ильи Тирханского в связи с изменением исторической судьбы сирийцев после арабского завоевания наблюдается упадок изучения и употребления сирийского языка. Это отразилось как на теоретическом и научном уровне грамматики, так и на композиции,

⁶ Г. М. Габучан. К вопросу об арабских грамматических учениях. В сб.: Семитские языки, М., 1963, стр. 50—51.

⁷ Там же.

⁸ П. К. Коковцов. Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагйда и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII веках. Пгр., 1916, стр. 73.

и на отборе материала или тем, включенных в изучаемую нами грамматику.

Во всех разделах грамматики чувствуется ее практическая направленность. Цель автора — дать практические советы для быстрого усвоения правил и изучения языка. Например, он не дает классификации звуков, хотя она уже существовала в сирийской грамматике, а знакомит читателя только с тремя группами букв, знание свойств которых важно для знания и понимания форм имен и глаголов. Изложение системы глагола также напоминает урок, который учитель дает ученику, обостряя его внимание на самых важных моментах.

Практический характер грамматики Ильи Тирханского ни в коей мере не умаляет ее значения, так как это первая грамматика сирийского языка, которая донесла до нас не только результат работы поколений сирийских грамматиков, но и бесценные сведения о многих из них, об истории развития сирийской грамматической науки.

Почти каждый вопрос, который освещается в грамматике Ильи Тирханского, представляет глубокий интерес и заслуживает тщательного исследования с привлечением материалов сирийского, арабского и греческого языков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Определение термина „грамматика“	12
Буквы, звуки, знаки	16
Определение частей речи	31
Имя (существительное)	36
Глагол	48
Употребление арабских терминов в грамматике Ильи Тирханского	76
Перевод	94
Индекс грамматических терминов, употребляемых в грамматике	140
Заключение	154

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК. ВЫП. 14 (77)
*Рима Гатовна Рылова. Грамматика сирийского языка
Ильи Тирханского XI в.*

*Утверждено к печати
Российским Палестинским обществом
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *А. М. Решетов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 6/1 1965 г. Подписано к печати 17/IV
1965 г. РИСО АН СССР № 2-131 В. Формат бумаги
70×108^{1/16}. Бум. л. 5. Печ. л. 10=13.7 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 11.32. Изд. № 2570. Тип. зак. № 4.
Тираж 1200. ТП 1965 г. № 119 дополнительно.
Цена 68 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука“
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука“, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
95	4 снизу	(ܩܘܪܥܘܢ)	(ܩܘܪܥܘܢ)
108	10 сверху	ܩܘܪܥܘܢ — ܩܘܪܥܘܢ	ܩܘܪܥܘܢ — ܩܘܪܥܘܢ
124	2 снизу	ܩܘܪܥܘܢ	ܩܘܪܥܘܢ

Р. Г. Рылова. Грамматика сирийского языка.

